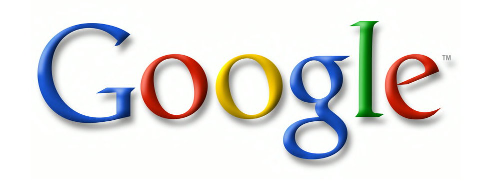
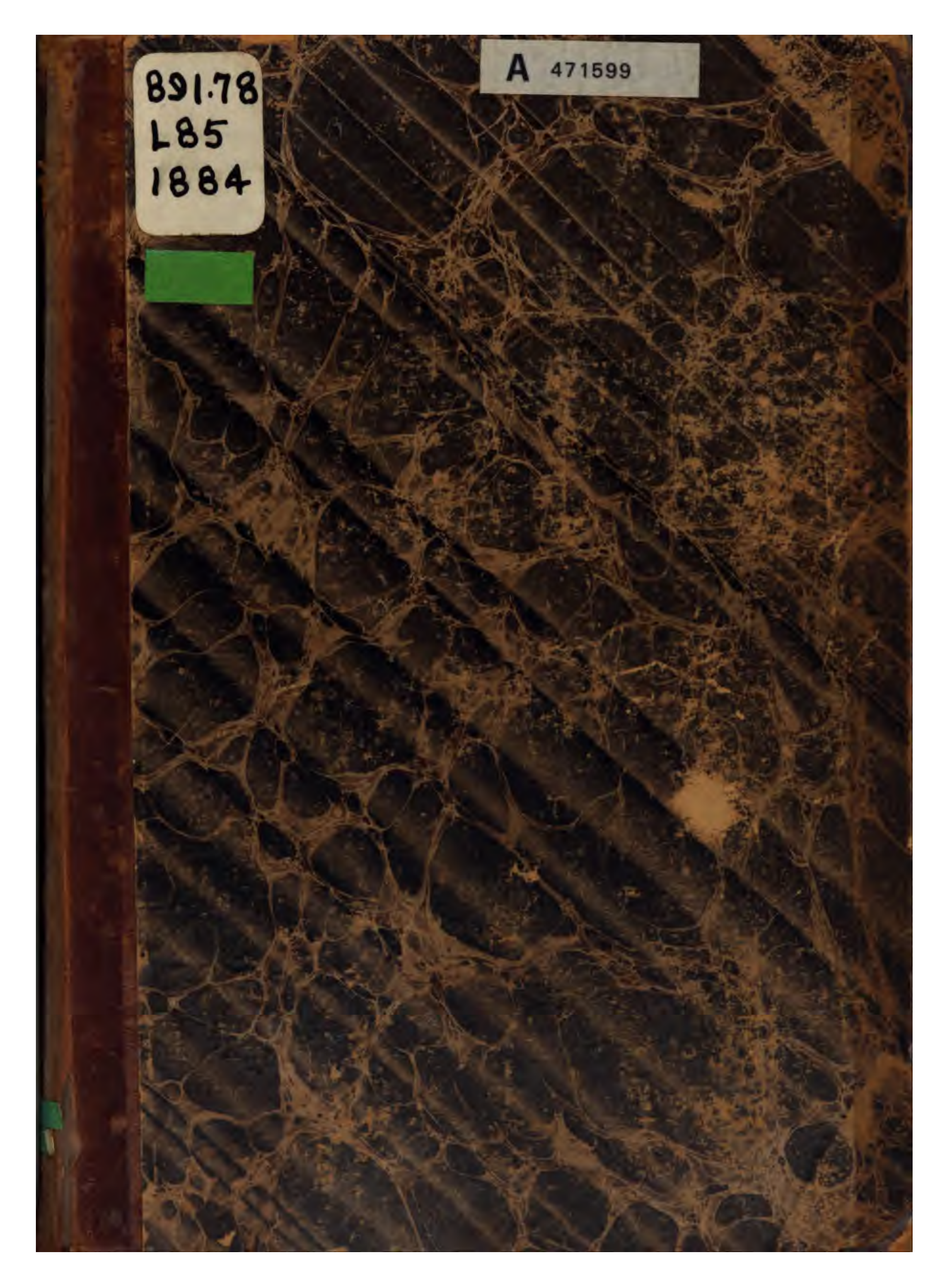

A 471599
891.78
L85
1884

Ломоносовъ. „О размноженіи и сохраненіи народа".

I. О размноженіи. Препятствія:

1. Неравенство браковъ — стр. 167.

2. Насильственные браки: „Для того должно венчающимъ священникамъ накрѣпко подтвердить, чтобы они... оныхъ не допускали и не венчали подъ опасеніемъ лишенія чина".

3. Монашество: „Надобно клобукъ запретить мужчинамъ до 50, а женщинамъ до 45 л."

II. О сохраненіи.

1. Сохраненіе дѣтей.

а) Убійство незаконнорожденныхъ: „Для избѣжанія столь ужаснаго злодѣйства и для сохраненія жизни неповинныхъ младенцевъ надобно-бы учредить нарочные богадѣльные дома, для невозбраннаго зазорныхъ дѣтей пріему, гдѣ богадѣльныя старушки могли-бъ за ними ходить вмѣсто мамокъ или бабокъ".

б) распространеніе болѣзней между дѣтьми (составить книжки о повивальномъ искусствѣ и о дѣтскихъ болѣзняхъ и распространить ихъ въ народѣ).

в) Крещеніе дѣтей въ холодной водѣ. — 169.

2. Сохраненіе (страданія) взрослыхъ.

а) праздничный разгулъ, смѣненный суро-
вымъ постомъ — 170.

б) Болѣзни.

в) бѣдствія (пожары, наводненія, повѣтрія).

г) Грабежи и разбой (правильные разме-
жеваніе земли; укрѣпить города, наблю-
дать въ городахъ надъ приходящими
и выходящими и пр.).

О живыхъ покойникахъ (больницахъ) — 177.

Lomonosov, Mikhail Vasil'evich.

ШКОЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

М. В. ЛОМОНОСОВА.

(ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ)

съ біографіей Ломоносова и съ приложеніемъ портретовъ: Ломоноова, Имп. Елисаветы и И. И. Шувалова.

(Рисунки В. Е. Маковскаго).

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО,

преподавателя Московской 4-й гимназіи.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

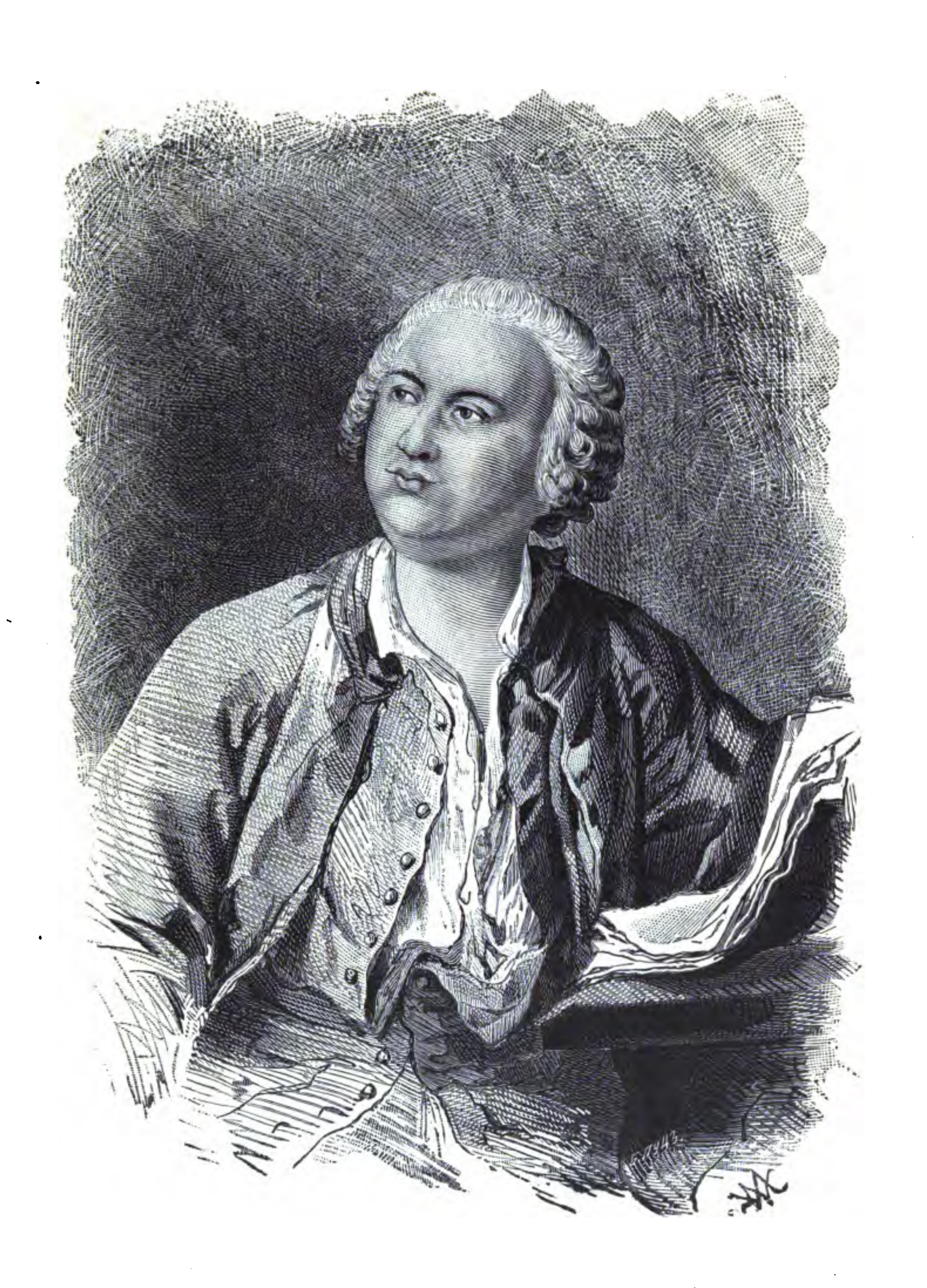
НАСЛѢДНИКОВЪ

БР. САЛАЕВЫХЪ.

МОСКВА.

Типографія А. А. Карцева, Покровка, д. Егорова.

1884.

ПРЕДИСЛОВІЕ

(отъ издателя и редактора).

Сочувственный пріемъ, оказанный нашему школьному изданію сочиненій Пушкина, подалъ намъ мысль издать для школъ сочиненія и другихъ образцовыхъ писателей. На этотъ разъ предлагаемъ сочиненія Ломоносова. Это изданіе предназначается для учениковъ и ученицъ среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ пособія при изученіи исторіи русской литературы.

Что касается до выбора произведеній, то редакторъ, само собою разумѣется, старался выбрать изъ нихъ наилучшія въ художественномъ отношеніи и наиболѣе характеристическія. Онъ не помѣстилъ даже отрывковъ изъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ Ломоносовъ только пробовалъ свои силы, но не достигъ совершенства. Напротивъ, лирическія произведенія, разсужденія и письма даются въ такомъ количествѣ, что читатель можетъ вынести цѣльное и опредѣленное представленіе о Ломоносовѣ, какъ о поэтѣ, ученомъ и человѣкѣ.

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣщены краткія историко-литературныя, лексическія и другія объясненія, необходимыя для правильнаго и яснаго пониманія читаемаго ученикомъ внѣ класса, безъ помощи учителя.

Во введеніи предлагается краткій біографическій очеркъ и оцѣнка литературной и ученой дѣятельности Ломоносова.

Къ книгѣ приложены портреты (Ломоносова, Имп. Елисаветы и И. И. Шувалова) и картины, рисованные академикомъ В. Е. Маковскимъ.

О жизни и трудахъ Ломоносова†).

I.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился въ 1711 году,*) въ деревнѣ Денисовкѣ (Болото тожъ), расположенной на песчаномъ, низменномъ островѣ, близъ города Холмогоръ. Отецъ его Василій Дороѳеевъ Ломоносовъ былъ государственный крестьянинъ, промысломъ рыбакъ, а мать Елена Ивановна была дочь дьякона изъ села Матигоръ, въ сосѣдней волости. Василій Дороѳеевъ отличался прямодушіемъ, добротою и замѣчательной предпріимчивостью. «Онъ имѣлъ» (говорили про него жители тѣхъ мѣстъ) «въ рыбномъ промыслѣ счастіе, а собою былъ простосовѣстѐнъ и къ сиротамъ податливъ, а съ сосѣдями обходителенъ, только грамотѣ не ученъ». О его предпріимчивости свидѣтельствуетъ то, что онъ первый изъ крестьянъ той области построилъ и по-европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ галіотъ, который прозвалъ «чайкою». На немъ онъ ходилъ по сѣверной Двинѣ, Бѣлому и Сѣверному морю для рыбныхъ промысловъ; возилъ также по-найму разные запасы изъ Архангельска въ Пустозерскъ, въ Соловецкій монастырь, въ Колу и другія мѣста. На эти промыслы, соединенные, конечно, съ большими трудами и опасностями, онъ рано сталъ брать съ собою своего единственнаго сына.

---

† Библіографію о Ломоносовѣ см. въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, 1872 года, томъ VIII, № 2: С. И. Пономаревъ: „Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ". Въ томѣ же VIII, № 1 (1871 г.) помѣщенъ Антона Будиловича „Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова".

*) Годъ рожденія Ломоносова показывается различно; большинство показаній за 1711 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь именно, среди суровой сѣверной природы, въ опасныхъ и далекихъ плаваніяхъ стала зарождаться въ Ломоносовѣ та необычайная смѣлость характера, которою, какъ увидимъ далѣе, онъ всего болѣе отличался. Неизвѣстно, на которомъ году Ломоносовъ началъ ученіе, говорятъ только, будто бы первымъ его учителемъ былъ крестьянинъ той же деревни Иванъ Шубный, и что Ломоносовъ скоро научился читать церковныя книги. Онъ читалъ въ церкви съ такою охотою, что «нерѣдко биванъ былъ», какъ говорится въ одномъ жизнеописаніи его, «не отъ сверстниковъ по лѣтамъ, но отъ сверстниковъ по ученію, за то что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ предъ ними произносить читаемое къ мѣсту разстановочно, внятно, а при томъ и съ особою пріятностію и ломкостію голоса.»

Ломоносовъ рано лишился матери. Отецъ его женился на другой женѣ. Злая мачеха причиняла не мало огорченій мальчику. Вотъ какъ онъ отзывался о ней впослѣдствіи: «Я имѣлъ отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую, завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами;—для чего я многократно принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы». Разсказываютъ, будто Ломоносовъ на тринадцатомъ году «уловленъ былъ раскольниками такъ называемаго толка безпоповщины, держался онаго два года, но скоро позналъ, что заблуждаетъ.»

Въ домѣ крестьянина своей деревни, по имени Христофора Дудина, Ломоносовъ увидѣлъ однажды славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго, ариѳметику Магницкаго и стихотворную псалтырь Симеона Полоцкаго. Эти книги онъ пріобрѣлъ въ собственность и не только прочелъ ихъ, но даже выучилъ наизусть. Изъ нихъ всего больше должна была заинтересовать его ариѳметика Магницкаго, въ которой, кромѣ правилъ ариѳметическихъ, помѣщено значительное количество любопытныхъ задачъ, нѣкоторыя правила геометріи и пасхаліи. Нѣтъ сомнѣнія, что эти книги, которыя Ломоносовъ называлъ «вра-

тами своей учености», содѣйствовали между прочимъ тому, что онъ задумалъ покинуть свою родную деревню и идти въ Москву учиться наукамъ.

Въ декабрѣ 1730 года Ломоносовъ взялъ себѣ паспортъ въ Холмогорахъ (отъ Милюкова, управляющаго земскими дѣлами) и «выпросивъ у сосѣда своего Ѳомы Шубнаго китаечное полукафтанье и заимообразно три рубля денегъ, не сказавъ своимъ домашнимъ, ушелъ въ путь».. Дошедши до Антоніева Сійскаго монастыря, въ ста верстахъ отъ Холмогоръ, онъ остановился здѣсь и отправлялъ нѣкоторое время псаломническую должность, однако пробылъ въ монастырѣ весьма не долго, заложилъ взятое у Шубнаго полукафтанье одному крестьянину, и съ рыбнымъ обозомъ отправился въ Москву.

Въ январѣ 1731 года онъ прибылъ въ древнюю столицу. Разсказываютъ, будто бы «въ Москвѣ, гдѣ у него не было ни души знакомыхъ, спалъ онъ первую ночь на возу. Проснувшись на зарѣ, онъ сталъ думать о своемъ положеніи, и съ горькими слезами палъ на колѣни, усердно моля Бога ниспослать ему помощь и защиту. Въ то же утро пришелъ господскій дворецкій на рынокъ закупать рыбу. Онъ былъ родомъ съ той же стороны и, разговорившись съ Ломоносовымъ, узналъ его. Онъ пріютилъ его на господскомъ дворѣ между дворнею».

Ломоносовъ поступилъ сначала въ навигатскую школу на Сухаревой башнѣ, «обучаться ариѳметикѣ,» но такъ какъ этой науки ему показалось мало, то онъ вскорѣ перешелъ въ Заиконоспасскую словено-греко-латинскую школу, назвавшись, какъ говорятъ, поповскимъ сыномъ. О своемъ ученіи въ этой школѣ Ломоносовъ говоритъ: «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство по тамошнему состоянію, которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны — несказанная бѣдность; имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее

на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны, пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою бытность предлагали; съ другой стороны, школьники, малые ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться». Въ одномъ жизнеописаніи Ломоносова объ этомъ времени сказано: «имѣлъ въ обученіи хорошій успѣхъ; носилъ тогда платье сермяжнаго сукна, черкасскаго покроя, а между прочимъ въ томъ монастырѣ отправлялъ пономарскую должность». Другой біографъ прибавляетъ: «Въ монастырѣ обучался Ломоносовъ съ великою охотою и оказалъ примѣрные успѣхи. По прошествіи перваго полугода, перевели его изъ нижняго класса во второй; въ томъ же году изъ втораго въ третій классъ. Черезъ годъ послѣ того столько сталъ онъ силенъ въ латинскомъ языкѣ, что могъ уже на немъ сочинять небольшіе стихи. Тогда началъ учиться по-гречески; въ свободные часы вмѣсто того, что другіе семинаристы проводили ихъ въ рѣзвости, рылся въ монастырской библіотекѣ. Находимыя въ оной книги утвердили его въ языкѣ славянскомъ. Тамъ же, сверхъ лѣтописей, сочиненій церковныхъ отцовъ и другихъ богословкихъ книгъ, попалось въ руки его малое число философическихъ, физическихъ и математическихъ книгъ». Изъ школьныхъ произведеній Ломоносова до насъ дошли только слѣдующіе стихи, написанные за учиненный имъ проступокъ.

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши сѣли,
Въ радости запѣли.
Едва стали ясти,
Попали въ напасти,
Увязли бо ноги.
Ахъ, плачутъ убоги:
Меду полизали,
А сами пропали.

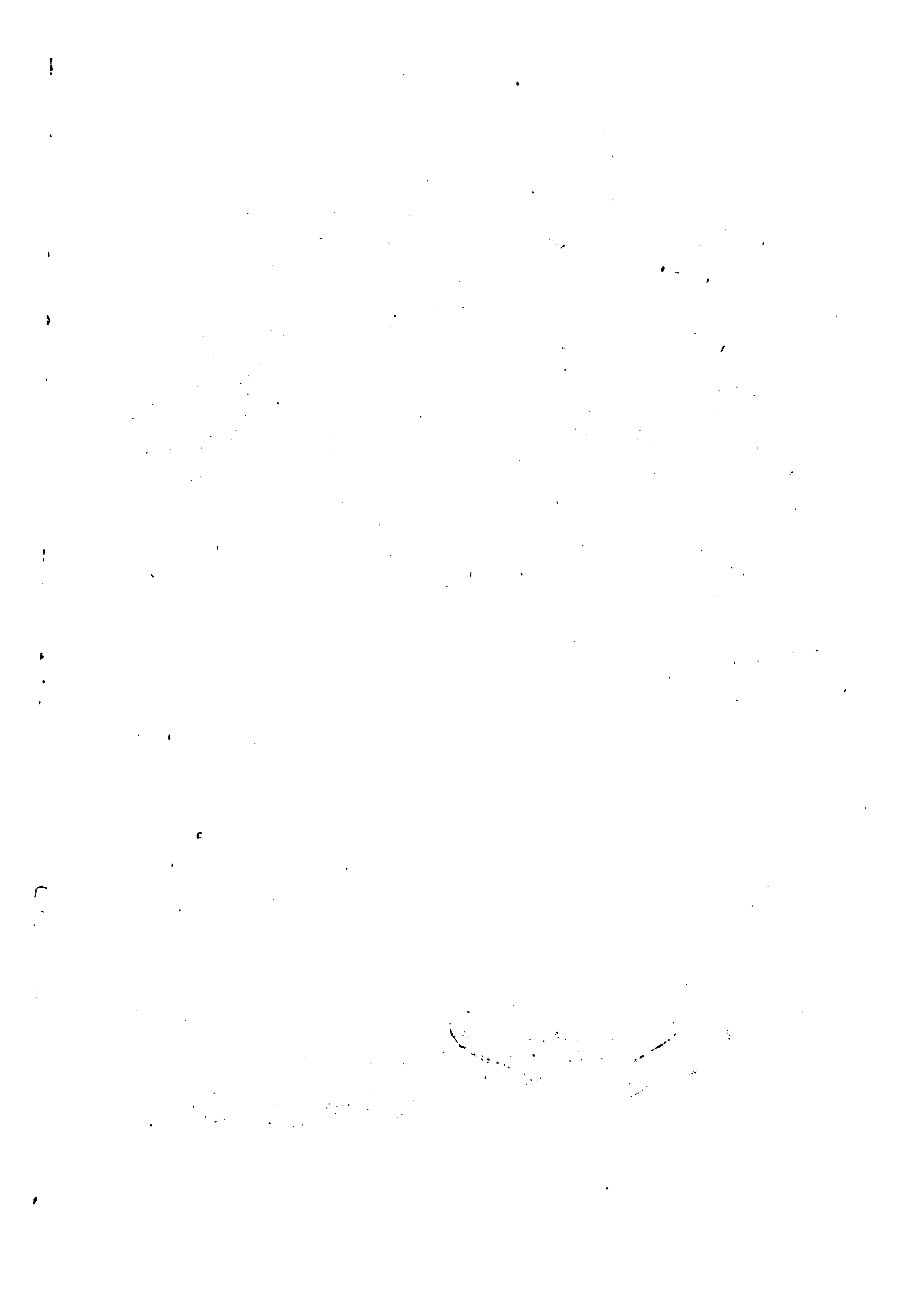
Сохранился, кромѣ того, учебникъ Риторики (Artis Rhetoricae praecepta), писанный рукою Ломоносова и любопытный своимъ

сходствомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ его «Краткимъ руководствомъ къ краснорѣчію».

Науки, преподававшіяся въ Спасскихъ школахъ, не удовлетворяли Ломоносова. Въ 1734 году онъ отправляется въ Кіевъ, въ тамошнюю Академію, быть можетъ, надѣясь найти въ ней преподаваніе наукъ математическихъ и физическихъ. Но Кіевская Академія мало отличалась отъ Московской: Ломоносовъ нашелъ тамъ то же схоластическое преподаваніе словесныхъ и богословскихъ наукъ; поэтому, не пробывъ въ Кіевѣ и одного года, вернулся въ Москву. Однако пребываніе въ Кіевѣ не осталось безъ пользы: здѣсь Ломоносовъ, говорятъ, познакомился съ древними лѣтописцами и съ нѣкоторыми греческими и латинскими книгами, какихъ не нашелъ въ Москвѣ.

Прибывъ изъ Кіева, Ломоносовъ сталъ продолжать ученіе въ философскомъ классѣ; его уже предназначали къ поступленію въ священники въ Корелу, какъ вдругъ неожиданно участь его измѣняется:—въ это именно время изъ Петрбурга приходитъ въ Спасскую школу предписаніе выслать лучшихъ школьниковъ въ академическую гимназію для обученія математикѣ, физикѣ и языкамъ. Говорятъ, Ломоносовъ «неотступно просилъ архимандрита (ректора школы), чтобы его туда послалъ». Желаніе его сбылось.

2-го января, 1736 года, онъ прибылъ въ Петербургъ съ своими одиннадцатью товарищами, которые прапорщикомъ Поповымъ были представлены въ Академію наукъ. Но учиться здѣсь было нечему и не у кого; уроковъ въ академической гимназіи почти не бывало, ибо преподаватели—нѣмцы нисколько не заботились о русскихъ ученикахъ. Мало того, прибывшіе изъ Москвы школьники, сначала находившіеся на академическомъ содержаніи, вскорѣ перестали его получать такъ что принуждены были подать прошеніе въ Сенатъ о томъ, что терпятъ крайнюю нужду, а въ наукахъ наставленія не имѣютъ; нѣкоторые изъ нихъ «безъ призрѣнія и добраго смотрѣнія (говоритъ Ломоносовъ), будучи въ уничтоженіи, отъ унынія и отчаянія пустились въ подлость и тѣмъ потеряны». Ломоносову впрочемъ и на этотъ разъ счастіе не измѣнило, ему недолго пришлось жить въ Петер-

кавшіяся на содержаніе студентовъ, а Ломоносовъ постоянно требовалъ всей суммы сполна. Эти столкновенія кончились полной ссорой: «Когда я ему наше бѣдственное положеніе изъяснилъ (говоритъ Ломоносовъ) и униженно началъ просить о выдачѣ назначенныхъ намъ денегъ, то онъ сперва отвѣчалъ токмо: «ни полушки больше не дамъ», а потомъ началъ осыпать меня всѣми возможными ругательными и поносными словами, выпроводилъ меня кулаками изъ комнаты и при томъ, не знаю почему, грозилъ мнѣ послать за городской стражей». Вслѣдствіе этихъ непріятностей Ломоносовъ оставилъ Фрейбергъ и направился въ Лейпцигъ къ барону Кейзерлингу, русскому посланнику. «Но прибывъ туда 19 мая (пишетъ Ломоносовъ), я къ своему огорченію и несчастію, увѣдомился, что онъ уѣхалъ въ Кассель на предстоящее бракосочетаніе принца Фридриха. Нашедши въ Лейпцигѣ нѣсколько добрыхъ друзей изъ Марбурга, которые хотѣли взять меня съ собою въ Кассель, я рѣшился туда отправиться. Во Фрейбергѣ мнѣ не токмо нечего было ѣсть, но и нечему было болѣе учиться. Пробирное искусство я уже зналъ, курсъ химіи былъ оконченъ, а инспекторъ Кернъ не хотѣлъ начинать, затѣмъ что Генкель вздумалъ вычесть у него слишкомъ много изъ суммы, назначенной ему Академіею наукъ. У маркшейдера же тому, кто математику лучше его знаетъ, приходится обучаться развѣ только натягиванію межеваго шнурка; но вѣдь оному можно научиться, не платя 50 таллеровъ. Прибывъ въ Кассель, я, къ крайнему своему неудовольствію, опять долженъ былъ извѣститься что тамъ ничего о нашемъ посланникѣ не знали. Весьма удивительно мнѣ то показалось, понеже дорогою я въ нѣскольких мѣстахъ о его поѣздкѣ слышалъ. Въ таковомъ отчаянномъ положеніи, не зная, гдѣ находится г. Кейзерлингъ, я почелъ за лучшее отправиться въ Петербургъ чрезъ Голландію (ежели у г. графа Головкина убѣжища себѣ не найду). Сначала я отправился въ Марбургъ, чтобы у старыхъ пріятелей своихъ запастись (деньгами) на поѣздку». Во время этого пребыванія въ Марбургѣ Ломоносовъ женился на Елисаветѣ-Христинѣ Цильхъ, дочери своего хозяина, ремесломъ

портнаго *). Семейная жизнь потребовала, конечно, еще большихъ расходовъ, а у Ломоносова и для себя одного не было денегъ. «Между тѣмъ быть въ тягость господину Вольфу (пишетъ онъ) я не осмѣлился, узнавъ отъ него, что онъ лишь нѣсколько недѣль тому назадъ изъ Петербурга остальныя деньги получилъ. Притомъ примѣтилъ я, что онъ въ сіе дѣло вмѣшиваться не хочетъ». Поэтому Ломоносовъ отправился въ Голландію къ графу Головкину. Графъ однако со всѣмъ отказалъ ему въ помощи и не хотѣлъ вовсе ввязываться въ дѣло. «Затѣмъ я отправился въ Амстердамъ (говоритъ Ломоносовъ) и нашелъ здѣсь нѣсколько знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска, которые мнѣ совершенно отсовѣтовали безъ приказанія въ Петербургъ отправляться. Они представили мнѣ кучу опасностей и несчастій, и потому я опять долженъ былъ возвратиться въ Германію. Коликую опасность и нужду я претерпѣлъ въ пути, мнѣ самому страшно даже вспомнить, и поелику долго было бы писать о томъ, то для краткости лучше вовсе умолчу. Въ настоящее время я живу инкогнито въ Марбургѣ у своихъ пріятелей и упражняюсь въ алгебрѣ, намѣреваясь оную къ теоретической химіи и физикѣ примѣнить. Утѣшаю себя пока тѣмъ, что мнѣ удалось въ знаменитыхъ городахъ побывать, поговорить съ нѣкоторыми искусными химиками, осмотрѣть ихъ лабораторіи и взглянуть на рудники въ Гессенѣ и Зигенѣ».

У одного изъ біографовъ Ломоносова находимъ подробный разсказъ объ опасностяхъ и нуждахъ, о которыхъ упоминаетъ Ломоносовъ въ приведенныхъ выше словахъ. Этотъ біографъ говоритъ: «По дорогѣ въ Дюссельдорфъ, въ разстояніи двухдневнаго пути отъ Марбурга, зашелъ онъ на большой дорогѣ въ мѣстечко, гдѣ хотѣлъ переночевать въ гостиницѣ. Тамъ нашелъ онъ королевско-прусскаго офицера, вербующаго рекрутъ, съ солдатами и съ нѣсколькими новобранцами, которые весело пировали. Нашъ путешествен-

*) Въ церковной книгѣ Марбургской реформатской церкви этотъ бракъ записанъ такъ: „6 іюня, 1740 года, обвѣнчаны: Михаилъ Ломоносовъ, кандидатъ медицины, сынъ Архангельскаго торговца Василія Ломоносова, и Елисавета-Христина Цильхъ, дочь умершаго члена городской думы и церковнаго старшины Генриха Цильха“.

никъ показался имъ пріятною находкою. Офицеръ пригласилъ его безъ платы поужинать и попить въ ихъ компаніи. Не забыли также расхвалить ему королевско-прусскую службу, и мало-по-малу уговорили молодаго странника вступить въ нее. Они такъ поили его, что онъ на слѣдующій день ничего не могъ себѣ припомнить, что происходило съ нимъ въ продолженіе ночи. Проспавшись увидѣлъ онъ только, что у него на шеѣ красный галстукъ, который онъ тотчасъ же снялъ, и въ карманѣ нѣсколько прусскихъ монетъ. Офицеръ же называлъ его славнымъ молодцомъ, которому навѣрно посчастливится въ королевско-прусской службѣ; солдаты называли его товарищемъ. Я. вамъ товарищъ? — сказалъ Ломоносовъ,—я про то ничего не знаю· я русскій, и никогда не былъ вашимъ товарищемъ»!—Что?—возразилъ вахмистръ,—ты намъ не товарищъ? Развѣ ты проспалъ или ужъ забылъ, что ты вчера при насъ принялъ королевскую прусскую службу, ударилъ по рукамъ съ г. поручикомъ, взялъ задатокъ и и пилъ съ нами за здоровье твоего и нашего полка? Будь же бодрѣе, другъ кавалеристъ,—и не раскаивайся; тебѣ у насъ понравится: ты красивый молодецъ и верхомъ будешь очень хорошъ на парадѣ». И такъ, нашъ бѣдный Ломоносовъ сталъ королевскимъ прусскимъ рейтаромъ и дня черезъ два вмѣстѣ съ другими рекрутами, набранными въ окрестности, былъ отправленъ въ крѣпость Везень. Съ этой минуты онъ твердо рѣшился бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ». Этотъ случай, къ счастію, скоро представился. «Однажды, проснувшись вскорѣ послѣ полуночи, онъ замѣтилъ, что всѣ прочіе спали глубокимъ сномъ; онъ рѣшился съ величайшей осторожностію вылѣзти изъ задняго окна и взобраться на валъ». Кое-какъ онъ проползъ мимо часовыхъ, убѣжалъ въ поле и съ большою поспѣшностью добрался до Вестфальской границы, гдѣ почувствовалъ себя свободнымъ.

Въ апрѣлѣ 1741 года Ломоносовъ получилъ черезъ Вольфа вексель во сто рублей при ордерѣ отъ Академіи (отъ 28 февраля, 1741 г.) «немедленно отправиться въ Любекъ и оттуда тотчасъ по открытіи навигаціи возвратиться въ Россію». Это было счастіемъ для Ломоносова.

Въ іюнѣ того же года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, одинъ, оставивъ жену въ Марбургѣ. (Жена пріѣхала въ Петербургъ черезъ два года). Штелинъ, другъ и біографъ Ломоносова, разсказываетъ, будто дорогою, когда Ломоносовъ плылъ моремъ въ свое отечество, случилось съ нимъ происшествіе, которое глубоко тронуло его и котораго онъ никогда не могъ забыть. Онъ проснулся послѣ страшнаго сновидѣнія, въ которомъ онъ очень ясно видѣлъ своего отца, выброшеннаго кораблекрушеніемъ и лежащаго мертвымъ на необитаемомъ, неизвѣстномъ островѣ въ Бѣломъ морѣ, не имѣвшемъ имени, но памятномъ ему съ юности, потому что онъ нѣкогда былъ къ нему прибитъ бурею съ отцомъ своимъ. По прибытіи въ Петербургъ, онъ узналъ отъ своихъ земляковъ, что отецъ его еще прошлой осенью отправился на промыслъ и не возвращался.

Возвратившись въ Петербургъ, Ломоносовъ надѣялся получить мѣсто экстраординарнаго профессора въ Академіи, которое ему было обѣщано при отправленіи за границу. Но это обѣщаніе не было исполнено: Ломоносову поручили сперва привести въ порядокъ минералогическій кабинетъ, для удостовѣренія въ его практическихъ свѣдѣніяхъ по минералогіи. Кромѣ того, въ доказательство своихъ теоретическихъ познаній въ физикѣ и химіи, онъ подалъ въ Академію двѣ диссертаціи на латинскомъ языкѣ. Не смотря на то, что Академія одобрила эти труды, она медлила его назначеніемъ въ профессора. Между тѣмъ въ ноябрѣ 1741 года на престолъ вступила Елисавета Петровна. Ломоносовъ, будучи убѣжденъ, что новая Императрица станетъ покровительствовать болѣе русскимъ, чѣмъ иноземцамъ, въ январѣ 1742 года подалъ въ Академію на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Во оныхъ городахъ будучи (т. е. въ Марбургѣ и Фрейбергѣ), я черезъ полпята года не токмо указанныя мнѣ науки принялъ, но въ физикѣ, химіи и натуральной исторіи горныхъ дѣлъ такъ произошелъ, что онымъ другихъ учить и къ тому принадлежащія полезныя книги съ новыми инвенціями писать могу, въ чемъ я Академіи наукъ специмины моего сочиненія и притомъ отъ тамошнихъ профессоровъ свидѣтельства въ іюлѣ

мѣсяцѣ прошедшаго 1741 года съ докладомъ подалъ. И хотя я Академію наукъ многократно о опредѣленіи моемъ просилъ, однако она на мое прошеніе никакого рѣшенія не учинила, и я, въ такомъ оставленіи будучи, принужденъ быть въ печали и огорченіи». Это прошеніе было удовлетворено; 28 января Ломоносовъ былъ утвержденъ въ должности адъюнкта физическаго класса съ жалованьемъ по 360 руб. въ годъ, «счисляя въ то число квартиру, дрова и свѣчи».

Съ этого времени почти всѣ интересы и вся дѣятельность Ломоносова сосредоточиваются въ Академіи; поэтому, чтобы ясно представить себѣ то и другое, должно познакомиться съ тѣми обстоятельствами, среди которыхъ приходилось дѣйствовать Ломоносову.

Санктпетербургская Императорская Академія наукъ была основана по мысли Петра Великаго Императрицею Екатериною I. Въ Академіи Петръ желалъ «такое зданіе учинить, чрезъ которое бы не токмо слава сего государства для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась, но и чрезъ обученіе и распложеніе оныхъ польза въ народѣ впредь была». Поэтому ученые члены Академіи должны были: 1) «науки производить и совершить», 2) «тѣмъ наукамъ молодыхъ людей публично обучать» и 3) «нѣкоторыхъ людей при себѣ (приватно) обучать, которые бы младыхъ людей первымъ фундаментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли», т. е. Академія должна была заключать въ себѣ собственно академію наукъ, университетъ и гимназію. Но она не могла выполнить сначала всѣхъ указанныхъ требованій. Главнѣйшимъ препятствіемъ къ этому служило то обстоятельство, что профессора были иностранцы, которые плохо знали русскій языкъ и мало заботились объ обученіи чуждаго имъ юношества. Кромѣ того, съ самаго основанія своего Академія страдала отъ дурнаго и безпорядочнаго управленія. Въ то время, когда вступилъ въ нее Ломоносовъ, въ качествѣ адъюнкта, она управлялась канцеляріей, во главѣ которой стоялъ совѣтникъ Шумахеръ, человѣкъ мало ученый, но весьма хитрый, пронырливый. Шумахеръ забралъ власть при первомъ президентѣ Блюментростѣ, а за тѣмъ не выпускалъ ея изъ своихъ рукъ и при Кириллѣ Григорье-

вичѣ Разумовскомъ. Власти Шумахеръ добился тѣмъ, что получилъ въ свое завѣдываніе хозяйственную часть; кромѣ того, (говоритъ Ломоносовъ) «прибиралъ себѣ изъ профессоровъ по обстоятельствамъ партіи и ободрялъ молодыхъ профессоровъ противъ старыхъ, надобныхъ себѣ привлекалъ выдачею напередъ или прибавкою жалованья, а другихъ—томленіемъ, удерживая оное; президента же и другихъ знатныхъ особъ улещая то подареніемъ разныхъ книгъ въ хорошихъ переплетахъ, грыдорованныхъ (гравированныхъ) листовъ, на что многія тысячи рублевъ истрачены, то дачею оныхъ въ долгъ изъ казенной лавки».... Шумахеру впослѣдствіи сталъ помогать зять его Таубертъ, который, «занявъ въ академическомъ домѣ самъ лучшіе покои, на коштъ академическій великолѣпно украшенные, раздалъ другія по своему расположенію квартиры, и переплетчикъ Розенбергъ имѣетъ столько простору, что можно бы умѣстить хорошаго профессора, который терпитъ нужду, переѣзжая по наемнымъ дорогимъ квартирамъ.» «На выстройку въ библіотекѣ и кунстъ-камерѣ шкафовъ хочетъ господинъ совѣтникъ Таубертъ употребить деньги изъ суммы книжной лавки, которая не на то опредѣлена, но на покупку книгъ: библіотека не состоитъ въ золотыхъ шкафахъ, но въ книгахъ, коими наша библіотека весьма недостаточна».

Таковы были порядки въ Академіи. Но этого мало: Шумахеръ и Таубертъ враждебно относились къ русскому учащемуся юношеству.

Съ самаго начала своего вступленія въ Академію Ломоносовъ поставилъ себѣ задачею всѣми силами содѣйствовать возрастанію наукъ, насажденныхъ Петромъ въ нашемъ отечествѣ, чтобы Россія вскорѣ увидѣла своихъ сыновъ таковыми, «какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ». Эту задачу онъ выполнялъ, съ одной стороны, своею ученою и учебною дѣятельностію, съ другой—постоянною и неутомимою борьбою «съ непріятелями наукъ Россійскихъ», т. е. преимущественно съ академической канцеляріей, съ Шумахеромъ, Таубертомъ, и другими.

Долго было бы описывать здѣсь разнообразные и многочисленные труды Ломоносова, какъ ученаго академика, профе-

сора, поэта, оратора; удовольствуемся краткимъ очеркомъ. Въ должности адъюнкта физическаго класса Ломоносовъ состоялъ съ 1742 по 1745 годъ, и занимался научными изслѣдованіями и преподаваніемъ. Онъ представилъ въ конференцію нѣсколько диссертацій, проектъ объ устройствѣ химической лабораторіи, а сверхъ того, дѣлалъ пробы различныхъ солей, коихъ образцы были присланы въ Академію изъ кабинета Ея В. Лекціи же Ломоносова состояли въ преподаваніи физической географіи (по учебнику Крафта); кромѣ того, онъ давалъ наставленія въ химіи и натуральной исторіи, а желающихъ обучалъ стихотворству и штилю Россійскаго языка.

Въ 1745 году онъ произведенъ былъ профессоромъ химіи, въ каковой должности оставался до конца своей жизни. Въ 1757 г. онъ былъ назначенъ членомъ канцеляріи, а съ 1759 года получилъ въ свое завѣдываніе университетъ, гимназію и географическій департаментъ. Чтобы составить себѣ понятіе о разнообразіи и обширности ученыхъ и учебныхъ занятій Ломоносова, приведемъ здѣсь изчисленіе его трудовъ за два года: за 1752 и 1756 г.

Ломоносовъ рапортовалъ академической канцеляріи:

Въ 1752 г. *Въ химіи.* 1) Дѣланы многіе химическіе опыты для теоріи цвѣтовъ, о чемъ явствуетъ въ журналѣ сего года на 25-ти листахъ. 2) Показывалъ студентамъ химическіе опыты тѣмъ курсомъ, какимъ самъ учился у Генкеля. 3) Для яснаго понятія и краткаго познанія всей химіи диктовалъ студентамъ и толковалъ сочиненные мною къ физической химіи пролегомены на латинскомъ языкѣ, которые содержатся на 13 листахъ въ 150 параграфахъ, со многими фигурами на шести полулистахъ. 4) Изыскалъ способы и практикою доказалъ, какъ составлять мусію (мозаику). По канцелярскому указу обучалъ составленію разноцвѣтныхъ стеколъ присланнаго изъ канцеляріи строеній ученика Дружинина для здѣшнихъ стеклянныхъ заводовъ.

Въ физикѣ. 1) Чинилъ электрическія воздушныя наблюденія съ немалою опасностью. 2) Зимою повторялъ опыты о разномъ протяженіи воздуха по градусамъ термометра.

Въ исторіи. Для собранія матеріаловъ въ Россійской исторіи читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Іорнанда, Про-

копія, Павла Діакона, Ѳонара, Ѳеофана Исповѣдника и Леона Грамматика, и иныхъ эксцерптовъ нужныхъ на 3 листахъ въ 161 статьѣ.

Въ словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ оду на восшествіе на престолъ Ея Императорскаго Величества, 2) Письмо о пользѣ стекла. 3) Изобрѣталъ иллюминаціи и сочинялъ къ нимъ стихи: на 25 апрѣля, на 4 сентября, на 25 ноября. 4) Ораторіи второй части, Краснорѣчія, сочинилъ 10 листовъ.

Въ 1756 г. *Въ химіи.* 1) Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на 13 листахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Биція мнѣніе ложно, ибо безъ пропущенія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженнаго металла остается въ одной мѣрѣ. 2) Учинены опыты химическіе со вспоможеніемъ воздушнаго насоса, гдѣ въ сосудахъ химическихъ, изъ которыхъ былъ воздухъ вытянутъ, показывали на огнѣ минералы такіе феномены, какіе химикамъ еще неизвѣстны. 3) Нынѣ лабораторъ Клементьевъ подъ моимъ смотрѣніемъ изыскиваетъ, по моему указанію, какъ бы сдѣлать для фейерверковъ верховыя зеленыя звѣздки.

Въ физикѣ. 1) Изобрѣтенъ мною новый оптическій инструментъ, который я назвалъ никтоптическою трубою (tubus nyctopticus); оный долженъ къ тому, чтобы ночью видѣть можно было. Первый опытъ показываетъ на сумеркахъ ясно тѣ вещи, которыя простымъ глазамъ не видны, и весьма надѣяться можно, что стараніемъ искусныхъ мастеровъ можетъ простереться до такого совершенства, какого нынѣ достигли телескопы и микроскопы отъ малаго начала. 2) Сдѣлалъ четыре новоизобрѣтенные мною пендула, изъ которыхъ одинъ мѣдный, длиною въ сажень, однако служитъ чрезъ механическія стрѣлки противъ такого, который бы былъ вышиною съ четвертью на версту. Употребляется къ тому, чтобы узнать, всегда ли съ земли центръ, притягивающій къ себѣ тяжкія тѣла, стоитъ неподвижно или перемѣняетъ мѣсто. 3) Говорилъ въ публичномъ собраніи сочиненную мною рѣчь о цвѣтахъ.

Въ исторіи. Собранные мною въ нынѣшнемъ году Россійскіе историческіе манускрипты для моей библіотеки, пятнад-

цать книгъ, сличалъ между собою для наблюденія сходствъ въ дѣяніяхъ Россійскихъ.

Въ словесныхъ наукахъ. 1) Сочиняю героическую поэму, именуемую: «Петръ Великій». 2) Сдѣлалъ проектъ со стихами для фейерверка къ 18 декабря сего года.

Сверхъ сего, въ разные годы зачаты дѣлать диссертаціи: 1) О лучшемъ и ученомъ мореплаваніи. 2) О твердомъ термометрѣ. 3) О трясеніи земли. 4) О первоначальныхъ частицахъ, тѣла составляющихъ. 5) О градусахъ теплоты и стужи, какъ ихъ опредѣлить основательно, со мнѣніемъ о умѣренности растворенія воздуха на планетахъ. Къ совершенію привесть отчасти препятствуютъ другія дѣла, отчасти протяжнымъ печатаніемъ комментаріевъ охота отнимается».

Въ 1753 году Ломоносовъ писалъ И. И. Шувалову: «Ежели кто, по своей профессіи и должности, читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публичныя рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной—сочиняетъ стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ, и исторію своего отечества, отъ того я ничего болѣе требовать не имѣю и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось». Къ этому слѣдуетъ прибавить различные записки и проекты о преобразованіи Академіи, объ учрежденіи университета и гимназій, устройство мозаичной и стеклянной фабрики.

Такимъ образомъ вся двадцати-трехъ-лѣтняя служба Ломоносова въ Академіи есть непрерывный, разнообразный и настойчивый трудъ на пользу наукъ и просвѣщенія.

Что касается до вышеупомянутой борьбы Ломоносова съ Шумахеромъ, Таубертомъ, Миллеромъ, и вообще съ преобладаніемъ нѣмцевъ, то нѣтъ нужды излагать ее въ подробности. Достаточно знать, что Ломоносова побуждалъ къ этой борьбѣ горячій патріотизмъ и національная гордость. Шумахера и Тауберта онъ не любилъ за ихъ враждебное отношеніе къ русскимъ ученымъ и учащемуся юношеству. «Шумахеру было опасно, говоритъ онъ, происхожденіе въ наукахъ и произвожденіе въ профессоры природныхъ Россіянъ, отъ которыхъ онъ уменьшенія своей силы больше опасался. Того ради ученіе и содержаніе Россійскихъ студентовъ было въ такомъ небреженіи,

по которому ясно оказывалось, что не было у него намѣренія ихъ допустить къ совершенству ученія. Яснѣе сіе понять можно, что Шумахеръ неоднократно такъ отзывался: я де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры. И недавно зять его, и имѣнія, и дѣлъ и чуть не Академіи наслѣдникъ, отозвался въ разговорѣ о произведеніи Россійскихъ студентовъ: развѣ де намъ десять Ломоносовыхъ надобно, и одинъ де намъ въ тягость.» Между тѣмъ, «каково читать и слышать истиннымъ сынамъ отечества, прибавляетъ Ломоносовъ, когда иностранные въ вѣдомостяхъ и сочиненіяхъ пишутъ о Россіянахъ, что де Петръ В. для своихъ людей о наукахъ напрасно старался, и нынѣ де дочь его Елисавета безъ пользы употребляетъ на то жъ великое иждивеніе», что изъ учениковъ гимназіи и университета не выходитъ русскихъ ученыхъ... Причиною этого Ломоносовъ считалъ самый уставъ Академіи; поэтому неоднократно требовалъ въ немъ существенныхъ измѣненій въ духѣ національномъ, просилъ объ ослабленіи власти канцеляріи и объ отдѣленіи отъ Академіи университета и гимназіи. Въ одной изъ своихъ записокъ онъ говоритъ, что главныхъ причинъ академическаго несчастія двѣ: первая — полученіе правленія акадическимъ корпусомъ отъ людей мало ученыхъ (разумѣется Шумахеръ и Таубертъ), вторая – недоброхотство къ учащимся Россіянамъ въ наставленіи, содержаніи и произведеніи. Поэтому Ломоносовъ желалъ, чтобы въ основу новаго устава была положена идея національная, «чтобы Академія не токмо сама себя учеными людьми могла довольствовать, но размножать оныхъ и распространять по всему государству.» Въ 1764 году онъ представилъ президенту «новое примѣрное расположеніе и учрежденіе Петербургской Императорской Академіи наукъ, на высочайшее разсмотрѣніе и аппробацію сочиненное.» Во 2-мъ § этого проекта сказано: «президентъ Академіи наукъ, нетолько главный правитель и начальникъ, но и оберегатель оныя отъ постороннихъ приключеній и навѣтовъ, требуется человѣкъ именитый и знатный, имѣющій свободный доступъ до монаршей особы, чтобы могъ представлять академическія надобности. Сверхъ того, долженъ быть знающъ нужнѣйшихъ языковъ и обще вникателенъ во всѣ науки;

природный Россіянинъ». Что касается до членовъ Академіи, то они должны быть приготовляемы здѣсь, или чрезъ посылку молодыхъ русскихъ въ чужіе краи. Между тѣмъ по старому регламенту составъ академиковъ долженъ былъ пополняться иностранцами. «Вредительнѣе всего и поносительнѣе Россійскому народу (говоритъ Ломоносовъ), что сочинитель (регламента) положилъ быть многимъ иностраннымъ въ профессорахъ и въ другихъ должностяхъ и тѣмъ далъ поводъ разсуждать о насъ въ другихъ государствахъ, яко бы не было надежды вездѣ имѣть своихъ природныхъ Россіянъ въ профессорахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ должностяхъ.»... «Ибо что иное подумать можно о выписаніи высшаго математика и другихъ профессоровъ, и о дачѣ имъ большаго жалованья, о бытіи адъюнктовъ переводчиками у иностранныхъ профессоровъ, о переводѣ книгъ профессорскихъ, о контрактахъ съ иностранными профессорами, о иностранныхъ канцеляристахъ и провизорѣ типографскомъ, что можно подумать, какъ сіе, что С.-Петербургская Академія наукъ нынѣ и впредь должна состоять по большей части изъ иностранныхъ: то есть, что природные Россіяне къ тому не способны».

Вообще о борьбѣ Ломоносова съ «непріятелями наукъ Россійскихъ» должно сказать, что въ большинствѣ случаевъ правда была на его сторонѣ; лишь изрѣдка онъ увлекался въ крайность. Такъ, напр., онъ не совсѣмъ справедливъ былъ къ историку Миллеру, диссертацію котораго не одобрилъ потому, что Миллеръ производилъ русскихъ князей отъ скандинавовъ, что, по мнѣнію Ломоносова, унизительно было для русскаго народа. При осуществленіи своихъ стремленій Ломоносовъ нашелъ поддержку въ И. И. Шуваловѣ, который питалъ къ нему истинную любовь и уваженіе.

Чрезмѣрные труды преждевременно разстроили сильный организмъ Ломоносова. Въ 1765 году, 4-го апрѣля, на Святой недѣлѣ онъ скончался; смерть встрѣтилъ мужественно, въ духѣ истиннаго христіанина. Послѣднія слова его были: «спокойно и равнодушно смотрю на смерть, жалѣю только о томъ, что не могъ я совершить всего того, что предпринялъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и для славы Ака-

деміи, и теперь, при концѣ жизни моей, долженъ видѣть, что всѣ мои полезныя намѣренія изчезнутъ вмѣстѣ со мною».

Одинъ изъ друзей его такъ описываетъ тѣлесныя и душевныя его качества: «характеръ его:—физическій: отличался крѣпостію и почти атлетическою силою; напр., трехъ напавшихъ на него матросовъ одолѣлъ и снялъ съ нихъ платье. Образъ жизни — общій плебеямъ. Умственный: исполненъ страсти къ наукѣ, стремленія къ открытіямъ; съ низшими и въ семействѣ—суровъ; желалъ возвыситься; равныхъ презиралъ».

II.

О сочиненіяхъ Ломоносова писано было очень много, однако справедливая и полная оцѣнка его заслугъ въ отношеніи русской литературы и науки сдѣлана только въ недавнее время. Современники и ближайшіе потомки слишкомъ высоко ставили его, какъ поэта, почти не обращая вниманія на его важныя заслуги въ наукахъ. Со временъ же Пушкина его безъ мѣры стали порицать за то, что онъ далъ будто бы нашей литературѣ ложное направленіе и такимъ образомъ замедлилъ ея самобытное развитіе въ національномъ духѣ. Оба эти мнѣнія односторонни. Разсмотримъ здѣсь вкратцѣ значеніе Ломоносова въ исторіи нашей литературы и науки, насколько оно выяснилось въ послѣднее время.

Первая и важнѣйшая заслуга Ломоносова въ русской литературѣ есть, безъ сомнѣнія, созданіе прозаическаго и стихотворнаго языка, «выработаннаго изъ богатыхъ и обильныхъ стихій роднаго слова». До Ломоносова, какъ извѣстно, литературнымъ языкомъ былъ признанъ языкъ церковно-славянскій, въ который въ XVII и началѣ XVIII столѣтія западнорусскіе и южно-русскіе ученые внесли большую долю польскаго элемента. «Разрозненные элементы (говоритъ проф. Тихонравовъ) различныхъ литературъ и различныхъ эпохъ носили на себѣ печать своего неодинаковаго и несроднаго русскому обществу происхожденія. Чуждое стихосложеніе силлабическое, роднившее схоластическія вирши Симеона Полоцкаго и его послѣдователей съ сатирами Кантеміра и похвальною одой Тредіаковскаго, дико звучало для русскаго уха. Въ похвальныхъ

одахъ Полоцкаго стихъ церковно-славянскій чередовался съ стихомъ польскимъ, и языкъ православнаго богослуженія вступалъ въ насильственный союзъ съ языкомъ католической страны. Въ русской литературѣ перваго сороколѣтія XVIII вѣка господствовали всевозможные варваризмы, «дикія нелѣпости слова», по выраженію Ломоносова: русская литература этого времени не говорила еще русскимъ языкомъ».

Ломоносовъ заставилъ ее говорить роднымъ языкомъ и достигъ этого, во-первыхъ, своими теоретическими трудами по языку и словесности, во-вторыхъ, прекрасными образцами прозы и стиховъ.

Итакъ, разсмотримъ прежде всего его научныя сочиненія по языку и словесности, тѣмъ болѣе, что безъ знакомства съ этими сочиненіями нельзя справедливо оцѣнить его ораторскихъ и поэтическихъ произведеній; затѣмъ поэтическія и ораторскія сочиненія и наконецъ сочиненія по наукамъ естественнымъ и по исторіи.

Теоретическіе труды Ломоносова по русскому языку и словесности слѣдующіе: Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ (1755), Грамматика (1755), Риторика (1748) и Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства (1739).

Въ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ» Ломоносовъ опредѣлилъ истинное отношеніе русскаго языка къ церковно-славянскому. Признавая близкое родство обоихъ языковъ, признавая полезнымъ вліяніе языка церковно-славянскаго на русскій, онъ въ то же время не отвергъ самостоятельности послѣдняго: онъ указываетъ, какимъ образомъ русскій писатель, не переставая быть русскимъ, можетъ пользоваться богатыми сокровищами языка священныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отрѣзалъ полонизмамъ всякій доступъ въ русскую литературу: «Славяне, живущіе за Дунаемъ, хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако для употребленія славянскихъ книгъ церковныхъ, говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, который много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели *Польскій*, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность». «Этими словами (говоритъ Тихонравовъ) произнесенъ былъ смертный приговоръ литературному языку и направленію XVII вѣка».

Указавъ отношеніе русскаго языка къ церковно-славянскому, Ломоносовъ предлагаетъ правила «чистаго» русскаго языка, создаетъ грамматику. Прежде всего, ему предстояло рѣшить вопросъ, какой изъ разнообразныхъ русскихъ говоровъ слѣдовало положить въ основу грамматики. Ломоносовъ выбираетъ Московскій говоръ, «забывая такимъ образомъ передъ обще-народнымъ дѣломъ свои личныя, мелкія симпатіи Холмогорскія». «Московское нарѣчіе, говоритъ онъ, не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты прочимъ предпочитается». Затѣмъ ему предстояло собрать и привести въ систему матеріалъ русскаго языка. И эту важную и трудную задачу онъ выполнилъ блестящимъ образомъ. Его грамматика представляетъ полный обзоръ склоненій и спряженій; кромѣ того, въ ней даются прекрасныя общія понятія о частяхъ рѣчи, о звукахъ, объ удареніи и т. д. Въ послѣдней главѣ (наставленіе шестое) предлагается краткое ученіе «о сочиненіи частей слова», т. е. краткій синтаксисъ. По мнѣнію проф. Буслаева, эта грамматика «не только не утратила своего ученаго значенія, но и до сихъ поръ по частямъ передается въ обученіи новымъ поколѣніямъ, по позднѣйшимъ руководствамъ, для которыхъ выдержки изъ этой книги составляютъ лучшее украшеніе». Академикъ Гротъ отзывается о ней такъ: «русскіе въ правѣ гордиться появленіемъ у себя въ срединѣ XVIII столѣтія такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія». Если въ грамматикѣ Ломоносова и есть недостатки, то они зависятъ отъ тогдашняго состоянія науки объ языкѣ. (Такъ, напр., Ломоносовъ принималъ глаголы разныхъ видовъ одного корня за одинъ глаголъ (колоть, кольнуть, поколоть, калывать), не могъ объяснить родительнаго падежа на *у* и *ю* вм. *а* и *я* (песку, чаю). Но эти недостатки нисколько не уменьшаютъ великой заслуги Ломоносова, какъ творца первой образцовой грамматики, по которой болѣе полустолѣтія обучалось русское юношество «говорить и писать чисто Россійскимъ

языкомъ по лучшему, разсудительному его употребленію». Она вполнѣ достигла своей цѣли: писать несогласно съ правилами ея стало означать безграмотность. Кромѣ того, грамматика внушала любовь и уваженіе къ родному языку. Въ предисловіи къ ней сказано: «Карлъ V, Римскій императоръ, говаривалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятельми, Итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что онымъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Ишпанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Итальянскаго, сверхъ того, богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка.»

Другой обширный трудъ Ломоносова, примыкающій къ его научнымъ занятіямъ словесностью, есть «Краткое руководство къ краснорѣчію, книга первая, въ которой содержится риторика, показующая правила обоего краснорѣчія, то есть, ораторіи и поэзіи». Здѣсь предложены правила объ изобрѣтеніи мыслей, т. е. приличнаго содержанія для предмета рѣчи; объ украшеніи этого содержанія посредствомъ троповъ и фигуръ и о расположеніи мыслей въ описаніяхъ, повѣствованіяхъ и рѣчахъ. Этотъ трудъ не оригиналенъ и далеко не имѣетъ такого значенія, какъ грамматика, однако онъ весьма важенъ какъ изложеніе той теоріи и тѣхъ правилъ, которыхъ держался Ломоносовъ въ своихъ поэтическихъ и ораторскихъ произведеніяхъ и которыя господствовали въ нашей литературѣ до временъ Пушкина и Жуковскаго. Въ чемъ же заключается эта теорія? Каковы эти правила? «Основныя черты литературной теоріи Ломоносова (говоритъ Тихонравовъ) не принадлежатъ Россіи: вступая въ періодъ новаго литературнаго развитія, послѣдняя порывала свои связи съ средними вѣками тѣмъ же путемъ, какъ и литературы западно-европейскія,—путемъ подражанія классической древности. Въ то время, какъ Ломоносовъ слушалъ у Вольфа математику и физику, въ Германіи безусловно господствовала теорія Готтшеда.—Чтобы указать способъ очистить и создать языкъ

для прозы и особенно поэзіи, Готтшедъ издалъ «Подробную Риторику», въ которой привелъ въ систему главныя положенія ложноклассической піитики. Онъ утверждалъ, что нѣмецкая литература должна подражать древнимъ и, кромѣ того, классическимъ французскимъ писателямъ. Первая часть Ломоносовской риторики перенесла теорію Готтшеда на русскую почву: нетолько существенныя положенія Готтшеда строго удержаны Ломоносовымъ, въ ней переведены буквально цѣлые отрывки изъ теоріи краснорѣчія Готтшеда». «Къ пріобрѣтенію краснорѣчія, говорилъ Ломоносовъ, требуется изученіе правилъ и подражаніе знатныхъ авторовъ», т. е. древнихъ классическихъ и новыхъ французскихъ писателей, которые подражали первымъ. «Объ одной вещи (утерждаетъ Ломоносовъ) можно писать и прозой и стихами. Ежели кто имѣетъ большее познаніе настоящихъ и предшедшихъ вещей, то есть чѣмъ искуснѣе въ наукахъ, у того большее есть изобиліе матеріи къ краснорѣчію», другими словами—поэтомъ можетъ быть только ученый.

Отчасти дополненіемъ къ риторикѣ служитъ «Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства», (1739 г.) въ которомъ изложены правила русской версификаціи... Ломоносовъ идетъ въ этомъ разсужденіи дальше Тредіаковскаго. Соглашаясь съ мнѣніемъ послѣдняго, что въ русскомъ языкѣ долгими слогами должно считать тѣ, на которые падаетъ удареніе, онъ отвергаетъ мнѣніе Тредіаковскаго, что всѣ односложныя слова—долги, не соглашается съ Тредіаковскимъ также и въ томъ, будто русскому стиху свойственны только мужскія риѳмы. «Россійскіе стихи, говоритъ онъ, красно и свойственно на *мужскія и женскія* и *три литеры гласныя въ себѣ имѣющія* риѳмы, подобныя Итальянскимъ, могутъ кончиться. Хотя до сего времени только однѣ женскія риѳмы въ Россійскихъ стихахъ употребляемы были, а мужскія и отъ третьяго слога начинающіяся заказаны; однако сей заказъ толь праведенъ и нашей версификаціи такъ свойственъ, какъ ежели ли бы кто обѣими ногами здоровому человѣку всегда на одной скакать велѣлъ».

Въ своихъ поэтическихъ и ораторскихъ произведеніяхъ Ломоносовъ строго держался вышеупомянутой теоріи красно-

рѣчія. «Поэзія Ломоносова и въ содержаніи, и въ формѣ, говоритъ Тихонравовъ, носитъ ученый характеръ. Парнассъ отождествлялся для Ломоносова съ университетомъ, поэзія съ наукой». Уже первое его поэтическое произведеніе «Ода на взятіе Хотина» есть плодъ внимательнаго изученія теоріи и образцовъ. Ломоносовъ подражалъ въ ней Гюнтеру * и слѣдовалъ правиламъ Готтшеда и Буало; здѣсь встрѣчаются имена и картины, напоминающія міръ классической древности.

Дальнѣйшія его оды, посвященныя большею частію Императрицѣ Елисаветѣ, ярко обнаруживаютъ какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи, въ самомъ предметѣ вдохновенія, основной характеръ музы Ломоносова. По формѣ эти оды ложноклассическія; въ нихъ замѣтно подражаніе Пиндару и Буало. Поэтъ часто обращается къ греческимъ и римскимъ божествамъ, часто вспоминаетъ, а иногда и разсказываетъ классическіе миѳы. Императрицу Елисавету нерѣдко называетъ Минервою, И. И. Шувалова—Меценатомъ и т. п. По содержанію, ихъ можно назвать учеными, въ томъ смыслѣ, что поэта всего болѣе вдохновляетъ мысль о пользѣ и великомъ значеніи наукъ для Россіи. «Для Ломоносова, говоритъ Тихонравовъ, «не было болѣе благодарнаго поэтическаго содержанія, чѣмъ эти медленные успѣхи просвѣщенія въ Россіи, къ которымъ онъ такъ страстно и напряженно приглядывался... Героями, восхищавшими Ломоносова, были не бурные дѣятели войны и разрушенія, но тихіе проводники зиждительныхъ началъ мира и просвѣщенія.

Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.

---

* Прежде было распространено мнѣніе, что Ломоносовъ почти перевелъ оду Гюнтера на миръ Австріи съ Турціей, заключенный въ 1718 г. Академикъ Гротъ сличилъ обѣ оды. Онъ говоритъ: „Принявъ размѣръ подлинника и его десяти-строчную строфу съ тѣмъ же порядкомъ въ сочетаніи риѳмъ, Ломоносовъ сдѣлалъ свою оду почти вдвое короче. Кромѣ внѣшней формы, подражаніе его затѣмъ ограничивается сродным духомъ лиризма, общимъ сходствомъ въ образахъ и заимствованіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей; но оно нигдѣ не доходитъ до степени даже вольнаго перевода“.

Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена,
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена!

«Картины мирнаго народнаго труда, довольства и просвѣщенія часто проходятъ въ одахъ Ломоносова, окрашенныя теплымъ колоритомъ искренняго чувства». Кроткій миръ одинъ даетъ богатства свѣту:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина!
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!

Герои, насаждавшіе въ нашемъ отечествѣ просвѣщеніе, были Петръ и «дѣлъ и похвалъ его наслѣдница» Елисавета. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что оды Ломоносова, посвященныя этимъ героямъ, дышатъ неподдѣльнымъ чувствомъ восторга. Если къ этому прибавить звучный ямбическій стихъ, исполненный силы и выразительности, то мы поймемъ, почему многія изъ этихъ одъ не потеряли своей поэтической прелести до сихъ поръ.

Въ духовныхъ одахъ своихъ Ломоносовъ является тѣмъ же поэтомъ—ученымъ, мыслителемъ. «Размышленіе о Божіемъ величествѣ по случаю сѣвернаго сіянія» есть лучшая ода Ломоносова (говоритъ г. Галаховъ) потому, что въ ней поэтическія представленія имѣли своей основой естествознаніе; величіе Творца сознано посредствомъ научнаго знакомства съ величіемъ природы, какъ Его творенія... Самое названіе оды размышленіемъ даетъ знать, что картина сѣвернаго сіянія, ровно какъ и чувства, ею возбужденныя, имѣли своимъ источникомъ научное знаніе».

Въ самомъ дѣлѣ, любовь къ наукамъ, къ просвѣщенію до такой степени вдохновляла Ломоносова, что онъ способенъ былъ проникаться поэтическимъ чувствомъ даже при описаніи, повидимому, самыхъ прозаическихъ предметовъ. Таково его посланіе о пользѣ стекла. Оно написано съ неподдѣльнымъ поэтическимъ одушевленіемъ, источникъ котораго за-

ключается вообще въ любви къ наукамъ, въ частности же—къ химіи и основанному на ней мозаичному художеству.

Что касается драматическихъ и эпическихъ опытовъ Ломоносова (трагедіи: «Тамира и Селимъ», «Демофонтъ», поэма—«Петръ Великій»—двѣ пѣсни), то объ нихъ нѣтъ нужды подробно говорить здѣсь: они неудачны, ибо у Ломоносова не было таланта ни къ драматической, ни къ эпической поэзіи.

Изъ прозаическихъ произведеній Ломоносова по той же ложноклассической теоріи составлено два похвальныхъ слова—Елисаветѣ и Петру Великому. «Построенное по такой системѣ слово всегда выходило произведеніемъ искусственнаго, условнаго ораторства», говоритъ Галаховъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться, что планъ обоихъ словъ слишкомъ искусственный: Ломоносовъ дѣлитъ слово на части по числу семи добродѣтелей Императрицы, (благочестіе, мужество, великодушіе, мудрость, человѣколюбіе, милосердіе и кротость), а въ словѣ Петру разбираетъ, во-первыхъ, дѣла этого государя, во-вторыхъ,—препятствія, которыя онъ преодолѣлъ, въ-третьихъ, описываетъ добродѣтели Петра. Кромѣ того, оба слова не свободны отъ заимствованій и подражаній. Не смотря однакожъ на эти недостатки, похвальныя слова проникнуты искреннимъ патріотическимъ чувствомъ и тою же любовью къ наукамъ, которыя повсюду проглядываютъ въ поэзіи Ломоносова. Въ уста Елисаветы ораторъ влагаетъ слѣдующія знаменательныя слова, обращаемыя къ учащемуся юношеству: «Обучайтесь прилежно: я видѣть Россійскую Академію, изъ сыновъ Россійскихъ состоящую, желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ. Сего польза, сего слава отечества, сего намѣреніе моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ». Слово Петру Великому важно, сверхъ того, какъ первый обзоръ и оцѣнка дѣяній Петра. Нѣкоторыя мѣста этого произведенія какъ по образности, такъ и по выраженію поистинѣ поэтическія; таково, напр., извѣстное изображеніе многосторонней и неутомимой дѣятельности Петра: «Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я

межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь,—вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени, и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе, и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча».

Что касается стиля обоихъ словъ, то, какъ уже сказано, онъ не свободенъ отъ подражаній латинской конструкціи и отъ нѣкоторой искусственности въ выборѣ и расположеніи словъ; это придаетъ словамъ торжественную величавость. Пушкинъ имѣлъ въ виду похвальныя слова, когда сказалъ о Ломоносовѣ, «что онъ отливалъ свои мысли въ однообразныя и стѣснительныя формы, которыя даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый».

Ученые труды Ломоносова по естествознанію относятся къ различнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ: къ химіи, физикѣ, астрономіи, геологіи, метеорологіи, физической географіи. Важнѣйшія его сочиненія по этимъ наукамъ суть: «Слово о пользѣ химіи», «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ», «Слово о происхожденіи свѣта», «Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли», «Разсужденіе о большей точности морскаго пути», «Явленіе Венеры, на солнцѣ наблюденное 26 мая, 1761 года», «Первыя основанія металлургіи», прибавленія къ металлургіи: «О вольномъ движеніи воздуха, въ рудникахъ примѣчаемомъ», «О слояхъ земли», «Meditationes de caloris et frigoris causa». «Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere», «Anemometrum». Кромѣ этого, Ломоносовъ написалъ множество небольшихъ замѣтокъ, плановъ и проектовъ, которые обнаруживаютъ въ немъ необычайный интересъ ко всему, что касается до наукъ естественныхъ.

Для оцѣнки указанныхъ трудовъ Ломоносова мы воспользуемся отзывами о нихъ ученыхъ спеціалистовъ.

Объ общемъ характерѣ ученыхъ сочиненій Ломоносова, современный Ломоносову, знаменитый физикъ и математикъ, Эйлеръ далъ такой отзывъ: «Всѣ записки Ломоносова по части химіи и физики не только хороши, но превосходны, ибо онъ съ такою основательностію излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно неизслѣдованные и необъяснимые для ве-

личайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности его объясненій. При этомъ случаѣ, я готовъ отдать г. Ломоносову справедливость, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытій физическихъ и химическихъ феноменовъ, и желательно было бы, чтобы всѣ прочіе академики были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ Ломоносовъ». Профессоръ Любимовъ характеризуетъ ихъ такъ: «Остроуміе теоретическихъ соображеній, проницательность догадокъ, постоянная ясность представленія, разнообразіе замысла (трудно вообразить, сколько приборовъ разнороднаго механическаго устройства задумано Ломоносовымъ) отличаютъ труды Ломоносова. Отсутствіе математической обработки теорій, недовольное подтвержденіе остроумныхъ догадокъ, недостатокъ настойчиво доводимой до конца правильной экспериментальной методы (Ломоносову приходилось дѣлать опыты урывками)—главные источники ихъ несовершенства. Значительнѣйшую часть ихъ составляютъ физическія теоріи, въ духѣ ученій того времени, но въ тоже время весьма оригинальныя, представляющія рядъ собственныхъ объясненій главнѣйшихъ явленій природы»....

Наибольшаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія мнѣнія Ломоносова: по физикѣ—объ электричествѣ и сѣверномъ сіяніи, по химіи—о горѣніи, по геологіи—о слояхъ земныхъ, о торфяникахъ, о каменномъ углѣ и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ.

Самою удачною изъ физическихъ теорій Ломоносова должно считать его теорію электричества и сѣвернаго сіянія. Ломоносовъ «составилъ (говоритъ Любимовъ) цѣлую теорію воздушныхъ электрическихъ явленій, которая во многихъ пунктахъ сходится съ теоріею Франклина, а во многихъ превышаетъ ее. Замѣчательно, что Ломоносовъ составилъ свои теоретическіе взгляды на атмосферныя электрическія явленія, еще не читая классическихъ «Писемъ Франклина», которыя попались ему подъ руку, когда уже большая часть «Слова объ электричествѣ» была готова. Со свойственною ему восприимчивостью Ломоносовъ угадалъ, въ чемъ состоятъ главные вопросы въ области этого предмета и составилъ теорію, ко-

торая, можетъ быть, превышаетъ всѣ современныя ему понятія о воздушномъ электричествѣ». — «Что касается до сѣвернаго сіянія, которое съ ранняго дѣтства такъ поражало и плѣняло его умъ своей величественной красотой, то Ломоносовъ объясняетъ это явленіе электричествомъ, возбужденнымъ въ воздухѣ полярныхъ странъ отъ погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній и скопляющимся въ самыхъ высшихъ слояхъ атмосферы, гдѣ оно свѣтится, какъ въ пространствѣ, въ которомъ разрѣженъ воздухъ». Ломоносовъ говоритъ: «Весьма вѣроятно, что сѣверныя сіянія рождаются отъ происшедшей на воздухѣ электрической силы. Подтверждается сіе подобіемъ явленія и изчезанія, движенія, цвѣту и виду, которые въ сѣверномъ сіяніи и въ электрическомъ свѣтѣ третьяго рода показываются. Возбужденная электрическая сила въ шарѣ, изъ котораго воздухъ вытянутъ, внезапные лучи испускаетъ, которые во мгновеніе ока изчезаютъ, и въ то же почти время новые на ихъ мѣста выскакиваютъ, такъ что безпрерывное блистаніе быть кажется.»—Къ однороднымъ явленіямъ съ сѣвернымъ сіяніемъ Ломоносовъ относитъ также и зарницу.

О заслугахъ Ломоносова въ наукѣ, оффиціальнымъ представителемъ которой онъ былъ въ Академіи, т. е. въ химіи, профессоръ Лясковскій говоритъ: «Ломоносовъ жилъ въ періодъ такъ называемой флогистической химіи, когда начала химической теоріи почерпались преимущественно изъ односторонняго объясненія явленій теплотныхъ; когда состояніе физическаго каленія смѣшивалось съ химическимъ процессомъ горѣнія; когда принимали особое горючее вещество; когда еще не совсѣмъ обветшали алхимистическія представленія о сѣрѣ, ртути, мышьякѣ, какъ объ общихъ составныхъ частяхъ различныхъ видовъ вещества»... Такое несовершенное состояніе химіи, конечно, не могло не отразиться и на трудахъ Ломоносова по этой наукѣ, однако эти труды стоятъ нисколько не ниже трудовъ лучшихъ химиковъ того времени. «Химическій читатель трактатовъ Ломоносова съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ узнаетъ въ немъ не только изобрѣтательнаго экспериментатора и обладавшаго обширною ученостію руководителя въ области химіи, но и необыкновенно

проницательнаго толкователя химическихъ явленій. Чтобы прійти къ такому заключенію, уже достаточно прочитать, напримѣръ, его «Meditationes de caloris et frigoris causa» (Размышленія о причинѣ теплоты и холода) «Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere» (Разсужденіе о химически-растворяющихъ жидкостяхъ вообще). Эти трактаты, между прочимъ доказываютъ, что Ломоносовъ былъ естествоиспытатель, пользовавшійся для рѣшенія химическихъ вопросовъ всѣми пособіями тонкихъ и точныхъ изслѣдованій: и геометрическою демонстраціею, и опредѣленіемъ объема и вѣса, и микроскопомъ, и воздушнымъ насосомъ. Тутъ же можно убѣдиться въ большой начитанности Ломоносова и въ томъ, что, не смотря на распространенныя тогда понятія о флогистонѣ, объ элементарномъ огнѣ, его свѣтлый умъ вѣрно оцѣнивалъ тѣ химическіе факты, которые противорѣчили этимъ понятіямъ. Такъ, напримѣръ, разбирая явленія, замѣчаемыя при сгараніи металловъ (увеличеніе въ вѣсѣ) и при ихъ возстановленіи (уменьшеніе вѣса) подробно и убѣдительно доказываетъ шаткость мнѣнія тѣхъ химиковъ, которые увеличеніе вѣса при сгараніи металловъ объясняли соединеніемъ послѣднихъ съ особеннымъ огненнымъ веществомъ. Вообще, знаменитый русскій ученый принадлежалъ къ числу тѣхъ, относительно немногихъ, химиковъ своего времени, которые, не поддаваясь безусловно вліянію господствовавшихъ тогда умозрѣній и авторитетовъ, прозрѣвали вѣрное истолкованіе процесса горѣнія и, такимъ образомъ, могутъ почитаться предтечами эпохи, съ которой началась антифлогистическая, новѣйшая химія».

Труды Ломоносова по геологіи оцѣнены проф. Щуровскимъ: «Ломоносовъ (говоритъ Щуровскій) часто задумывался надъ вопросомъ объ образованіи земли, и думы свои передалъ намъ въ двухъ замѣчательныхъ разсужденіяхъ, изъ коихъ одно: «О рожденіи металловъ отъ трясенія земли» (1757 г.), а другое: «О слояхъ земныхъ» (1763 г.).

Изъ мыслей, высказанныхъ въ этихъ разсужденіяхъ, особеннаго вниманія, по мнѣнію Щуровскаго, заслуживаютъ мнѣнія Ломоносова о торфяникахъ, каменномъ углѣ, янтарѣ и дѣйствіи подземнаго огня.

«Кромѣ обыкновенныхъ торфяниковъ—Ломоносовъ описываетъ и тѣ болота, на днѣ которыхъ находятся цѣлые лѣса, поваленные или стоячіе, вмѣстѣ съ остатками животныхъ и различныхъ искусственныхъ произведеній, случайно попавшихъ въ эти болота. Торфяные лѣса, по мнѣнію Ломоносова, повалены наводненіями и вѣтрами и потомъ занесены пескомъ и иломъ. Въ доказательство этого онъ приводитъ весьма любопытное наблюденіе, которое было сдѣлано надъ торфяниками, покрывающими низменную прибалтійскую равнину. Тамошніе торфяные лѣса своими вершинами почти всегда обращены къ южной сторонѣ, и тѣмъ самымъ доказываютъ, что они ниспровергнуты сѣверными морскими вѣтрами»!

При описаніи каменнаго угля Ломоносовъ говоритъ также, отчего произошелъ каменный уголь; онъ думаетъ, что каменный уголь образовался изъ торфяниковъ. «Счастливая мысль о происхожденіи каменнаго угля изъ торфяниковъ обыкновенно приписывалась нашему времени. Но собственно она принадлежитъ Ломоносову, онъ первый высказался, что каменный уголь образовался изъ торфа. Мысль эта казалась ему столь естественною, что, повидимому, даже не имѣла въ его глазахъ особенной важности. Уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Ломоносова, та же мысль была защищаема Вернеромъ, и еще позднѣе извѣстными французскими геологами Броньяромъ и Эли-де-Бомономъ, пока, наконецъ, сдѣлалась общимъ убѣжденіемъ. Но Ломоносовъ предупредилъ нынѣшнюю теорію образованія угля еще въ другомъ отношеніи: превращеніе торфяниковъ въ каменный уголь, по мнѣнію Ломоносова, должно было происходить при участіи подземнаго огня, слѣдовательно, того же могучаго дѣятеля, который, и по нынѣшней теоріи, почитается самымъ главнымъ въ образованіи каменнаго угля. Замѣчанія Ломоносова относительно излагаемаго предмета вообще принадлежатъ къ числу самыхъ драгоцѣнныхъ. Перечитывая ихъ, съ трудомъ вѣришь, что обо всемъ этомъ говорилось за сто лѣтъ до нашего времени. Относительно происхожденія другихъ горючихъ веществъ, какъ-то: *нефти*, *горной смолы и янтаря*, «Ломоносовъ (по словамъ Щуровскаго) также опередилъ свой вѣкъ

и совершенно совпалъ съ нынѣшними понятіями объ этомъ предметѣ. Нефть и горная смола, по мнѣнію Ломоносова, не иное что, какъ продуктъ разложенія каменнаго угля, лежащаго на значительной глубинѣ, и подвергающагося дѣйствію подземнаго жара. Мнѣніе Ломоносова относительно янтаря такъ общеизвѣстно и такъ естественно, что никому не приходитъ на мысль, чтобы можно было думать объ этомъ иначе. Но въ то время, когда жилъ Ломоносовъ, на многія вещи смотрѣли совсѣмъ другими глазами. Большая часть тогдашнихъ ученыхъ принимали янтарь за минералъ, либо приписывали ему другое какое либо происхожденіе, а не растительное. Ломоносовъ, напротивъ, призналъ янтарь за смолу, истекавшую нѣкогда изъ растеній».

Дѣйствіемъ подземнаго огня Ломоносовъ объясняетъ поднятіе материковъ и горъ, которые нѣкогда были дномъ морскимъ. «Доказательства Ломоносова, касающіяся образованія горъ, до того одинаковы съ нынѣшними, что, перечитывая ихъ, невольно забываешься и воображаешь, что читаешь какое либо изъ лучшихъ произведеній нынѣшняго времени»... «Однимъ словомъ, поднятіе и обрушеніе земныхъ пластовъ Ломоносовъ объяснялъ расширительнымъ дѣйствіемъ воздуха и сѣрныхъ паровъ, скоплявшихся въ глубокихъ подземныхъ хлябяхъ и отъ времени до времени вырывавшихся оттуда наружу. Тѣмъ же причинамъ приписывалъ онъ и образованіе трещинъ или жилъ въ поднятыхъ пластахъ и наполненіе ихъ различными рудами. Вотъ какъ думалъ Ломоносовъ о земныхъ переворотахъ за сто лѣтъ до нынѣшняго состоянія геологіи, въ то время, когда эта наука большею частью состояла изъ однихъ эмпирическихъ свѣдѣній, либо черезъ мѣру смѣлыхъ предположеній. Теорія Ломоносова покажется намъ еще болѣе удивительною, если припомнимъ себѣ, что многія теоріи, явившіяся уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Ломоносова, отстоятъ отъ нынѣшней гораздо далѣе, чѣмъ его теорія, не смотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ весьма могучимъ талантамъ, каковъ, напримѣръ, Вернеръ».

«Теоріи Ломоносова, по сравненіи съ нынѣшнею, недоставало только одного предположенія, именно предположенія

объ огневомъ происхожденіи нашей планеты, о томъ, что земля наша сначала была огнежидкою массой, и только въ теченіе времени остыла на своей поверхности и покрылась твердою корой; этой теоріи не доставало только предположенія о томъ, что внутри земли, вмѣсто воспламеняющейся сѣры, до сихъ поръ находятся огненножидкія и упругія вещества, которыя непрестанно стремятся наружу и составляютъ причину поднятія и разрушенія земной коры».

Итакъ, первый русскій ученый былъ уже геніальный мыслитель и самостоятельный изслѣдователь почти во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ естествознанія.

Намъ осталось теперь упомянуть объ историческихъ трудахъ Ломоносова. Онъ написалъ: «Краткій Россійскій лѣтописецъ»—перечень великихъ князей и царей русскихъ до Петра В., «Родословіе Россійскихъ государей»—до Елисаветы, и «Древнюю Россійскую исторію»—отъ начала Россійскаго народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго или до 1054 года». Безпристрастная оцѣнка этого труда принадлежитъ покойному академику и профессору С. М. Соловьеву. Вотъ его отзывъ: «Хотѣли, чтобъ Ломоносовъ въ краснорѣчивомъ повѣствованіи (Государыня желала видѣть Россійскую исторію, его штилемъ написанную) представилъ событія древней русской исторіи. Самъ Ломоносовъ такъ понималъ свою задачу, т. е. смотрѣлъ на исторію съ чисто литературной точки зрѣнія и такимъ образомъ явился у насъ отцомъ того литературнаго направленія, которое послѣ такъ долго господствовало... Могучій талантъ Ломоносова оказался недостаточнымъ при занятіи русскою исторіею, не помогъ ему возвыситься надъ современными понятіями... Вслѣдствіе такого взгляда, Ломоносовъ въ своей исторіи представилъ пенегирикъ славѣ и величію отечества, а для этого считалъ необходимымъ иногда украшать лѣтописныя извѣстія. Напр. Ломоносовъ не признаетъ скандинавскаго происхожденія русскихъ князей, и выводитъ ихъ изъ Пруссіи, которая, по его мнѣнію, есть земля Славянская. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ (говоритъ Соловьевъ) читатель поражается блистательнымъ, по тогдашнимъ средствамъ науки, рѣшеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ приготовительныхъ вопросовъ; такъ, напр.,

о Сарматахъ и Скиѳахъ читаемъ: «Славяне и Чудь по нашимъ, Сарматы и Скиѳы по внѣшнимъ писателямъ, были древніе обитатели въ Россіи. Единородство Славянъ съ Сарматами, Чуди съ Скиѳами для многихъ ясныхъ доказательствъ, неоспоримо». Это мнѣніе сильно поддерживается еще теперь учеными... О словѣ *Скиѳъ* Ломоносовъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое и теперь не потеряло еще силы между учеными: «Имя Скиѳъ по старому Греческому произношенію со словомъ Чудь весьма согласно; не происходитъ отъ Греческаго и безъ сомнѣнія отъ Славянъ взято».

Заключимъ краткій очеркъ трудовъ нашего перваго поэта, оратора и ученаго словами Пушкина: «Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ»... «Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ».

ОДЫ ДУХОВНЫЯ.

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ †.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приблизившись воззрѣть;
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ;
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада,

† Сочинено, вѣроятно, въ 1743 году въ одно время съ „Вечернимъ размышленіемъ“. Ломоносовъ думаетъ, что солнце есть расплавленная огненная масса,—мнѣніе, вполнѣ согласное съ теоріею нынѣшнихъ ученыхъ.

Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ
И взору нашему открылись
Исполненны Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

Свѣтило днéвное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Лiется радость твари всей.

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи,
И на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

Вечернее размышленiе о Божiемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сiянiя †.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;

† Говоря о различiи своей теорiи сѣвернаго сiянiя отъ теорiи Франклина (1753 г.), Ломоносовъ между прочимъ замѣчаетъ: „Ода моя о сѣверномъ сiянiи, которая сочинена 1743 года, а въ 1747 году въ Риторикѣ напечатана, содержитъ мое давнѣйшее мнѣнiе, что сѣверное сiянiе движенiемъ эфира произведено быть можетъ“. Ср. строфу 7-ю.

Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ:
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы божества
Тамъ ра́вна* сила естества.

Но гдѣ-жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря;
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ!
Скажите, что насъ такъ мятетъ? **

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ

* Такая же, какъ и у насъ на землѣ.
** Смущаетъ.

Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

Тамъ споритъ жирна * мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ,
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эѳиръ.

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите-жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите-жъ, коль великъ Творецъ!

ОДА
выбранная изъ Іова, главы: 38 39, 40 и 41 †.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ:

«Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ **
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;

* Густая.

† Мысли, содержащіяся въ первой и послѣдней строфахъ, принадлежатъ Ломоносову; остальное взято изъ книги Іова.

** Порядкѣ.

Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ брегами,
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ къ пристани его поставить
И тяготу земли трахнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину,
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты сперъ ли адовы уста?

Отѣсняя вихремъ облакъ мрачный
Ты солнце можешь ли закрыть.
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца̀ трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать,
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
Что Я ему на пищу далъ.

Толь быстро око ты-ль создалъ?
Воззри въ лѣса на бегемота,
Что Мною сотворенъ съ тобой;
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра, какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?

Ты можешь-ли левіаѳана *
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ, какъ мѣдными щитами,
Копье, и мечъ, и молотъ твой
Считаетъ за тростникъ гнилой.

* Крокодилъ.

Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
И зубы страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ.
И твердость оныхъ презираетъ.
Для крѣпости великихъ силъ
Считаетъ ихъ за мягкой илъ.

Когда ко брани устремится,
То море какъ котелъ кипитъ,
Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ угль въ горнилѣ раскаленный.
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ гоня.
Кто можетъ стать противъ Меня?

Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить Я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ персть Я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ Я далъ?»

Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ:
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси.
И безъ роптанія проси.

Преложеніе псалма 14.

Господи, кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ Тобою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣстъ?

Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду завсегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ точно,
Какъ язы́комъ говоритъ.

Что устами льстить не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ,

Презираетъ всѣхъ-лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ Нимъ душею правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ.

Въ лихву дать сребро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не беретъ.
Кто такъ жить на свѣтѣ тщится,
Тотъ во вѣки не падетъ.

Преложеніе псалма 145.

Хвалу всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дыхать.

Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ,
Ихъ тѣ-жъ родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

Когда съ душею разлучатся,
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падетъ:
Высоки мысли разрушатся
И гордость ихъ и власть минетъ,

Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ,

Несчетно многими звѣздами
Наполнившаго высоту,
И непостижными дѣлами
Земли и моря широту,

Творящаго на сильныхъ нищу
По истинѣ въ обидахъ судъ,
Дающаго голоднымъ пищу,
Когда къ нему возопіютъ.

Господь оковы разрѣшаетъ,
И умудряетъ Онъ слѣпцовъ,
Господь упадшихъ возвышаетъ
И любитъ праведныхъ рабовъ.

Господь пришельцевъ сохраняетъ,
И вдовъ пріемлетъ и сиротъ.
Онъ дерзскій грѣшныхъ путь скончаетъ,
Въ Сіонѣ будетъ въ родъ и родъ.

Преложеніе псалма 103 †.

Да хвалитъ духъ мой и языкъ
Всесильнаго Творца державу,
Великолѣпіе и славу,
О Боже мой, коль Ты великъ!

Одѣянъ чудной красотой,
Зарей Божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета
Шатру подобно предъ собой.

Покрывъ водами высоты,
На легкихъ облакахъ восходишь,
Крилами вихровъ шумъ наводишь,
Когда на нихъ летаешь Ты.

И воли Твоея послы
Какъ устремленія воздушны
Всесильнымъ маніемъ послушны
Текутъ, горятъ, не зная мглы.

Ты землю твердо основалъ,
И для надежныя окрѣпы
Недвижны положилъ заклепы
И вѣчну непреклонность далъ.

Ты бездною ее облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, сгущаяся надъ нами;
Гдѣ дождь раждается и снѣгъ.

---

† Изъ этого псалма не переложено 19 стиховъ. Ломоносовъ въ письмѣ къ Татищеву (въ 1749 г.) говоритъ: „принявшись перелагать на стихи прекрасный псаломъ 103, для того покинулъ, что многія нашелъ въ переводѣ погрѣшности, напр: *змій сей, его же создалъ еси ругатися ему*, вмѣсто: *се китъ, его же создалъ еси презирать оное* т. е. (море, его пространство).“ Это переложеніе напечатано послѣ смерти Ломоносова.

Ихъ воля--Твой единый взглядъ;
Отъ запрещенія мутятся
И въ тучи, устрашась, тѣснятся;
Лишь грянетъ громъ Твой, внизъ шумятъ.

Восходятъ горы въ высоту;
Крутыя ставишь Ты стремнины
И стелешь злачныя долины,
Угрюмствомъ множа красоту.

Предѣлъ верхамъ ихъ положилъ,
Чтобъ землю скрыть не обратились,
Ничѣмъ бы внизъ не преклонились,
Опричь* Твоихъ безмѣрныхъ силъ.

Изъ горъ въ долины льешь ключи
И прохлаждаешь тѣмъ отъ зноя;
Журчатъ для сладкаго покоя,
Между горами текучи,

И напояютъ всѣхъ звѣрей,
Что окрестъ селъ себя питаютъ;
Онагри ** ждутъ, какъ въ жаждѣ таютъ,
Отрады отъ руки Твоей.

Слетаясь тамо птицы въ тѣнь,
Возносятъ пѣніе и свисты,
Живятъ вертепы каменисты
И тѣмъ проводятъ жаркій день.

Ты свыше влагу льешь горамъ,
Плодами землю наслаждаешь
И всѣхъ живущихъ насыщаешь
Свидѣтелей Твоимъ дѣламъ.

---

* Кромѣ.
** Дикіе ослы.

Ростишь въ поляхъ траву для стадъ;
Намъ разны зелія въ потребу
Обильно прилагаешь къ хлѣбу,
Щедротою ко всѣмъ богатъ.

Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпитъ,
Намъ масло члены умягчаетъ,
Вино въ печали утѣшаетъ
И сердце радостью живитъ.

Древамъ даешь обильный тукъ;
Поля вѣнчаешь ими, Щедрый!
Насаждены въ Ливанѣ кедры
Могуществомъ всесильныхъ рукъ.

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЯ.

ОДА

Блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ на побѣду надъ Турками и Татарами и на взятіе Хотина, 1739 года †.

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,*
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключъ ** молчитъ,
Который завсегда журчитъ,
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку;
Пермесскимъ *** жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:

---

† Эта ода написана въ Фрейбергѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о побѣдѣ русскихъ надъ турками при Ставучанахъ. О подражаніи Гюнтеру см. Введ. II гл.

* Гора Пиндъ.

** Кастальскій источникъ.

*** Пермесъ—рѣка въ Беотіи; вода ея вдохновляла поэтовъ.

Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простри,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.

Корабль, какъ ярыхъ волнъ среди,
Которыя хотятъ покрыти,
Бѣжитъ, срывая съ нихъ верхи,
Претитъ съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вкругъ шумитъ;
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ:
Къ Россійской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ объѣхавъ, тьмы Татаръ;
Скрываетъ небо конскій паръ!
Что-жъ въ томъ?—стремглавъ безъ душъ валятся.

Крѣпитъ отечества любовь
Сыновъ Россійскихъ духъ и руку;
Желаетъ всякъ пролить всю кровь,
Отъ грознаго бодрится звуку:
Какъ сильный левъ стада волковъ,
Что кажутъ острыхъ рядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонитъ страхомъ;
Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожитъ,
И хвостъ песокъ и пыль мутитъ,
Разитъ, извившись сильнымъ махомъ.

Не мѣдь ли въ чревѣ Этны ржетъ,
И съ сѣрою кипя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?
То родъ отверженной рабы,*
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ,
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ, среди болотъ,
Чрезъ быстрой токъ на огнь дерзаетъ.

* Т. е. Агари, почему турки и татары называются также *агарянами*.

За холмы, гдѣ паляща хлябь*
Дымъ, пепелъ, пламень, смерть рыгаетъ,
За Тигръ, Стамбулъ, своихъ заграбь, **
Что камни съ береговъ сдираетъ:
Но чтобъ орловъ сдержать полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія степи—равенъ путь:
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полки орлины.

Пускай земля какъ Понтъ трясетъ,
Пускай вездѣ громады стонутъ,
Премрачный дымъ покроетъ свѣтъ,
Въ крови Молдавски гóры тонутъ:
Но вамъ не можетъ то вредить,
О Россы, васъ самъ рокъ покрыть
Желаетъ для счастливой Анны.
Уже вашъ къ ней усердный жаръ,
Быстрȏ проходитъ сквозь Татаръ,
И путь отворенъ вамъ пространный.

Скрываетъ лучъ свой въ волны день,
Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ;
Мурза упалъ на долгу тѣнь;
Взятъ купно свѣтъ и духъ Татарамъ.
Изъ лывъ*** густыхъ выходитъ волкъ
На блѣдный трупъ въ Турецкій полкъ.
Иной въ послѣдни видя зорю:
«Закрой, кричитъ, багряной видъ,
И купно съ нимъ Магметовъ стыдъ,
Спустись поспѣшно съ солнцемъ къ мóрю.»

Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладнѣютъ жилы, сердце ноетъ,
Что бьетъ за странный шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ,

* Водопадъ.
** Т. е. О Стамбулъ, забери, скрой своихъ за холмы... за Тигръ; но отъ насъ не скроешься.
*** Изъ лѣсовъ.

Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ;
Умытымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, герой открылся.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны? *
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Готѳскимъ** приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрый конь его скакалъ,
Когда Онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ смиритель странъ Казанскихъ? ***
Каспійски воды! Сей при васъ
Селима гордаго потрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

Герою молвилъ тутъ герой:
«Не тщетно я съ тобой трудился.
Не тщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ Россовъ цѣлый свѣтъ страшился!
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ,

* взялъ Азовъ.
** къ шведскимъ.
*** Т. е. Іоаннъ Грозный.

На югѣ Анна торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.»
Свилася мгла, герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ не чуетъ.

Крутитъ рѣка Татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
Забывъ и мечь, и станъ, и стыдъ,
И представляетъ страшный видъ
Въ крови друговъ своихъ лежащихъ.
Уже тряхнувшись легкій листъ
Страшитъ его, какъ ярый свистъ
Быстрó сквозь воздухъ ядръ летящихъ.

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда! Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушелъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла!
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной.
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль Росская ужасна сила.

Вливаясь въ Понтъ, Дунай реветъ
И Россовъ плеску отвещаетъ,
Ярясь, волнами Турка льетъ,*
Что стыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщетъ, какъ пронзенный звѣрь,
И чаетъ, что уже теперь
Въ послѣдній разъ заноситъ ногу,
И что земля его носить
Не хочетъ, что не могъ покрыть: **
Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.

---

* Заливаетъ, покрываетъ волнами.
** Которой онъ не могъ защитить.

Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на сѣверны края
Стамбулъ, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотчасъ чаялъ побѣдить;
Янычаръ твой свирѣпо злился,
Какъ Тигръ на Росскій полкъ скакалъ.
Но что?—внезапно мертвъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ залился.

Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
Что васъ, Агаряне, попрала;
Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой Анны грозный взоръ
Отраду дать просящимъ скоръ,
По страшной тучи возсіяетъ,
Къ себѣ повинность вашу зря;
Къ своимъ любовію горя,
Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.

Златой уже денницы перстъ
Завѣсу свѣта вскрылъ съ звѣздами;
Отъ встока скачетъ по сту верстъ,
Пуская искры конь ноздрями,
Лицемъ сіяетъ Фебъ на томъ.
Онъ пламеннымъ потрясъ верхомъ,
Преславно дѣло зря, дивится:
«Я мало таковыхъ видалъ
Побѣдъ, коль долго я блисталъ,
Коль долго кругъ вѣковъ катится».

Какъ въ клубъ змія себя крутитъ,
Шипитъ, подъ камень жало кроетъ,
Орелъ когда шумя летитъ,
И тамъ царитъ, гдѣ вѣтръ не воетъ;

Превыше молній, бурь, снѣговъ.
Звѣрей онъ видитъ, рыбъ, гадовъ:
Предъ Росской такъ дрожитъ орлицей,
Стѣсняетъ внутрь Хотинъ своихъ.
Но что? въ стѣнахъ ли можетъ сихъ
Предъ сильной устоять царицей?

Кто скоро толь тебя. Калчакъ, *
Учитъ Россійской вдаться власти,
Ключи вручить въ подданства знакъ,
И большей избѣжать напасти?
Правдивой Аннинъ гнѣвъ велитъ,
Что падшихъ передъ ней щадитъ.
Ея взошли и тамъ оливы,
Гдѣ Вислы токъ, гдѣ славный Ренъ,
Мечемъ противникъ гдѣ смиренъ,
Извергли духъ сердца кичливы.

О какъ красуются мѣста,
Что иго лютое сбросили,
И что на Туркахъ тягота,
Которую отъ нихъ носили!
И варварскія руки тѣ,
Что ихъ держали въ тѣснотѣ,
Въ полонъ уже несутъ оковы!
Что ноги узами звучатъ,
Которы для отгнанья стадъ
Чужи поля топтать готовы!

Не вся твоя тутъ, Порта, казнь,
Не такъ тебя смирять достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить намъ не дала спокойно.
Еще высокихъ мыслей страсть
Претитъ тебѣ предъ Анной пасть.

* Имя султана (вм. Кончакъ).

Гдѣ можешь ты отъ ней укрыться?
Дамаскъ, Каиръ, Алеппъ сгоритъ;
Обставятъ Росскимъ флотомъ Критъ;
Евфратъ въ твоей крови смутится.

Чинитъ премѣну что во всемъ?
Что очи блескомъ проницаетъ?
Чистѣйшимъ съ неба что лучемъ,
И дневну ясность превышаетъ?
Героевъ слышу веселъ кликъ!
Одѣянъ въ славу Аннинъ ликъ
Въ надзвѣздны вѣчность взноситъ круги,
И правда, взявъ перо злато,
Въ нетлѣнной книгѣ пишетъ то,
Велики коль Ея заслуги!

Витійство, Пиндаръ, устъ твоихъ
Тяжчае-бъ Ѳивы обвинили;
За тѣмъ, что о побѣдахъ сихъ
Они-бъ громчае возгласили,
Какъ прежде о красѣ Аѳинъ:
Россія какъ прекрасный кринъ
Цвѣтетъ подъ Анниной державой.
Въ Китайскихъ чтутъ ее стѣнахъ,
И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ Россовъ славой.

Россія, коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ покровомъ!
Какія видишь красоты
При семъ торжествованьи новомъ!
Военныхъ не страшися бѣдъ:
Бѣжитъ оттуда бранный вредъ,
Народъ гдѣ Анну прославляетъ.
Пусть злобна зависть ядъ свой льетъ,
Пусть свой языкъ, ярясь, грызетъ,
То наша радость презираетъ.

Казацкихъ поль * заднѣстрскій тать,
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,
Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницей гдѣ покой насѣянъ;
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Ни гдѣ не зналъ, плывя, препятства.
Красуется великъ и малъ;
Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желалъ;
Влекутъ къ тому торжествъ изрядства.

Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ,
Пришедъ, овецъ пасетъ, гдѣ другъ
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ.
Салдатску храбрость хвалитъ въ ней,
И жизни часть блажитъ своей,
И вѣчно тишины желаетъ.
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спитъ;
И ту, что отъ враговъ хранитъ,
Простымъ усердьемъ прославляетъ.

Любовь Россіи, страхъ враговъ,
Страны полночной героиня,
Седми пространныхъ морь ** бреговъ
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты добротъ
Сіяешь свѣтомъ и щедротъ:
Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ
Звучитъ, что крѣпость силъ Твоихъ
Придать дерзнулъ некрасный стихъ,
Въ подданнства знакъ твоей державѣ.

* Ц.-сл. род. мн.
** Ц.-сл. род. мн.

ОДА

на прибытіе Ея Величества Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Санктпетербургъ 1742 года по коронаціи †.

Какой пріятной зефиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ,
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу дщери зримъ Петровой,
Зарей торжествъ свѣтящу новой.
Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ,
Мрачнѣе ночь грозитъ врагамъ *,
Брега Невы руками плещутъ,
Брега Ботнійскихъ водъ трепещутъ.

Взнесись превыше молній, Муза,
Какъ быстрый съ Пиндаромъ орелъ,
Гремящихъ арфъ ищи союза,
И вверхъ пари скоряе стрѣлъ;
Сладчайшій нектаръ лей съ Назономъ,
Превысь Парнассъ высокимъ тономъ;
Съ Гомеромъ какъ рѣка шуми,
И какъ Орфей съ собой веди
Въ торжественъ ликъ древа̀ и во̀ды,
И всѣхъ звѣрей пустынныхъ роды.

---

† Императрица Елисавета вернулась изъ Москвы послѣ коронаціи въ декабрѣ 1742 года. Ломоносовъ, привѣтствуя Государыню, прославляетъ также побѣды русскаго войска, одержанныя въ тогдашней войнѣ надъ шведами. Въ виду мирныхъ переговоровъ, начатыхъ Императрицею тотчасъ по вступленіи на престолъ, поэтъ предрекаетъ, что Елисавета „миръ подастъ предѣламъ свѣта". Кротость и миролюбіе Государыни всего болѣе восхищаютъ Ломоносова. Ср. оду 1747 года, строфу 3.

* Намекъ на шведовъ.

Дерзай ступить на сильны плечи
Атлантскихъ къ небу смежныхъ горъ;
Внушай свои вселенной рѣчи,
Блюдись спустить свой въ долы взоръ;
Надъ тучи онымъ простирайся,
И выше облакъ возвышайся,
Спѣши звучащей славѣ въ слѣдъ:
Но ею весь пространный свѣтъ
Наполненный страшась чудится:
Какъ въ стихъ возможно ей вмѣститься?

Однако ты и тѣмъ счастлива,
Что тщишься похвалы вспѣвать
Всея земли красы и дива,
И тѣмъ красу себѣ снискать.
Ты твердь оставь, о древня лира,
Взнесенна басньми къ верху міра:
Моя число умножитъ звѣздъ,
Возвысившись до горнихъ мѣстъ
Парящей славою орлицы,
Пріявъ отъ Росской свѣтъ денницы.

Священный ужасъ мысль объемлетъ;
Отверзъ Олимпъ всесильный дверь,
Вся тварь со многимъ страхомъ внемлетъ
Великихъ зря монарховъ дщерь,
Отъ вѣрныхъ всѣхъ сердецъ избранну,
Рукою Вышняго вѣнчанну,
Стоящу предъ его лицомъ,
Котору въ свѣтѣ Онъ своемъ
Прославивъ, щедро къ ней взираетъ,
Завѣтъ крѣпитъ и утѣшаетъ.

«Благословенна вѣчно буди,
Вѣщаетъ ветхій деньми къ ней,
И всѣ твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти Я твоей;
Твои любезныя доброты

Влекутъ къ себѣ Мои щедроты.
Я въ гнѣвѣ Россамъ былъ творецъ,
Но нынѣ паки имъ отецъ:
Души твоей кротчайшей сила
Мой гнѣвъ на кротость преложила.

Утѣшилъ Я въ печали Ноя,
Когда потопомъ міръ казнилъ,
Дугу поставилъ въ знакъ покоя,
И тою съ нимъ завѣтъ чинилъ,
Хотѣлъ Россію бѣдъ водою
И гнѣвною казнить грозою;
Однако для заслугъ твоихъ,
Пробавилъ милость въ людяхъ спхъ,
Тебя поставилъ въ знакъ завѣта
Надъ знатнѣйшею * частью свѣта.

Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы,
И отъ Меня вліянный духъ;
Въ безчисленны промчится роды
Добротъ твоихъ неложный слухъ.
Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой Я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить;
Господствуй утвержденна Мною,
Я буду завсегда съ тобою».

Но что страны вечерни тмятся,
И дождь кровавыхъ каплей льютъ?
Что Финскихъ рѣкъ струи дымятся,
И долы съ влагой пламень пьютъ?
Тамъ видя выше горизонта,
Входяща Готѳска ** Фаетонта,

---

* Надъ большею.
** Шведскаго

Противъ теченія небесъ,
И вкругъ себя горящій лѣсъ;
Тюмень въ брегахъ своихъ мутится,
И воды скрыть подъ землю тщится.

Претящимъ окомъ, Вседержитель,
Воззрѣвъ на полкъ вечерній, * рекъ:
«О дерзкій мира нарушитель,
Ты мечъ противъ Меня извлекъ:
Я правлю солнце, землю, море,
Кто можетъ стать со Мною въ спорѣ?
Моя десница мещетъ громъ,
Я въ пропасть свергъ за грѣхъ Содомъ,
Я небо мракомъ покрываю;
Я самъ Россію защищаю».

Но Вышній зракъ свой отвращаетъ
Отъ Готскихъ ослѣпленныхъ странъ,
И тѣмъ продерзость ихъ смущаетъ,
Трясетъ полки ихъ, флотъ и станъ;
Какъ сильный вихрь съ полей прахъ гонитъ
И древъ верхи высоки клонитъ.
Богинѣ Россской громъ вручилъ,
Чѣмъ злость разить противныхъ силъ,
Прими разжены къ мести стрѣлы,
Разсыпь враговъ своихъ предѣлы.

Стокгольмъ, глубокимъ сномъ покрытый,
Проснись, познай Петрову кровь,
Не жди льстецовъ своихъ защиты,
Отринь коварну ихъ любовь;
Ты всуе солнце почитаешь,
И предъ луной себя склоняешь;
Цѣлуй Елисаветинъ мечъ,
Что ты принудилъ самъ извлечь: **
Его мягчитъ одна покорность,
Остритъ кичливая упорность.

---

* На сѣверный полкъ, т. е. шведскій.

** Шведы вели войну подъ предлогомъ защиты правъ Елисаветы Петровны на престолъ.

Примѣры храбрости Россійской
Представь теперь въ умѣ своемъ;
Воззри на Донъ и край понтійской
Смиренный мстительнымъ огнемъ!
Тамъ степи кровью напоенны
Взрастили лавры намъ зелены.
Багрова тамъ земля тряслась,
И къ небу съ дымомъ пыль вилась;
Россіянъ твердо грудь стояла,
И слава ихъ во мглѣ блистала.

Свою Полтавску вспомни рану,
Что знать * еще въ груди твоей,
И гордость, при Днѣпрѣ попранну,
И многій плѣнъ твоихъ людей,
За Обскіе брега вселенны,
Хребтомъ Рифейскимъ ** заключенны,
За коимъ сильна Росска власть
Велику держитъ встока часть,
Гдѣ орды ей сбираютъ дани,
По ней всегда готовы къ брани.

Какъ нельзя лить рѣкамъ къ вершинѣ
Противъ крутизны водъ своихъ,
И силы взять огню въ пучинѣ;
Такъ къ намъ ввести людей твоихъ.
Орлы на тое не взираютъ,
Что львовы челюсти зіяютъ.
Вотще твой хитрый былъ совѣтъ—
Россію самъ Господь блюдетъ;
Рукою онъ Елисаветы
Противныхъ разрушитъ навѣты.

Уже и моремъ и землею
Россійско воинство течетъ,
И сильной крѣпостью своею
За лѣсъ и рѣки Готѳовъ жметъ!

---

* Которая еще видна.
** Рифейскій хребетъ—Уральскій.

Огня ревущаго удары
И свистъ отъ ядръ летящихъ ярый
Сгущенный дымомъ воздухъ рвутъ,
И тяжкихъ горъ сердца́ трясутъ,
Ужѐ мрачится свѣтъ полдневный,
Повсюду видъ и слухъ плачевный.

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой,
Тамъ смерть межъ Готескими полка̀ми,
Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй,
И алчну челюсть отве́рзаетъ
И хладны руки простираетъ,
Ихъ гордый исторгая духъ,
Тамъ тысячи валятся вдругъ.
Но если хочешь видѣть ясно,
Коль Росско воинство ужасно:

Взойди на брегъ крутой высоко,
Гдѣ кончится землею понтъ;
Простри свое чрезъ воды око,
Коль много обнялъ горизонтъ;
Внимай, какъ югъ пучину давитъ,
Съ пескомъ мутитъ, зыбь на̀ зыбь ставитъ,
Касается морскому дну,
На сушу гонитъ глубину,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ;
Такъ Россъ противныхъ низлагаетъ.

Какъ ежели на Римлянъ злился
Плутонъ, являя гнѣвъ, и власть,
И если градъ тому чудился,
Что Курцій, видя мрачну пасть,
Презрѣлъ и младость и породу,
Погибъ за Римскую свободу,
Съ разъѣзду въ оную скочивъ;
То ей! Квириты, Маркъ вашъ живъ
Во всякомъ Россѣ, что безъ страху
Чрезъ огнь и рвы течетъ съ размаху.

Всякъ мнитъ, что равенъ онъ Алкиду,
И что Немейскимъ львомъ покрытъ,
Или ужасную эгиду
Нося, враговъ своихъ страшитъ;
Пронзаетъ, рветъ и разсѣкаетъ;
Противныхъ силу презираетъ.
Смѣсившись съ прахомъ кровь кипитъ;
Здѣсь шлемъ съ главой, тамъ трупъ лежитъ,
Тамъ мечъ съ рукой отбитъ валится.
Коль злоба же́стоко казнится!

Народы, нынѣ научитесь,
Смотря на страшну гордыхъ казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренно пріязнь;
На множество не уповайте
И тѣмъ небесъ не раздражайте:
Мечи, щиты и крѣпость стѣнъ,
Предъ Божьимъ гнѣвомъ—гниль и тлѣнъ:
Предъ нимъ и горы исчезаютъ,
Предъ нимъ пучины изсыхаютъ.

Бѣжитъ въ свой путь съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный исполинъ,
Ступаетъ по вершинамъ строгимъ,
Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещатъ,
И слѣдомъ дерева̀ лежатъ,
Что множество вѣковъ стояли,
И бурей * ярость презирали.

Такъ флотъ Россійскій въ понтъ дерзаетъ,
Такъ роетъ онъ поверхъ валовъ;
Надменна бездна уступаетъ,
Стеня отъ тягости судовъ.
Во слѣдъ за скорыми кормами

* Род. мн.

Спѣшитъ сѣдая пѣна рвами.
Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
Наносятъ Готѳамъ страхъ великъ;
Ужѐ надежду отвергаютъ
И въ мглѣ свой флотъ и стыдъ скрываютъ.

Не шведъ ли мнилъ, что онъ главою,
Какъ Атласъ, держитъ цѣлый свѣтъ,
И море сильною рукою
И полной властью въ узахъ жметъ;
Что твердь съ собой въ союзѣ свяжетъ,
И вспять идти лунѣ укажетъ?
Однако родъ Россійскій зналъ
И мысленно тогда взиралъ,
Когда онъ сталъ на насъ грозиться,
Какъ онъ бѣжитъ, какъ насъ страшится!

На нивахъ жатву оставляетъ
Отъ мести устрашенный Финнъ,
И съ горъ оцѣпенѣвъ взираетъ
На дымъ, всходящій изъ долинъ,
На мечъ, на Готѳовъ обнаженный,
На пламень, въ селахъ воспаленный;
Тамъ ночью отъ пожаровъ день,
Тамъ днемъ въ пыли ночная тѣнь;
Багровый облакъ въ небѣ рдѣетъ,
Земля подъ нимъ въ крови краснѣетъ.

Но холмы и древà скачите,
Ликуйте множества озеръ,
Руками рѣки восплещите!
Петрополь буди вамъ примѣръ:
Елисавета къ вамъ приходитъ,
Отраду съ тишиной приводитъ;
Любя вселенныя покой,
Ужѐ простертой вамъ рукой
Даруетъ мирныя оливы,
Щадить велитъ лугà и нивы.

Хоть съ вами бъ, Готѳы, къ намъ достигли
Поящи западъ быстрины,
Хотя бы вы на насъ воздвигли
Союзны ваши всѣ страны;
Но тщетны были бъ всѣ походы:
Незнаемые вамъ народы,
Что далѣ сѣвера живутъ,
Того по вся минуты ждутъ,
Что имъ велитъ Елисавета,
Готовы стать противу свѣта.

О слава женъ во свѣтѣ славныхъ,
Россіи радость, страхъ враговъ,
Краса владѣтельницъ державныхъ!
Всякъ кровь свою пролить готовъ
За многія твои доброты
И къ подданнымъ твоимъ щедроты.
Твой слухъ * плѣнилъ и тѣхъ людей,
Что странствуютъ среди звѣрей,
Что съ лютыми пасутся львами,
За честь твою возстанутъ съ нами.

Твое прехвально имя пишетъ
Неложна слава въ вѣчномъ льдѣ,
Всегда гдѣ хладный сѣверъ дышетъ,
И только вѣрой теплъ къ тебѣ;
И степи, въ знoѣ отдаленны,
Къ тебѣ любовію возжены,
Еще усерднѣе горятъ,
Къ тебѣ отъ всточныхъ странъ спѣшатъ.
Уже Американски волны
Въ Камчатскій портъ, веселья полны.**

Въ шумящихъ берегахъ Балтійскихъ
Веселья больше, нежель водъ,
Что видѣли судовъ Россійскихъ
Противъ враговъ счастливый ходъ.

---

* Твоя слава.

** Тогда только что было получено извѣстіе объ открытіи береговъ Америки Берингомъ и Чириковымъ.

Коль радостенъ женихъ въ убранствѣ,
Толь Финскій понтъ * въ твоемъ подданствѣ.
Въ проливахъ, въ устьяхъ рѣкъ, въ губахъ
Играя, нимфы вьютъ въ рукахъ,
Монархиня, вѣнцы лавровы,
Тебѣ воспѣвая пѣсни новы.

О чистый Невскій токъ и ясный,
Счастливѣйшій всѣхъ водъ земныхъ!
Что сей богини ликъ прекрасный
Кропишь теперь отъ струй своихъ,
Стремись, шуми, теки обильно,
И быстриной твоей насильно
Промчись до Шведскихъ береговъ,
И больше устраши враговъ,
Имъ громкимъ шумомъ возвѣщая,
Что здѣсь зимой весна златая.

Какъ, лютый мразъ она прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля цвѣтами краситъ вновь:
Такъ нынѣ милость, и любовь,
И свѣтлый дщери взоръ Петровой
Насъ жизнью оживляетъ новой.

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горитъ во мнѣ охота
Торжественный возвысить тонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
И купно ясный день сіяетъ!
То сердце сильна власть страшитъ,
То кротость оное живитъ,
То бодрость страхъ, то страхъ ту клонитъ,—
Противна страсть противну гонитъ!

* Финское море, т. е. Балтійское.

На западъ смотритъ грознымъ окомъ
Сквозь дверь небесну духъ Петровъ,
Во гнѣвѣ сильномъ и жестокомъ
Преступныхъ онъ мятетъ враговъ.
Богиня * кротко съ нимъ взираетъ
На Невскій брегъ и простираетъ
Свой перстъ на дщерь свою съ высотъ:
«Воззри на образъ твой и плодъ,
Что всѣ дѣла твои возставитъ,
И въ свѣтѣ тѣмъ себя прославитъ.»

«Исполненъ я веселья нынѣ,
Что вновь дѣла мои растутъ,
Вѣщаетъ Петръ къ Екатеринѣ:
Твои совѣты всѣ цвѣтутъ.
Блаженны дщерью мы своею;
Рука Господня буди съ нею,
Блаженъ тотъ годъ, тотъ день и часъ,
Когда Господь ущедрилъ насъ,
Подавъ ее намъ на утѣху,
И всѣхъ трудовъ моихъ къ успѣху».

Но рѣчь ихъ шумный вопль скрываетъ:
Война при Шведскихъ берегахъ
Съ ужаснымъ стономъ возрыдаетъ,
Въ угрюмыхъ кроется лѣсахъ.
Союзъ приходитъ вожделѣнный,
И гласъ возноситъ къ ней смиренный:
«Престань прекрасный вѣкъ мрачить,
И Фински горы кровавить:
Се царствуетъ Елисавета,
Да миръ подастъ предѣламъ свѣта.

Хотя твои махины грозны,
Но сплавлю ихъ въ зваянный ** видъ,
Чтобъ знали впредь потомки поздни,
Что нынѣ свѣтъ Россіи зритъ.

---

* Екатерина I.
** Передѣлаю пушки въ изваянія, въ статуи.

Я вящи * учиню премѣны,
Когда градовъ пространны стѣны
Безъ пагубы людской сотру,
Въ огромные столпы сберу;
Превыше будутъ тѣ Мемфійскихъ
Монарховъ славою Россійскихъ.

Мечи твои и копья вредны
Я въ плуги и въ серпы скую:
Пребудутъ всѣ поля безбѣдны,
Отвергнувъ люту власть твою.
На мѣстѣ брани и раздора
Цвѣты свои разсыплетъ Флора.
Разить не будетъ сѣрный прахъ
Сквозь воздухъ, огнь и смерть въ полкахъ;
Но, озаривъ веселы ночи,
Восхититъ зрящихъ духъ и очи».

Еще плѣненна мысль мутится!
Я слышу стихотворцевъ шумъ,
Которыхъ жаръ не погасится,
И будетъ чтущихъ двигать умъ;
Завистно на меня взирая
И съ жалостію воздыхая,
Ко мнѣ возносятъ скорбный гласъ:
«О коль ты счастливѣе насъ!
Нашъ слогъ исполненъ басней лживыхъ,
Твой сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.

На что бы вымышлять намъ ложно
Безъ вещи имена однѣ,
Когда бы было намъ возможно
Рожденнымъ въ Росской быть странѣ,
Въ сіе благословенно время,
Въ которое Петрово сѣмя,
Всѣхъ женъ хвала Елисаветъ
Сладчайшій Музамъ вѣкъ даетъ?
Въ ней зрятся истинны доброты,
Геройство, красота, щедроты».

* Большія.

Что толь пріятный сонъ смущаетъ,
Восторгъ пресладкій гонитъ прочь,
И что спокойну брань скрываетъ,
И отвращаетъ ясну ночь?
Возноситъ востокъ и западъ клики!
Согласно разные языки
Гласятъ къ монархинѣ своей:
«Господь ущербомъ нашихъ дней
Умножь твои дражайши лѣта,
Въ отрадѣ и защитѣ свѣта».

Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красотой,
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный въ храмѣ образъ твой.
Что жъ будущіе скажутъ роды?
Покрыты кораблями воды
И грады, гдѣ былъ прежде лѣсъ,
Возвысятъ гласъ свой до небесъ:
«Великій Петръ намъ далъ блаженство,
Елисавета совершенство».

Цѣлуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желалъ:
Ты паки зришь Императрицу,
Что въ сердцѣ завсегда держалъ!
Не такъ поля росы желаютъ,
И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ;
Не такъ способныхъ вѣтровъ ждетъ
Корабль, что въ тихій портъ плыветъ:
Какъ сердце наше къ ней пылало,
Чтобъ къ намъ лице ея сіяло.

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй тѣмъ творцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый,
Доволенъ будь собою самъ:

Твою усерднѣйшую ревность
Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть,
Котору будутъ вѣкъ хранить
Дѣла Петровой дщери громки,
Что станутъ поздни честь потомки.

~~~~~~~~~~

ОДА

на день восшествія на Всероссійскій престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійскія, 1746 года. †

На верхъ Парнасскихъ горъ прекрасный
Стремится мысленный мой взоръ,
Гдѣ воды протекаютъ ясны
И прохлаждаютъ Музъ соборъ.
Меня не жажда струй прозрачныхъ,
Но шумъ пріятный въ рощахъ злачныхъ
Поспѣшно радостна влечетъ:
Тамъ холмы и древà взываютъ
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ Елисаветъ.

И се ужè рукой багряной
Врата отверзла въ міръ заря,
Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяный
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря,
Велитъ ночнымъ лучамъ склониться
Предъ свѣтлымъ днемъ, и въ тверди скрыться,

---

† Въ этой одѣ Ломоносовъ прославляетъ Елисавету за избавленіе Россіи отъ бѣдствій, въ которыхъ она находилась по смерти Петра Великаго, и въ особенности при Биронѣ. Ея царствованіе есть свѣтлый день сравнительно съ предшествовавшей мрачной и бурной ночью.
~~~~~~~~~~

И тѣмъ почтить его приходъ.
Онъ блескъ и радость изливаетъ
И въ красны лики * созываетъ
Спасенный днесь Россійскій родъ.

Взирая на дѣла Петровы,
На градъ, на флотъ и на полки
И купно на свои оковы,
На сильну власть чужой руки, **
Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякій часъ взывала
Къ тебѣ защитницѣ своей:
«Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Петрово племя,
Утѣшь печаль твоихъ людей.

Покрой отечески законы,
Полки противныхъ отжени,
И святости твоей короны
Чужимъ коснуться возбрани;
Отъ церкви отврати налоги;
Тебя монарши ждутъ чертоги,
Порфира, скипетръ и престолъ;
Всевышній пойдетъ предъ тобою
И крѣпкою тебя рукою
Отъ страшныхъ всѣхъ защитъ золъ».

Какую чувствуетъ премѣну
Желаніемъ вперенный *** духъ?
Се, мысль внезапно восхищенну,
Веселый ободрятъ слухъ!
Ужѐ со многими народы
Гласитъ ѳѳиръ, земля и вóды,
И камни вопіютъ теперь:
«Къ намъ щедро небо преклонилось,
И счатье наше обновилось:
На тронъ взошла Петрова дщерь!»

* Хоры.
** Намекъ на Бирона и Браунштейгскую фамилію.
*** Восхищенный, воспламененный.

О утра часъ благословенный,
Дражайшій * намъ златыхъ вѣковъ! **
О вѣстникъ счастья вожделѣнный
Для насъ и будущихъ родовъ,
Ты коль велику далъ отраду,
Когда открылъ Петрову граду
Избавльшія богини зракъ!
Мы въ скорбной темнотѣ заснули,
Но въ радости отъ сна вспрянули,
Какъ ты ночной разсыпалъ мракъ.

Ужѐ народъ нашъ оскорбленный
Въ печальнѣйшей ночи сидѣлъ;
Но Богъ, смотря въ концы вселенны,
Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
Взглянулъ въ Россію кроткимъ окомъ,
И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
Со властью рекъ: «да будетъ свѣтъ!»
И бысть! О твари обладатель!
Ты паки свѣта намъ создатель,
Что взвелъ на тронъ Елисаветъ.

О день блаженный, день избранный
Для счастія полночныхъ странъ!
Тобой сугубо осіянны,
Востокъ и льдистый океанъ
Свои колѣна преклоняютъ,
И жертву нынѣ возжигаютъ
Усердну въ радостныхъ сердцахъ
Предъ солнцемъ, на земли свѣтящимъ,
Что намъ, въ печальной тьмѣ сидящимъ,
Проливши свѣтъ, отгнало страхъ.

Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей

* Сравнительная степень.
** Манифестъ о восшествіи Елисаветы Петровны на престолъ былъ объявленъ въ 8 ч. утра, 25 ноября.

Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей,*
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

Я духомъ зрю минувше время,
Тамъ грозный злится исполинъ
Разсыпать земнородныхъ племя
И разрушить натуры чинъ.
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,
Лѣсисты съ мѣстъ бугры хватаетъ,
И въ твердь сквозь облакá разитъ.
Сиканскій какъ вулканъ** дымится,
Такъ мгла изъ челюстей курится
И помрачаетъ солнца видъ.

Но о прекрасная планета,
Любезное свѣтило дней!
Ты нынѣ, чрезъ предѣлы свѣта
Простерши блескъ твоихъ лучей,
Спасенный сѣверъ освѣщаешь
И къ намъ веселый видъ склоняешь,
Взирая на Елисаветъ,
И купно на ея доброты.
Отъ ней текутъ на всѣхъ щедроты,
Какъ твой повсюду ясный свѣтъ.

О вы, недремлющіе очи,***
Стрегущіе небесный градъ!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спятъ,

* Отъ волнъ.
** Этна.
*** Т. е. звѣзды.

Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, * что вы въ оный часъ,
Впротивъ естественному чину,
Петрову зрѣли дщерь едину,
Когда пошла избавить насъ.

Сладка плодамъ во время зноя
Прохладá влажныя росы́,
И́ сонъ подъ тѣнью древъ густою
Прiятенъ въ жаркiе часы;
Но вящу радость ощущаетъ
Мой духъ, когда воспоминаетъ
Россiйскiя отрады день.
Еще приходитъ плескъ во уши!
Плѣняюща сердцà и души
Тогдашней нòчи зрится тѣнь!

По стогнамъ ** шумный гласъ несется
Елисаветиныхъ похвалъ,
Въ полкахъ стократно раздается:
«Великiй Петръ изъ мертвыхъ всталъ!
Мы пройдемъ съ нимъ сквозь огнь и вòды,
Предолимъ бури и погоды, ***
Поставимъ грады на рѣкахъ,
Мы дерзкiй взоръ враговъ потупимъ
На горды выи**** ихъ наступимъ,
На грозныхъ станемъ мы валахъ».

Коль наша радость справедлива!
Насъ краситъ сладостный покой,
О коль, Россiя, ты счастлива
Елисаветиной рукой!
Противны силъ ея страшатся,
И купно милости чудятся,

* Думаю.
** По городскимъ площадямъ.
*** Непогоду.
**** Шеи.

Таковъ Екатерининъ* ликъ
Былъ щедръ, и кротокъ, и прекрасенъ;
Таковъ былъ Петръ врагамъ ужасенъ,
Своимъ отецъ,—вездѣ великъ.

Что вы, о поздніе потомки,
Помыслите о нашихъ дняхъ?
Дѣла̀ Петровой дщери громки
Представивъ въ мысленныхъ очахъ,
И видя зракъ изображенный,
Среди героевъ вознесенный,
Что молвите между собой?
Не всякъ ли скажетъ быть чудесно,**
Увидѣвъ мужество совмѣстно
Съ толикой купно красотой!

Велико дѣло есть и знатно
Сердца́ народовъ привлещи,
И странно всѣмъ и непонятно
Полсвѣта взять въ одной нощи!
Но кое сердце толь жестоко,
Которо бъ сей богини око
Не сильно было умягчить?
И кая можетъ власть земная,
На дщерь и духъ Петровъ взирая,
Себя противу ополчить?

Пять кратъ подъ счастли́вой державой***
Цвѣтами красилась земля;
Стократной облеклися славой
Россійски грады и поля;
Стоятъ трофеи вознесенны,
Цвѣтутъ оливы, насажденны

---

* Екатерины I.
** Латинизмъ.
*** Прошло пять лѣтъ по восшествіи Елисаветы на престолъ.

Елисаветиной рукой,
Что новыхъ свѣтовъ досягаетъ; *
Отъ той Европа ожидаетъ,
Чтобъ въ ней возставленъ былъ покой.

Хотя отъ смертныхъ сокровенно
Грядущихъ бытіе вещей;
Однако сердце, просвѣщенно
Величествомъ богини сей,
На будущіе дни взираетъ,
И больше счастье предвѣщаетъ.
Конецъ увидимъ оныхъ дѣлъ,
Что ради нашего блаженства
На верхъ поставить совершенства
Входящій въ небо Петръ велѣлъ.

Кто можетъ всѣ хвалы достойно
Сея монархини сказать?
Чья муза толь красно и стройно
Предъ нею можетъ возыграть?
Я лиру нынѣ подвергаю
Стопамъ ея и возглашаю:
«Подай, о сильно божество!
Да узрятъ многихъ лѣтъ округи **
Ея къ отечеству заслуги
И свѣтло днешне *** торжество.

Да возрастетъ ея держава,
Богатство, счастье и полки,
И купно дѣлъ геройскихъ слава:
Какъ токъ великія рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ,
Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,

---

* Рука Елисаветы касается до Новаго свѣта, т. е. до Америки, берега которой открыты Берингомъ и Чириковымъ.

** Круговоротъ.

*** Сегодняшнее.

И множество градовъ поитъ,
Разлившись на поля восходитъ,
Обильный тукъ на нихъ наводитъ
И жатвы щедро богатитъ».

ОДА

на день восшествія на Всероссійскій престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года. †

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

---

† Въ 1747 году Императрица Елисавета утвердила новые штаты и новый уставъ Академіи. По новымъ штатамъ отпускалось денегъ на Академію вдвое противъ прежняго. Въ благодарность за такую милость Ломоносовъ написалъ эту оду. Она была озаглавлена такимъ образомъ: „Радостныя и благодарственныя восклицанія музъ Россійскихъ, прозорливостью Петра Великаго основанныхъ, тщаніемъ щедрыя Екатерины утвержденныхъ и несказаннымъ великодушіемъ Ея Императорскаго величества, всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія, великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійскія, обогащенныхъ, оживленныхъ и возставленныхъ, которыя на пресвѣтлый и всерадостный праздникъ восшествія на всероссійскій престолъ Ея Величества ноября 25 дня, 1747 года, приноситъ всеподданнѣйшая Академія наукъ“. Предметъ оды вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли ея: Ломоносовъ говоритъ о значеніи наукъ для Россіи и прославляетъ покровительницу ихъ.

Великое свѣтило міру, *
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ,
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы ** и тебя.
Ты, кромѣ той, всего превыше,
Душа ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.

Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ облобызала:
«Мнѣ полно *** тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ».

Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ;
Когда ты крестъ несла рукою ****
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!

Чтобъ слову съ оными сравниться,
Достатокъ силы нашей малъ;

* Дат. вм. родит.

** Елисавета по-русски означаетъ *миръ, тишину.*

*** Для меня довольно.

**** Когда гренадеры пришли ночью во дворецъ Елисаветы, она, помолившись, взяла крестъ, вышла къ гренадерамъ и привела ихъ къ присягѣ.

Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ:
Онъ брегъ съ веселѣемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ: *
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена!

Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни!
Послалъ въ Россію человѣка,**
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окружена,

* Т. е. умолкни война.
** Петра Великаго.

Сомнѣнная * Нева рекла:
«Или я нынѣ позабылась,
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла»?

Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
«Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.»
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Ужѐ Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Но ахъ жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ ** рыданій нашихъ слухъ,
Верхи Парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.

Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣлà взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ если бъ жизнь ея продлилась,

---

* Смущенная, недоумѣвающая.
** Внявъ, услыхавъ.

Давно бъ Секвана * постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь,
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ,
И къ счастью отверзаетъ дверь.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ:
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная твоя держава
О какъ тебѣ ** благодаритъ!
Воззри на горы превысоки!
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что *** щедростью твоей цвѣтетъ.

---

* Сена, т. е. Парижская Академія уступала бы первенство С-Петербургской.

** Старинное словосочиненіе.

*** Которая.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ;
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ, народы напояетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю * шириной.

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не розгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.

Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?

* Старинное словосочиненіе.

Мы даръ твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ, и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.

Се мрачной вѣчности запону *
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ
И море тщится уступить:
Колумбъ Россійскій ** черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.

Тамъ тьмою островов посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы

И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски *** копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается

---

* Завѣсу.
** Берингъ и Чириковъ.
*** Уральскія горы.

Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску днѐвнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несча̀стной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ. *

Тебѣ, о милости источникъ
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя ** нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.

* Изъ Cic. pro Archia poëta: Studia adolescetiam alunt, senectutem oblectant, secudas res ornant, adversis perfugium ac solatium praebent....
** Завидуя.

Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну,
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнитъ.

ОДА
на день восшествія на престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1748 года.†

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, богиня, возсіяло.
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
Да счастіемъ твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ;

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ тебѣ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да истребится,
И огнь, и мечъ да удалится
Отъ странъ твоихъ и всякій вредъ;
Весна да разсмѣется нѣжно,
И ратай * въ нивахъ безмятежно
Сторичный плодъ да соберетъ.

---

† Въ этой одѣ Ломоносовъ восхваляетъ въ особенности доброту и мудрость Императрицы Елисаветы. Президентъ Академіи Гр. К. Г. Разумовскій поднесъ оду Государынѣ. „Ея Императорское Величество (говорится въ современныхъ газетахъ) милостиво принять соизволила, и сочинителю сего поздравленія профессору химіи г. Ломоносову всемилостивѣйше изволила пожаловать двѣ тысячи рублей въ награжденіе.“

* Земледѣлецъ.

Съ способными вѣтрами споря,
Терзать да не дерзнетъ Борей
Покрытаго судами моря,
Плювущими къ земли твоей.
Да всѣхъ глубокій миръ питаетъ;
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ.
Да злобна зависть постыдится,
И славѣ свѣтъ да удивится
Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

Священны да хранятъ уставы
И правду на судѣ судьи;
И время твоея державы
Да ублажатъ раби твои.
Сосѣди да блюдутъ союзы;
И вамъ, возлюбленныя музы,
За горьки слёзы и за страхъ,
За грозно время и плачевно,*
Да будетъ радость повсядневно,
При Невскихъ обновясь струяхъ.

Годину ту воспоминая,
Среди утѣхъ мятется умъ!
Еще крутится мгла густая,
Еще наноситъ страшный шумъ;
Тамъ буря искры завиваетъ,
И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ!
Какъ мѣдь въ горнилѣ, небо рдится,
Богатство разума стремится
На низъ къ трепещущимъ ногамъ. **

Дражайши музы, отложите
Взводить на мысль печали тѣнь;
Веселымъ гласомъ возгремите.
И пойте сей великій день,

* Ломоносовъ говоритъ здѣсь о прежнемъ печальномъ состояніи Академіи и намекаетъ на дарованіе новаго устава.

** Говорится о пожарѣ, бывшемъ въ Академіи въ 1747 году.

Когда въ отеческой коронѣ
Блеснула на Россійскомъ тронѣ
Яснѣе дня Елисаветъ
Какъ ночь на полдень премѣнилась,
Какъ осень намъ съ весной сравнилась *
И тьма произвела намъ свѣтъ.

Въ луга, усыпанны цвѣтами,
Царица трудолюбныхъ пчелъ,
Блестащими шумя крылами
Летитъ между прохладныхъ селъ.
Стекается, оставивъ розы
И сотомъ напоенны лозы,
Со тщаніемъ отвсюду рой,
Свою царицу окружаетъ!
И тѣсно въ слѣдъ ея летаетъ
Усердіемъ вперенный ** строй.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
Стекался здѣсь Россійскій родъ,
И радостію восхищенный
Тѣснясь взиралъ на твой приходъ.
Младенцы купно съ сѣдиною
Спѣшили слѣдомъ за тобою.
Тогда великій градъ Петровъ
Въ едину стогну *** умѣстился,
Тогда и вѣтръ остановился,
И плескъ **** взносилъ до облаковъ,

Тогда во всѣ предѣлы свѣта,
Какъ молнія, достигнулъ слухъ,
Что царствуетъ Елисавета,
Петровъ въ себѣ имѣя духъ.
Тогда нестройные сосѣды
Отчаялись своей побѣды,

* Елизавета Петровна вступила на престолъ 25 ноября.
** Проникнутый.
*** Площадь.
**** Рукоплесканіе.

И въ мысли отступали вспять.
Монархиня, кто Россовъ знаетъ,
И ревность ихъ къ тебѣ внимаетъ,
Помыслитъ ли противу стать?

Что Марсъ кровавый не дерзаетъ
Руки своей простерти къ намъ,
Твои онъ силы почитаетъ
И власть, подобну небесамъ.
Левъ нынѣ томко зритъ ограду,*
Чѣмъ путь ему пресѣченъ къ стаду.
Но море нашей тишины
Уже предѣлы превосходитъ,
Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
Разлившись въ западны страны.

Европа, утомленна въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ тебѣ свои простерла длани
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода
Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечъ твой, лаврами обвитый,
Не обнаженъ, войну пресѣкъ. **

Европа и весь міръ свидѣтель,
Народовъ разныхъ милліонъ,
Колика нынѣ добродѣтель
Россійскій украшаетъ тронъ.
О какъ сіе насъ услаждаетъ,
Что вся вселенна возвышаетъ

---

* Въ 1748 г. дѣлались военныя приготовленія противъ Швеціи.

** Въ 1748 г. Императрица послала вспомогательный корпусъ на Рейнъ, и одно это обстоятельство было причиною заключенія мира въ Ахенѣ.

Монархиня, твои дѣла̀!
Народовъ твоея державы
Различна рѣчь, одежда, нравы,
Но всѣхъ согласна похвала.

Единымъ гласомъ всѣ взываемъ,
Что ты защитница и мать,
Твои доброты исчисляемъ;
Но всѣхъ не можемъ описать.
Когда воспѣть щедроты тщимся,
Безгласны красотѣ чудимся.
Побѣды ль славить мысль течетъ,
Какъ пали Готѳы предъ тобою?
Но больше мирною рукою
Ты цѣлый удивила свѣтъ.

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣлъ:
Тотъ крѣпкое имѣетъ тѣло,
Но слабъ въ немъ духъ и умъ незрѣлъ:
Въ другомъ блистаетъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣетъ тѣсный,
И духу силъ не достаетъ.
Иной прославился войною,
Но жизнью миръ порочитъ злою,
И самъ съ собой войну ведетъ.

Тебя, богиня, возвышаютъ
Души и тѣла красоты;
Что въ многихъ раздѣлясь блистаютъ,
Едина всѣ имѣешь ты.
Мы видимъ, что въ тебѣ единой
Великій Петръ съ Екатериной
Къ блаженству нашему живетъ.
Похвалъ пучина отворилась!
Смущенна мысль остановилась,
Что словъ къ тому не достаетъ!

Однако духъ еще стремится,
Еще кипитъ сердечный жаръ,
И ревность умолчать стыдится:
О муза, усугубь твой даръ;
Гласи со мной въ концы земныя,
Коль нынѣ радостна Россія!
Она, коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей державы;
Гремящей насыщенна славы
Покоится среди луговъ.

Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сидитъ и нóги простираетъ
На степь, гдѣ Хину * отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вкругъ довольства исчисляетъ,
Возлегши лактемъ ** на Кавказъ.

«Се нашею, рекла, рукою
Лежитъ поверженный Азовъ;
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ,
Се знойные Каспійски бреги,
Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги.
Сквозь степь и блата Петръ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ;
Свои знамена тамъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрывали тучи стрѣлъ.

Въ моей послушности крутятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,

---

* Китай.
** Локтемъ.

Гдѣ многіе народы тщатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣются лютости борея;
Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ,
Гдѣ верхъ до облакъ простираетъ,
Угрюмы тучи раздираетъ,
Поднявшись съ дна морскаго ледъ.

Здѣсь Днѣпръ хранитъ мои границы,
Гдѣ Готѳъ гордящійся упалъ *
Съ торжественныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сарматовъ и Саксоновъ плѣнныхъ,
Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
Единой обращалъ рукой.
Но палъ, и звукъ его достигнулъ
Во всѣ страны, и страхомъ двигнулъ
Съ Дунайской Вислу быстриной.

Въ стѣнахъ Петровыхъ протекаетъ
Полна веселья тамъ Нева,
Златой порфирою блистаетъ
Покрыта лаврами глава.
Тамъ равной ревностью пылаютъ
Сердца̀, какъ стогны всѣ сіяютъ
Въ исполненной утѣхъ ночи.
О сладкій вѣкъ! О жизнь драгая!
Петрополь, небу подражая,
Подобны испустилъ лучи». **

Сіе Россія восхищена
Въ веселіи своемъ гласитъ:
Москва едина, на колѣна
Упавъ, передъ тобой стоитъ,

* Карлъ XII.
** Разумѣется иллюминація.

Власы сѣдые простираетъ,
Тебя, богиня, ожидаетъ,
Къ тебѣ единой вопія:
«Воззри на храмы опаленны,
Воззри на стѣны разрушенны;
Я жду щедроты твоея!» *

Гряди, краснѣйшая** денницы,
Гряди, и свѣтлостью лицà
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердцà,
И время возврати златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
Отсутствуя, ты будешь съ нами:
Покрытымъ орлими крилами
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?

Но если гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ; ***
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ тебѣ приклонитъ,
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предыдетъ ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

---

* Государыня намѣревалась въ концѣ 1748 года ѣхать въ Москву, гдѣ въ маѣ того же года сгорѣло нѣсколько десятковъ церквей и монастырей и около двухъ тысячъ домовъ.

** Сравн. степень.

*** Разумѣются шведы.

ИЗБРАННЫЯ СТРОФЫ ИЗЪ ДРУГИХЪ ПОХВАЛЬНЫХЪ ОДЪ.

ИЗЪ ОДЫ на прибытіе изъ Голстиніи и на день рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, 1742 года. †

(Строфы 11, 12, 13, 14).

Но спѣшно толь куда восходитъ
Внезапно мой плѣненный взоръ?
Видѣніе мой духъ возводитъ
Превыше Ѳессалійскихъ горъ!
Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,*
Рукою отрока держащу
И всѣ страны полночны съ нимъ.
Украшенна кругомъ звѣздами
Разитъ перуномъ внизъ своимъ,
Гоня противности съ бѣдами.

И вѣчность предстоитъ предъ нею,
Разгнувши книгу всѣхъ вѣковъ,
Клянется небомъ и землею
О счастьѣ будущихъ родовъ,
Что Россамъ будетъ непремѣнно
Петровой кровью ** утвержденно.
Отверзлась дверь, не виденъ край,
Въ пространствѣ заблуждаетъ око,
Цвѣтетъ въ Россіи красный рай,
Простертъ во всѣ страны широко.

---

† Въ этой одѣ Ломоносовъ говоритъ, что теперь насталъ конецъ войнѣ, что Елисавета съ радостію встрѣчаетъ Петрова внука, а Россія— съ надеждами; городъ и природа ликуютъ. Конецъ оды находится въ приведенныхъ строфахъ.

* Т. е. Императрицу Елисавету.

** Поколѣніемъ.

Млекомъ и медомъ напоенны,
Тучнѣютъ влажны берегà,
И яснымъ солнцемъ освѣщенны,
Смѣются злачные лугà.
Съ полудни вѣетъ духъ смиренный,
Чрезъ плодъ земли благословенный.
Утихъ свирѣпый вихрь въ моряхъ;
Владѣетъ тишина полями;
Спокойство царствуетъ въ градàхъ,
И миръ простерся надъ водами.

Увидѣвъ времена златыя
Среди градовъ своихъ и селъ,
Гласитъ спасенная Россія
Къ защитницѣ своихъ предѣлъ:
«Тебѣ я подданныхъ питаю,
И храбру кровь ихъ ободряю,
Чтобъ тую за тебя пролить.
Ахъ, чтобы къ удивленью свѣта
Изволилъ Вышній утвердить
Престолъ Петровъ чрезъ вѣчны лѣта!»

ИЗЪ ОДЫ
на день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Θеодоровича, 1743. †

(Строфы 1 и 2).

Ужè врата отверзло лѣто,
Натура ставитъ общій пиръ;
Земля и сердце въ насъ нагрѣто,
Колеблетъ вѣтви тихъ зефиръ,

† Въ приведенныхъ строфахъ описавается приходъ лѣта; далѣе поэтъ вспоминаетъ Петра Великаго, сего грознаго завоевателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливаго судію и миротворца. Въ заключеніи оды выражается желаніе, чтобы Петръ Θеодоровичъ былъ вторымъ Петромъ Великимъ.

Объемлеть мягкій лугъ крылами;
Крутится чистый токъ полями;
Брега̀ питаетъ тучный илъ;
Древа̀ и цвѣтъ покрылись медомъ;
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно ясный дождь свѣтилъ.

Но о небесъ пресвѣтло око,
Веселыхъ дней прекрасный царь!
Какъ наша радость, встань высоко,
Пролей чистѣйшій лучъ на тварь;
Въ прекрасну облеклись порфиру,
Явись великолѣпенъ міру
И въ новомъ блескѣ вознесись,
Въ златую сѣдши колесницу,
Въ зенитъ вступи, прошедъ границу,
Позднѣе въ океанъ спустись.

ИЗЪ ОДЫ

на день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійскія, 1746 года. †

(Строфы 3—6, 9 и 10).

Сквозь тучи бывшія печали,
Что лютый рокъ на насъ навелъ,
Какъ горы о Петрѣ рыдали
И понтъ въ брегахъ своихъ ревѣлъ,
Сквозь страшны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ, войнами возмущенный,
Я вижу тамъ пресвѣтлый часъ:
Тамъ вкругъ младой Елисаветы

† Въ этой одѣ поэтъ воспоминаетъ счастливыя предзнаменованія, при которыхъ родилась Елисавета Петровна (въ годъ Полтавской побѣды). Всѣ народы, науки и искусства приносятъ ей свои добрыя пожеланія. Въ приведенныхъ строфахъ описывается торжество природы вмѣстѣ съ русскими, а въ строф. 9 и 10 изображается Императрица Елисавета Петровна.

Сіяютъ счастливы планеты,
Я слышу тамъ натуры гласъ.

Сидя на блещущемъ престолѣ,
Составленномъ изъ твердыхъ горъ,
Въ пространномъ всѣхъ твореній полѣ
Между стихій смиряетъ споръ;
Сосцами всяку плоть питаетъ;
Отъ чрева рѣки проливаетъ.
Зелену ризу по лугамъ
И по долинамъ расширяя,
Изъ устъ зефирами дыхая,
Съ веселіемъ вѣщаетъ къ намъ:

«Я съ вами нынѣ торжествую,
Мнѣ сихъ часовъ краснѣе нѣтъ,
Что героиню таковую
Въ сей день произвела я въ свѣтъ.
Въ ней хитрость вся моя и сила
Возможность крайню положила;
Я избрала счастливый знакъ
Надежду показать нелестну:
Въ пространну высоту небесну
Прилежно возведите зракъ.

Се солнце бѣгъ свой премѣняетъ
И къ вамъ течетъ умножить день;
На сѣверъ взоръ свой обращаетъ,
И онымъ прогоняетъ тѣнь,
Являя, что Елисавета
Въ Россіи усугубитъ свѣта
Державой и вѣнцемъ своимъ.
Ермій, наукамъ предводитель,
И Марсъ, на брани побѣдитель,
Блистаютъ совокупно съ нимъ.

Въ тебѣ прекрасный домъ создали
Душѣ великой небеса,
Свое блистанье изліяли
Въ твои пресвѣтлы очеса;
Лице всходящія денницы
И бодрость быстрыя орлицы
И въ нѣжнѣйшихъ являлись дняхъ;
Ужè младенческіе взгляды
Предвозвѣщали тѣ отрады,
Что бѣднымъ нынь отъемлютъ страхъ.

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
Такъ Нилъ смиренно протекаетъ:
Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше прочихъ рѣкъ;
Своею сладкою водою,
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою,
Златой даетъ Египту вѣкъ.

ИЗЪ ОДЫ,

въ которой Ея Величеству благодареніе отъ сочинителя приносится за оказанную ему Высочайшую милость въ Царскомъ селѣ, Августа 27 дня, 1750 года. †

(Строфы: 4, 5, 6 и 11).

Гдѣ древнимъ именемъ Славѣна
Гордяся, пролились струи,

† Изъ содержанія оды не видно, въ чемъ именно заключалась оказанная Ломоносову милость. Нѣкоторые думали, что это было пожалованіе помѣстья (Коровалдай), но помѣстье пожаловано поэту въ 1753 году, въ Москвѣ. Ломоносовъ описываетъ пріятности Царскаго села. Лучшія мѣста оды—описаніе рѣчки Славянки, которая протекаетъ въ Царскомъ селѣ, и царской охоты.

Тамъ видя нимфа изумленна
Украшены луга свои,
Златые кровы окомъ мѣритъ
И въ ужасѣ себѣ не вѣритъ,
Но кажду обозрѣвши часть,
Съ веселіемъ сіе вѣщаетъ:
«То само небо созидаетъ,
Или Петровой дщери власть!»

Рекла и, влагу разсѣкая,
Пустилась тщательно къ Невѣ;
Волна, во бреги ударяя,
Клубится пѣною въ травѣ.
Во храмъ, сіяющій металломъ,
Предъ тронъ, украшенный кристалломъ,
Поспѣшно простираетъ ходъ;
Вѣнцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ вѣщаетъ облеченной
Владычицѣ Россійскихъ водъ:

«Рѣка, которой нроливаютъ
Великія озѐра дань,
И кою громко прославляютъ
Во всей вселенной миръ и брань!
Ты счатлива трудомъ Петровымъ;
Тебя и нынѣ краситъ новымъ
Раченіемъ Елисаветъ.
Но малые мои потоки
Прими въ себя, какъ Нилъ широкій,
Который изъ рая течетъ».

Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда богиня* понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!

* Императрица Елисавета Петровна.

Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ;
Коню бѣжать не воспящаютъ *
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами,
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь!

ИЗЪ ОДЫ
на рожденіе Великаго Князя Павла Петровича, Сентября 20 дня, 1754 года. †

(Строфы 3, 4, 5, 6, 7, 8).

Когда на холмѣ кто высокомъ
Сидя, вокругъ объемлетъ окомъ
Поля въ прекрасный лѣтній день,
Сады, долины, рощи злачны,
Шумящихъ водъ ключи прозрачны
И древъ густыхъ прохладну тѣнь,
Стада̀, ходящи межъ цвѣтами,
Обильность сельскаго труда,
И желты класы межъ браздами:
Что чувствуетъ въ себѣ тогда?

Такъ нынѣ градъ Петровъ священный,
Толикимъ счастьемъ восхищенный,
Восшедъ отрадъ на высоту,
Вокругъ веселія считаетъ,

---

* Не препятствуютъ.

† Въ этой одѣ поэтъ выражаетъ желаніе, чтобы новорожденный сравнялся въ дѣлахъ съ Петромъ Великимъ. По мнѣнію Ломоносова, Павлу предстоитъ освободить св. мѣста, т. е. сокрушить Турцію, и перешагнуть стѣну, отдѣляющую Китай отъ Россіи. Въ приведенныхъ строфахъ изображается торжество Петербурга и Москвы по случаю рожденія Павла Петровича.

И кра́я имъ ни обрѣтаетъ.
Какую зритъ онъ красоту!
Тамъ многіе народа лики
На стогнахъ ходятъ и брегахъ;
Шумятъ тамъ праздничные клики
И раздаются въ облакахъ;

Тамъ слышны разны разговоры.
Иной, взводя на небо взоры:
«Великъ Господь мой! говоритъ:
Мнѣ видѣть въ старости судилось,
И прежде смерти приключилось,
Что въ радости Россія зритъ!»
Иной: «я стану жить дотолѣ,
Гласитъ, младой свой зная вѣкъ,
Чтобы служить подъ нимъ мнѣ въ полѣ,
Огонь пройти и быстрость рѣкъ!»

Ужѐ великими крилами
Парящая надъ облаками
Въ предѣлы слава странъ звучитъ.
Труды народы оставляютъ
И гласу новому внимаютъ,
Что промыслъ имъ чрезъ то велитъ.
Пучина преклонила волны,
И на брегахъ умолкнулъ шумъ;
Безмолвія всѣ зѐмли полны;
Внимаетъ славѣ смертныхъ умъ.

Но грады Россkіе въ надеждѣ,
Котора ихъ питала прежде,
Подвиглись слухомъ паче тѣхъ,
Верхами къ высотѣ несутся,
И тщатся облакамъ коснуться.
Москва, стоя въ срединѣ всѣхъ,
Главу, великими стѣнами
Вѣнчанну, взводитъ къ высотѣ,
Какъ кедръ межъ низкими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.

Едва желанную отраду
Великоку внушилъ слухъ граду,
Отверстіемъ священныхъ устъ,
Трясущи сѣдиной, вѣщаетъ:
«Теперь мнѣ небо утверждаетъ,
Что домъ Петровъ не будетъ пустъ!
Онъ въ немъ во вѣки водворится;
Премудрость, мужество, покой,
И судъ, и правда воцарится;
Онъ рогъ до звѣздъ возвысить мой».

ИЗЪ ОДЫ

Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ на день рожденія Ея Величества, Декабря 18 дня, 1757 года. †

(Строфы 12 и 13).

Правители, судьи, внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы, съ трепетомъ внемлите!
Сіе глаголетъ вамъ Господь
Святымъ своимъ въ пророкахъ духомъ;
Впери всякъ умъ и вникни слухомъ;
Божественный пѣвецъ Давидъ
Священными шумитъ струнами,
И Бога полными устами
Исайя восхищенъ гремитъ!

Храните праведны заслуги
И милуйте сиротъ и вдовъ;

† Когда писалась эта ода, у насъ уже началась война съ Пруссіей въ защиту Маріи Терезіи. Намекая на несправедливыя притязанія Фридриха II, Ломоносовъ проводитъ въ одѣ мысль, что Богъ за правду даритъ народамъ миръ, а за неправду казнитъ войною.

Сердцамъ нелживымъ будьте други
И бѣднымъ истинный покровъ;
Присягу сохраняйте вѣрно,
Пріязнь къ другамъ нелицемѣрно;
Отверзите просящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду,
Трудамъ законную награду,
Взирайте на Петрову дщерь!

ИЗЪ ОДЫ

на день восшествія на Всероссійскій престолъ Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Ноября 25 дня, 1761 года.†

(Строфы 11, 12, 13).

Какъ вождельнный солнца лучъ,
Хотя не престая сіяетъ,
Скрывается отъ мрачныхъ тучъ
И не повсюду согрѣваетъ:
Подобно милосерда власть,
Любя себѣ врученну часть,
Сіяніе даетъ всечасно,
Чтобъ грѣть и освѣщать народъ:
Но терпитъ дѣйствіе прекрасно
Уронъ отъ бранныхъ непогодъ.

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,

---

† Это послѣдняя ода въ прославленіе Императрицы Елисаветы Петровны. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ поднесенія оды Государыня скончалась. Ломоносовъ развиваетъ мысль о томъ, что иногда война бываетъ необходима. У насъ происходила тогда война съ Пруссіею.

Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли, * водамъ равны,
Что вкругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спятъ,
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнный производятъ гадъ.

Война плоды свои́ раститъ,
Героевъ въ миръ раждаетъ славныхъ,
Обширныхъ областей есть щитъ,
Могущество крѣпитъ державныхъ. **
Воззримъ на дре́вни времена:
Россійска повѣсть тѣмъ полна,
Уже́ изъ тьмы на свѣтъ выходитъ,
За ней великихъ полкъ мужей,
Что на театръ всесвѣтный взводитъ
Одѣтыхъ солнечной зарей.

ИЗЪ ОДЫ

на восшествіе на Всероссійскій престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины II. 23 іюня, 1762 года. †

Строфы 17—24.

Услышьте, судіи земные
И всѣ державныя главы!
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте

* Вода цвѣтетъ стоячая.

** Владѣтелей.

† Въ этой одѣ Ломоносовъ высказываетъ свои мысли о царствованіи Петра III, внушенныя ему манифестомъ Императрицы Екатерины II. Въ манифестѣ были указаны недостатки предыдущаго царствованія.

Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу:
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

О коль велико, какъ прославятъ
Монарха вѣрные раби!
О коль опасно, какъ оставятъ,
Отъ тѣсноты своей, въ скорби!
Внимайте нашему примѣру,
Любите ихъ, любите вѣру.
Она свирѣпости узда,
Сердца̀ народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ
Твердѣе всякаго щита.

А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ ужѐ отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сосѣдамъ дружбу
Позволила по вѣрѣ службу
Безпреткновенно приносить,*
На толь склонились къ вамъ монархи
И согласились іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредитъ?

И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считать насъ вашими рабами,
Въ противность истины вещей.
Искусство нынѣшне—доводомъ, **
Что было надъ Россійскимъ родомъ

* Подразумѣваются нѣмцы, къ которымъ Петръ III оказывалъ особенное пристрастіе.

** Т. е. опытъ показываетъ.

Умышлено отъ вашихъ главъ,
Къ попранью нашего закона,
Россійскаго къ паденью трона,
Къ рушенію народныхъ правъ.

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Изчислите тьму сильныхъ боевъ,
Изчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ
И у святаго алтаря.

О коль монархъ благополученъ,
Кто знаетъ * Россами владѣть!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
И всѣхъ сердцà въ рукѣ имѣть.
Тебя толь счастливу считаемъ,
Богиня, въ коей признаваемъ
Въ единой всѣ доброты вдругъ,
Щедроты, вѣру, спреведливость,
И съ постоянствомъ прозорливость,
И истинный геройскій духъ.

Осмнадцать лѣтъ ты украшала
Благословенный домъ Петровъ;
Елисаветъ подражала
Въ монаршихъ высотѣ даровъ.
Освобождая утѣсненныхъ
И ободряя оскорбленныхъ,
Склонила высоту небесъ
Отъ злой судьбы тебя избавить,
Надъ нами царствовать поставить,
И отереть намъ токи слезъ.

---

* Который умѣетъ.

Науки, нынѣ торжествуйте:
Взошла Минерва на простолъ.
Пермесски воды, ликовствуйте,
Шумя крутитесь въ злачный долъ.
Вы въ рѣки и въ моря спѣшите,
И нашу радость возвѣстите
Лугамъ, горамъ и островамъ.
Скажите, что для просвѣщенья
Повсюду утвердитъ ученья,
Создавъ прекрасны храмы вамъ.

ПОХВАЛЬНЫЯ НАДПИСИ.

Къ статуѣ Петра Великаго. *

НАДПИСЬ 1.

Се образъ изваянъ премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ и, царствуя, служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
Рожденны къ скипетру простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.
Когда онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
Художниковъ сбиралъ и обучалъ солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ супостатовъ;
И словомъ, — се есть Петръ, отечества отецъ.
Земное божество Россія почитаетъ,
И столько олтарей предъ зракомъ симъ пылаетъ,
Коль много есть ему обязанныхъ сердецъ.

---

* Ломоносовъ написалъ пять надписей къ конной статуѣ Петра В. Всѣ онѣ были представлены на разсмотрѣніе Государыни въ одно время съ надписью къ ракѣ св. Александра Невскаго.

НАДПИСЬ 2.

Елисавета здѣсь воздвигла зракъ Петровъ,
Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ: но кто онъ былъ таковъ,
Гласитъ сей градъ и флотъ, художества и войски,
Гражданскіе труды и подвиги геройски.

НАДПИСЬ 3.

Металлъ, что пламенемъ на брани устрашаетъ,
Въ Петровомъ градѣ се Россіянъ утѣшаетъ,
Изобразивъ въ себѣ лицà его черты!
Но если бы его душевны красоты
Изобразить могло притомъ раченье наше,
То былъ бы образъ сей всего на свѣтѣ краше.

НАДПИСЬ,

которая изображена на серебряной ракѣ святому, благовѣрному и великому князю Александру Невскому, въ Троицкомъ Александро-невскомъ монастырѣ. †

Святый и храбрый Князь здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ,
И на брегà, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ,
И гдѣ не видимо Петру споспѣшствовалъ.
Являя дщерь его усердіе святое,
Сему защитнику воздвигла раку въ честь
Отъ перваго сребра, что нѣдро ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть.

† По волѣ Императрицы рака была сдѣлана изъ вновь добытаго серебра на Колывановскихъ заводахъ. Всего серебра 82¹/₃ пробы на раку употреблено 76 пуд., 4 фун. и 6 золотн.. Надпись Ломоносова была одобрена Государынею и изображена на ракѣ.

НАДПИСЬ,

на спускъ корабля, именуемаго «Александръ Невскій» 1749 года. †

Гора, что горизонтъ на сушѣ закрывала,
Внезапно съ берегу на быстрину сбѣжала,
Между палатъ стоитъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ;
Мы веселимся здѣсь въ срединѣ тѣхъ чудесъ.
Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чуть сидѣли,
Когда бъ великаго Петра мы не имѣли.

НАДПИСЬ

на маскарадъ 1751 года. ††

Увидѣвъ множество одеждъ и лицъ отмѣнныхъ,
Я въ мысляхъ нынѣ зрю, восторгомъ восхищенныхъ,
Монархиня, концы державы твоея,
И въ оныхъ нахожу утѣхи видъ сея.
Отъ тихихъ всточныхъ водъ до береговъ Балтійскихъ,
Отъ непроходныхъ льдовъ до теплыхъ странъ Каспійскихъ
Въ одеждахъ много коль и въ лицахъ перемѣнъ!
Сугубымъ нынѣ я видѣньемъ удивленъ!
Я слышу тамъ, какъ здѣсь, пріятную музыку:
Тамъ отъ усерднаго народовъ разныхъ клику
Чрезъ горы, чрезъ поля, согласный шумъ течетъ,
Что ты едина всѣмъ покровъ, отрада, свѣтъ.

† Шестидесяти-шести-пушечный корабль „Александръ Невскій“ былъ спущенъ 18 мая, 1749 года.

†† Императрица Елисавета любила маскарады. На нихъ бывалъ и Ломоносовъ. Такъ, напр., въ 1752 году онъ расписался на повѣсткѣ: „быть намѣренъ и съ женою“.

НАДПИСЬ

на иллюминацію, представленную въ торжественный день тезоименитства Ея Величества, 1748 года, Сентября 5 дня.†

Богиня красотой, породой ты богиня,
Повсюду громкими дѣлами героиня,
Ты мать щедротами, ты именемъ покой: *
Смущенный бранью міръ миритъ Господь тобой.
Россійска тишина предѣлы превосходитъ
И льетъ избытокъ свой въ окрестные страны:
Воюетъ воинство твое противъ войны,
Оружіе твое Европѣ миръ приводитъ.

---

† См. прим. на стр. 57.
* См. прим. на стр. 47.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Разговоръ съ Анакреонтомъ. †

АНАКРЕОНТЪ.

Мнѣ пѣть было о Троѣ,
О Кадмѣ мнѣ бы пѣть,
Да гусли мнѣ въ покоѣ
Любовь велятъ звенѣть.
Я гусли со струнами
Вчера перемѣнилъ
И славными дѣлами
Алкида возносилъ,
Да гусли по неволѣ
Любовь мнѣ пѣть велятъ,
О васъ, герои, болѣ,
Прощайте, не хотятъ.

ОТВѢТЪ ЛОМОНОСОВА.

Мнѣ пѣть было о нѣжной,
Анакреонтъ, любви,
Я чувствовалъ жаръ прежній
Въ согрѣвшейся крови;

† Стихотвореніе это не было напечатано при жизни автора; оно было извѣстно современникамъ въ рукописи. Порошинъ въ „Запискахъ" своихъ, подъ 31 окт. 1764 года, говоритъ: „сѣлъ я читать ему (великому князю Павлу Петровичу) разговоръ Михайлы Васильевича Ломоносова съ Анакреонтомъ. Разговоръ сей весьма понравился его высочеству, и послѣ самъ его изволилъ перечитывать. Сочиненіе сіе самого господина Ломоносова." Въ этомъ разговорѣ особенно замѣчательны первый и четвертый отвѣтъ Ломоносова.

Я бѣгать сталъ перстами
По тоненькимъ струнамъ
И сладкими словами
Послѣдовать стопамъ.
Мнѣ струны по неволѣ
Звучатъ геройскій шумъ.
Не возмущайте болѣ,
Любовны мысли, умъ!
Хоть нѣжности сердечной
Въ любви я не лишенъ,
Героевъ славой вѣчной
Я больше восхищенъ.

АНАКРЕОНТЪ. †

Когда бы намъ возможно
Жизнь было продолжить,
То сталъ бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтобъ смерть въ мою годину,
Взявъ деньги, отошла,
И за откупъ кончину
Отсрочивъ, жить дала.
Когда же я то знаю,
Что жить положенъ срокъ,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не могъ?
Не лучше-ль безъ терзанья
Съ пріятельми гулять,
И нѣжны воздыханья
Къ любезной посылать?

ОТВѢТЪ ЛОМОНОСОВА.

Анакреонтъ! ты вѣрно
Великій философъ,

† Ода XXII.

Ты дѣломъ равномѣрно
Своихъ держался словъ;
Ты жилъ по тѣмъ законамъ,
Которые писалъ:
Смѣялся забобонамъ, *
Ты пѣлъ, любилъ, плясалъ.
Хоть въ вѣчность ты глубоку
Не чаялъ больше быть,
Но славой послѣ року **
Ты могъ до насъ дожить.
Возьмите прочь Сенеку!
Онъ правила сложилъ
Не въ силу человѣку,
И кто по онымъ жилъ?

АНАКРЕОНТЪ. †

Мнѣ дѣвушки сказали:
«Ты дожилъ старыхъ лѣтъ!»
И зеркало мнѣ дали:
«Смотри, ты лысъ и сѣдъ».
Я не тужу ни мало,
Еще-ль мой волосъ цѣлъ,
Иль тѣмя гладко стало,
И весь я побѣлѣлъ.
Лишь въ томъ могу божиться,
Что долженъ старичокъ
Тѣмъ больше веселиться,
Чѣмъ ближе видитъ рокъ.

ОТВѢТЪ ЛОМОНОСОВА.

Отъ зеркала сюда взгляни, Анакреонтъ!
И слушай, что ворчитъ нахмурившись Катонъ.
«Какую вижу я сѣдую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шумъ,
Отъ ревности на смѣхъ склонить мой хочетъ умъ?

* Сказкамъ.
** Послѣ смерти.
† Ода XI.

Однако я за Римъ, за вольность твердо стану,
Мечтаніями я такими не смущусь,
И симъ отъ Кесаря кинжаломъ свобожусь».
Анакреонтъ! ты былъ роскошенъ, веселъ, сладокъ;
Катонъ старался ввесть въ республику порядокъ.
Ты вѣкъ въ забавахъ жилъ и взялъ свое съ собой;
Его угрюмствомъ въ Римъ не возвращенъ покой.
Ты жизнь употреблялъ, какъ временну утѣху;
Онъ жизнь пренебрегалъ къ республики успѣху.
Зерномъ твой отнялъ духъ пріятный виноградъ;
Ножемъ онъ самъ себѣ былъ смертный супостатъ.
Беззлобна роскошь въ томъ была тебѣ причина,
Упрямка славная была ему судьбина.
Несходства чудны вдругъ и сходства понялъ я:
Умнѣе кто изъ васъ, другой будь въ томъ судья.

АНАКРЕОНТЪ. †

Мастеръ въ живописствѣ первый,
Первый въ Родской сторонѣ,
Мастеръ, наученъ Минервой,
Напиши любезну мнѣ!
Напиши ей кудри черны,
Безъ искусныхъ рукъ уборны,
Съ благовоніемъ духовъ,
Буде способъ есть таковъ.

Дай изъ розъ въ лицѣ ей крови,
И какъ снѣгъ представь бѣлу,
Проведи дугами брови
По высокому челу.
Не сведи одну съ другою,
Не разставь ихъ межъ собою,
Сдѣлай хитростью своей,
Какъ у дѣвушки моей.

† Ода XXVIII.

Цвѣтъ въ очахъ ея небесный
Какъ Минервинъ покажи,
И Веперинъ взоръ прелестный
Съ тихимъ пламенемъ вложи,
Чтобъ уста безъ словъ вѣщали,
И пріятствомъ привлекали,
И чтобъ ихъ безгласна рѣчь,
Показалась медомъ течь? *

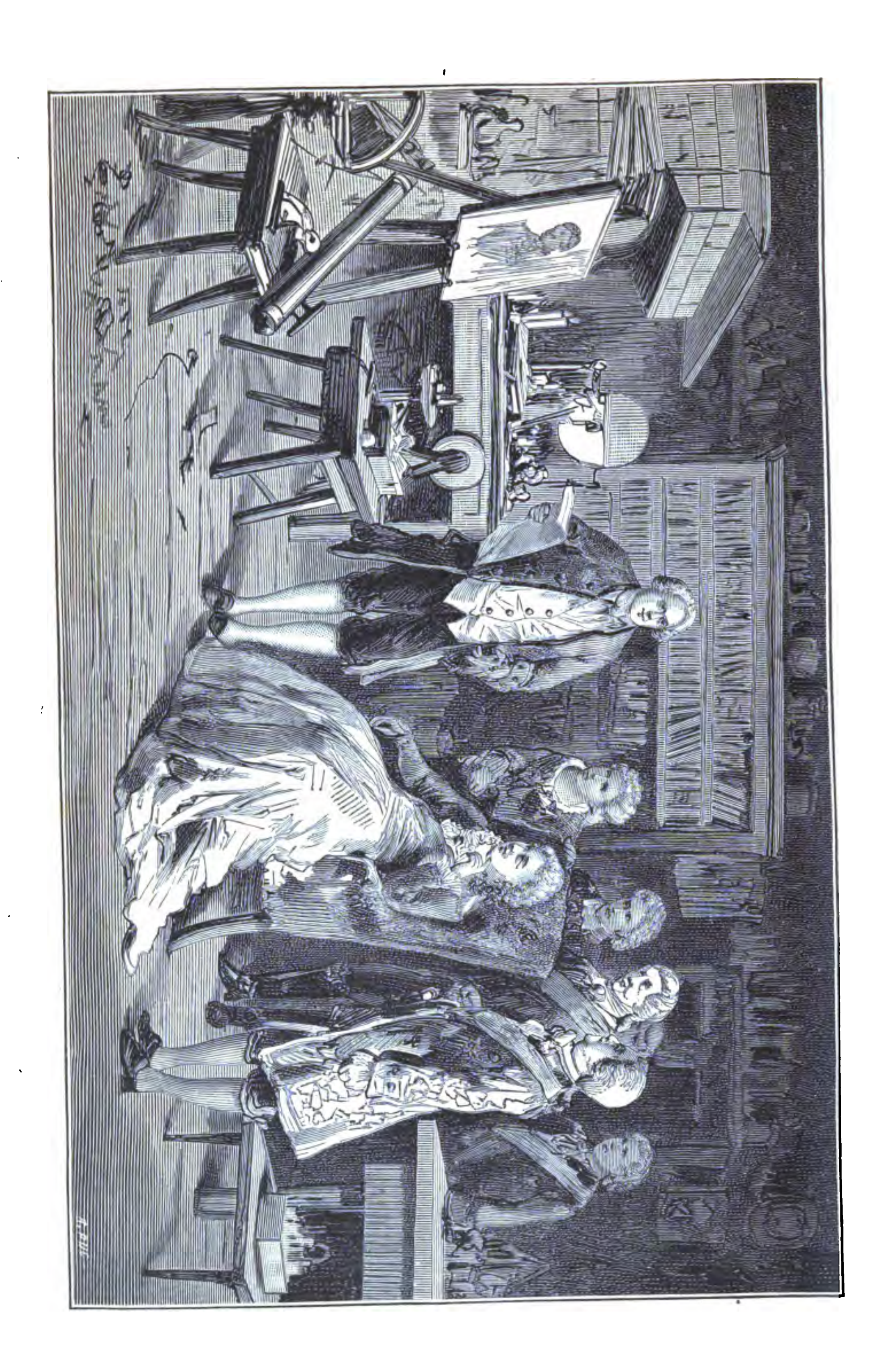
ОТВѢТЪ ЛОМОНОСОВА.

Ты счастливъ сею красотою,
И мастерствомъ, Анакреонтъ!
Но счастливѣе ты собою
Черезъ пріятный лиры звонъ.
Тебѣ я нынѣ подражаю,
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную мать.

О, мастеръ въ живописствѣ первый!
Ты первый въ нашей сторонѣ
Достоинъ быть рожденъ Минервой,
Изобрази Россію мнѣ.
Изобрази ей возрастъ зрѣлый,
И видъ въ довольствіи веселый,
Отрады ясность по челу,
И вознесенную ** главу.

Потщись представить члены здравы,
Какъ должны у богони быть,
По плечамъ волосы кудрявы
Признакомъ бодрости завить.
Огонь вложи въ небесны очи
Горящихъ звѣздъ въ срединѣ ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажетъ послѣ тучъ покой. ***

* Латинизмъ.
** Возвышенную, поднятую.
*** Какъ радугу.

Возвысь сосцы, млекомъ обильны,
И чтобъ созрѣвша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
Въ бесѣдѣ важность обѣщали,
И такъ бы слухъ нашъ ободряли,
Какъ чистый голосъ лебедей,
Коль можно хитростью твоей.

Одѣнь, одѣнь ее въ порфиру,
Дай скипетръ, возложи вѣнецъ,
Какъ должно ей законы міру
И распрямъ предписать конецъ?
О, коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви мать,
И повели войнамъ престать! *

На посѣщеніе лабораторіи Ломоносова Екатериною II. †

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты,
Соединенныя Монаршески доброты,
Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зритъ сей домъ,
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ:
Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому Петру во слѣдъ Екатерина

* На основаніи этого обращенія можно думать, что „Разговоръ съ Анакреонтомъ" написанъ въ 1747 г., когда Имп. Елисавета намѣревалась оказать вооруженное содѣйствіе Австріи.

† Императрица Екатерина II посѣтила домъ Ломоносова 7 іюня, 1764 г., въ четвертомъ часу по полудни, въ сопровожденіи „знатнѣйшихъ двора своего особъ". Она „изволила смотрѣть производимыя имъ работы мозаичнаго художества для монумента Петра В., также и ново-изобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты. При окончаніи шестаго часа, оказавъ всемилостивѣйшее свое удовольствіе, изволила во дворецъ возвратиться". Ломоносовъ зналъ впередъ объ этомъ посѣщеніи и при отъѣздѣ поднесъ эти стихи.

Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ
И славы праведной усугубляетъ звукъ.
Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
Богиня, коль твоя велика добродѣтель!

О движеніи земли. †

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру.
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: земля вертясь вкругъ солнца ходитъ,
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ.
Одинъ Коперникъ былъ, другой слылъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: «ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньи разсуждаешь?»
Онъ далъ такой отвѣтъ: «что въ томъ Коперникъ правъ,
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ:
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такова,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова?»

Волкъ въ пастушьемъ платьѣ. †

Лишь только дневный шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ
И взялъ пастушій посохъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
На уши вздѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ

† Эти стихи помѣщены въ примѣчаніи къ разсужденію: „Явленіе венеры на солнцѣ, наблюденное въ С. П. Имп. Академіи наукъ, Мая 26 дня, 1761 г.“

†† Помѣщено въ Риторикѣ (§ 306).

На ужинъ для добычи къ стаду.
Увидѣлъ тамъ, что жучка спитъ,
....Ѳирсъ храпитъ
И овцы всѣ лежали сряду.
Онъ могъ изъ нихъ любую взять,
Но, не довольствуясь уборомъ,
Хотѣлъ прикрасить разговоромъ
И именемъ овецъ назвать.
Однако чуть лишь пасть разинулъ,
Раздался въ рощѣ волчій вой.
Пастухъ свой сладкій сонъ покинулъ,
И жучка бросился съ нимъ въ бой;
Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ,
Другой за горло ухватилъ.
Тутъ поздно бѣдный волкъ примѣтилъ,
Что черезчуръ перемудрилъ,
Въ полахъ и въ рукавахъ связался,
И волчьимъ голосомъ сказался,
Но Ѳирсъ не долго размышлялъ,
Уборъ съ него и кожу снялъ.

Я притчу всю короткимъ толкомъ
Могу вамъ, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать.

Кузнечикъ. †

Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ,
Коль больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою,
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь,
Но въ самой истинѣ ты передъ нами царь;

---

† Эти стихи Ломоносовъ сочинилъ въ 1761 г. на дорогѣ въ Петергофъ, куда ѣхалъ просить о подписаніи привилегіи для Академіи. Онъ не разъ хлопоталъ объ этомъ.

Ты Ангелъ во плоти; иль лучше—ты безплотенъ!
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ,
Что видишь,—все твое; вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому.

Притчи. †

I.

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женскіе наряды:
Кто милъ, на томъ всегда пріятенъ и уборъ,
Хоть правда, что при томъ и кошелекъ не споръ.
Всего несноснѣе противные совѣты,
Упрямыя слова и спорные отвѣты.
Примѣръ намъ показалъ не давно мужичокъ,
Котораго жену въ водѣ постигнулъ рокъ.
Онъ, къ берегу пришедъ, увидѣлъ тамъ сосѣда,
Не усмотрѣлъ-ли онъ, спросилъ, усопшей слѣда?
Сосѣдъ совѣтовалъ внизъ берегомъ идти,
Что быстрина туда должна ее снести;
Но онъ отвѣтствовалъ: «я, братецъ, признаваюсь,
Что вѣкъ она жила со мною вопреки,
То истинно теперь о томъ не сомнѣваюсь,
Что, потонувъ, она плыла противъ рѣки».

II.

Послушайте, прошу, что старому случилось,
Когда ему гулять за благо разсудилось.
Онъ ѣхалъ на ослѣ, а слѣдомъ парень шелъ;
И только лишь съ горы они спустились въ долъ,
Прохожій осудилъ тотчасъ его на встрѣчѣ:

---

† Обѣ притчи помѣщены въ Риторикѣ (§§ 307 и 308).

«Ахъ, какъ ты малому даешь бресть столь далече?»
Старикъ сошелъ съ осла и сына посадилъ,
И только лишь за нимъ десятокъ разъ ступилъ,
То люди начали указывать перстами:
«Такими, вотъ, весь свѣтъ наполненъ дураками
Не можно-ль на ослѣ имъ ѣхать обоимъ?»
Старикъ къ ребенку сѣлъ и ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ;
Однако чуть минулъ мѣстечка половину,
Весь рынокъ закричалъ: «что мучишь такъ скотину?»
Тогда старикъ осла домой поворотилъ
И, скуки не терпя, себѣ проговорилъ:
«Какъ стану я смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,
То будетъ и осла взвалить къ себѣ на плечи.»

САТИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ Пахомію. †

Пахомій говоритъ, что для святаго слова
Риторика ничто: лишь совѣсть будь готова.
Ты будешь казнодѣй, * лишь только стань попомъ,
И стыдъ весь отложи. Однако врешь, Пахомъ.
На что риторику совсѣмъ пренебрегаешь?
Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь.
Василій, Златоустъ, церковные столпы,
Учились долѣе, какъ ** нынѣшни попы,
Гомера, Пиндара, Демосѳена читали,
И проповѣдь свою ихъ штилемъ предлагали;
Натуру, общую всей прочей твари мать,
Небесъ, земли, морей старались испытать,
Дабы Творца чрезъ то по мѣрѣ силъ постигнуть,
И важностью вещей сердца людски подвигнуть,
Не ставили за стыдъ изъ басенъ выбирать,
Чѣмъ къ праведнымъ дѣламъ возможно преклонять.
Ты словомъ Божіимъ незнанье закрываешь,
И больше тѣхъ мужей у насъ быть уповаешь;
Ты думаешь, Пахомъ, что ты ужъ Златоустъ!
Но мы увѣрены о томъ, что мозгъ твой пустъ.

---

† Подъ Пахоміемъ здѣсь разумѣются тѣ духовныя лица, которыя считали науки вредными.

* Проповѣдникъ.

** Чѣмъ, нежели.

Намъ слово Божіе чувствительно, любезно,
И лишь во ртѣ твоемъ безсильно, безполезно.
Нравоученіемъ преславный Телемакъ
Стократъ полезнѣе твоихъ нескладныхъ вракъ.

Изъ «Гимна бородѣ» †

О, сколь въ свѣтѣ ты блаженна,
Борода, глазамъ замѣна!
Люди обще говорятъ
И по правдѣ то твердятъ.
Дураки, врали, пролазы
Были бы безъ ней безглазы:
Имъ въ глаза плевалъ бы всякъ;
Ею цѣлъ и здравъ ихъ зракъ.

Борода въ казну доходы *
Умножаетъ по вся годы:
Керженцамъ ** любезный братъ
Съ радостью двойной окладъ
Въ сборъ за оную приноситъ
И съ поклономъ низкимъ проситъ

---

† Это сатирическое стихотвореніе появилось въ рукописи въ 1757 году. Оно было направлено противъ раскольниковъ, но нѣкоторыя духовныя лица приняли сатиру на свой счетъ. Тредіаковскій, подъ псевдонимомъ Христофора Зубницкаго, написалъ письмо будто-бы изъ Холмогоръ и при немъ пародію на „Гимнъ бородѣ"—подъ заглавіемъ: „Переодѣтая борода или гимнъ пьяной головѣ". То и другое онъ послалъ Ломоносову при особомъ письмѣ, въ которомъ просилъ напечатать названныя произведенія въ „Ежемѣсяч. сочиненіяхъ."

* Раскольники должны были платить пошлину за право носить бороду.

** Извѣстные раскольничьи скиты на рѣкѣ Керженцѣ, впадающей въ Волгу.

Въ вѣчный пропустить покой
Безголовыхъ съ бородой.

О, прикраса золотая,
О, прикраса дорогая,
Мать дородства и умовъ,
Мать достатка и чиновъ,
Корень дѣйствій невозможныхъ,
О, завѣса мнѣній ложныхъ,
Чѣмъ могу тебя почтить,
Чѣмъ заслуги заплатить?

Черезъ многіе разчесы
Заплету тебя я въ косы
И всю хитрость покажу:
По всѣмъ модамъ наряжу;
Черезъ разныя затѣи
Завивать хочу тупеи. *
Дайте ленты, кошельки **
И крупичатой муки! ***

Эпиграмма на Тредіаковскаго. †

Отмщать завистнику меня вооружаютъ,
Хотя мнѣ отъ него вреда отнюдь не чаютъ.
Когда Зоилова *** хула отнюдь мнѣ не вредитъ,
Могу-ли на него за то я быть сердитъ?

---

* Особая прическа.

** Четыреугольный мѣшечекъ, надѣваемый женщинами на затылокъ; имъ поддерживаются косы.

*** Т. е. пудры.

† По поводу выше упомянутаго произведенія Тредіаковскаго „Переодѣтая борода“ наши писатели обмѣнялись нѣсколькими эпиграммами. Эта эпиграмма служитъ отвѣтомъ на эпиграммы Тредіаковскаго.

**** Зоиломъ называютъ пристрастнаго критика, по имени грека Зоила, жившаго около 270 г. до Р. Х. и прославившагося своимъ пристрастнымъ разборомъ Гомера и Платона.

Однакожъ осержусь! Я всталъ, ищу обуха,
Ужъ поднялъ, я махну! А кто сидитъ тутъ?—Муха!?
Коль жаль мнѣ для нея напраснаго труда.
Бѣдняжка, ты летай, ты пой—мнѣ нѣтъ вреда.

ЭПИГРАММА НА СУМАРОКОВА.

Злобное примиреніе. †

Съ Сотиномъ—что за вздоръ?—Акóластъ примирился; *
Конечно, третій членъ къ нимъ лѣшій прилѣпился,
Дабы три фуріи, втѣснившись на Парнассъ,
Закрыли крикомъ музъ Россійскихъ чистый гласъ.
Коль много разъ театръ казалъ на смѣхъ Сотина,**
И у Аколаста онъ слылъ всегда скотина.
Аколастъ, злобствуя, всѣмъ уши раскричалъ,
Картавилъ и сипѣлъ, качался и мигалъ,
Сотиновыхъ стиховъ разсказывая скверность;
А нынѣ объявилъ любовь ему и вѣрность,
Дабы Пробиновыхъ хвалу унизить одъ,
Который, вознося Россійскій чтитъ народъ.
Аколастъ написалъ: «Сотинъ лишь врать способенъ,» ***
А нынѣ доказалъ, что самъ ему подобенъ.

---

† Тредіаковскій сочинилъ статью (о мозаикѣ), въ которой ставилъ живопись выше мозаики; Сумароковъ напечаталъ ее въ своемъ журналѣ „Трудолюбивая пчела“ 1759 года. По этому поводу Ломоносовъ и написалъ эту эпиграмму.

* Сотинъ—Тредіаковскій, Акóластъ—Сумароковъ, Пробинъ—Ломоносовъ; они были въ постоянной враждѣ.

** Сумароковъ осмѣивалъ Тредіаковскаго въ своихъ комедіяхъ (въ „Трессотиніусѣ“ и „Чудовищахъ“).

*** Ломоносовъ разумѣетъ здѣсь извѣстный стихъ Сумарокова въ „Эпистолѣ о стихотворствѣ“:

„Онъ (Ломон.) нашихъ странъ Мальгербъ; онъ Пиндару подобенъ,
„А ты, Штивеліусъ (Тредіак.), лишь только врать способенъ.“

Отвѣтъ Сумарокову.

Сумар. Ходили-ль на Парнассъ?
Ломон. Ходилъ, да не видалъ тамъ васъ!

Экспромптъ Жукову. †

Межъ многихъ цуковъ
Въ Сенатъ пріѣхалъ Жуковъ.
Дивятся всѣ тому, дивится онъ и самъ:
То какъ же не гремѣть во гнѣвѣ небесамъ?

---

† Жуковъ, встрѣтивъ въ Сенатѣ Ломоносова, сказалъ ему: „Господинъ піитъ, напиши стихи на пріѣздъ мой въ Сенатъ во время грозы." Въ это время была гроза. Ломоносовъ отвѣтилъ экспромптомъ.

ПИСЬМО О ПОЛЬЗѢ СТЕКЛА

къ Ивану Ивановичу Шувалову, 1752 года. †

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минералловъ,
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той * съ Парнасскихъ горъ спу-
скаюсь,
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь.
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но стеклу.
И какъ я, оное хваля, воспоминаю,
Не ложность лживаго я счастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель:
Стекло имъ рождено; огонь его родитель.

---

† Разсказываютъ, будто бы Ломоносовъ однажды обѣдалъ у Шувалова въ кафтанѣ со стеклянными пуговицами. Кто-то замѣтилъ, что такихъ пуговицъ уже не носятъ. Ломоносовъ съ горячностью началъ изчислять пользы, проистекающія отъ стекла. Разсужденія Ломоносова показались хозяину весьма важны и любопытны, и онъ попросилъ поэта изложить ихъ въ стихахъ. Слѣдствіемъ этой просьбы и было будто бы сочиненіе этого письма. Однако истинный поводъ заключается въ томъ, что Ломоносовъ въ это время подавалъ въ Сенатъ представленія объ учрежденіи стеклянной фабрики, и, имѣя въ виду противниковъ этого дѣла, желалъ убѣдить Шувалова и современниковъ въ пользѣ стекла.

* Для пользы. Ломоносовъ часто отрывался отъ своихъ научныхъ и литературныхъ занятій устройствомъ и руководствомъ фабрики.

Съ натурой, нѣкогда, онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби * затворилъ,
Въ которы океанъ на брань къ нему входилъ,
Напрягся мышцами и рамена** подвинулъ
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Этна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
Изъ ней разженная рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ, отчаясь, мнилъ, что зритъ свою судьбину,***
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но что-жъ, отъ нѣдръ земныхъ родясь, произошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло!
Увидѣвъ, смертные о какъ ему дивились!
Подобное тому сыскать искусствомъ тщились.
И было въ дѣлѣ семъ удачно мастерство;
Превысило своимъ раченьемъ естество.
Тѣмъ стало житіе на свѣтѣ намъ счастливо;
Изъ чистаго стекла мы пьемъ вино и пиво,
И видимъ въ немъ примѣръ безхитростныхъ сердецъ,
Кого льзя видѣть сквозь, тотъ подлинно не лестецъ.
Стекло въ напиткахъ намъ не можетъ скрыть примѣсу;
И чиста совѣсть рветъ притворствъ гнилу завѣсу.
Но столько ли ужé, стекло, твоихъ похвалъ,
Что намъ въ тебѣ вино и медъ самъ слаще сталъ?

---

* Шлюзы.

** Плечи.

*** Погибель.

Никакъ! сіе твоихъ достоинствъ лишь начало,
Которы мастерство тебѣ съ природой дало.

Исполненъ слабостьми нашъ краткій въ мірѣ вѣкъ;
Не рѣдко впа́даетъ въ болѣзни человѣкъ!
Онъ ищетъ помощи, хотя спастись отъ муки
И жизнь свою продлить, врачамъ дается въ руки.
Не рѣдко намъ они отраду могутъ дать,
Умѣвъ приличныя лѣкарства предписать,—
Лѣкарства, что въ стеклѣ хранятъ и составляютъ,
Въ стеклѣ одномъ они безвредны пребываютъ.
Мы должны здравія и жизни часть стеклу:
Какую надлежитъ ему принесть хвалу?
Хоть вмѣсто онаго замысловаты Хины *
Сосуды составлять нашли изъ чистой глины,
Огромность тяжкую плода лишенныхъ горъ
Художествомъ своимъ преобративъ въ фарфоръ,
Красой его къ себѣ народы привлекаютъ,
Что плавая, морей свирѣпость презираютъ:
Однако былъ бы онъ почти простой горшокъ,
Когда бы блескъ стекла дать помощи не могъ.
Оно входъ жидкихъ тѣлъ отъ скважинъ отвращаетъ,
Вещей прекрасныхъ видъ на немъ изображаетъ.
Имѣетъ отъ стекла часть крѣпости фарфоръ:
Но тое, что на немъ увеселяетъ взоръ,
Сады, гульбы, пиры, и все, что есть прекрасно,
Стекло являетъ намъ пріятно, чисто, ясно.

Искусство, коимъ былъ прославленъ Апеллесъ,
И коимъ нынѣ Римъ главу свою вознесъ,
Коль пользы отъ стекла пріобрѣло велики,
Доказываютъ то финифти, мозаики,
Которы въ вѣкъ хранятъ геройскихъ бодрость лицъ,
Пріятность нѣжную и красоту дѣвицъ;
Чрезъ множество вѣковъ себѣ подобны зрятся,
И ветхой древности грызенья не боятся.**

* Китайцы.

** Ломоносовъ не рѣдко высказывалъ это мнѣніе о преимуществѣ мозаики предъ живописью.

Когда неистовый свирѣпствуя Борей
Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей,
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть,
Или съ дрожаніемъ несносный хладъ терпѣть:
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впускаетъ,
И лютость холода чрезъ то же отвращаетъ.
Отворенному вдругъ и запертому быть,
Не то ли мы зовемъ, что чудеса творить?
Потомъ какъ человѣкъ зимой сталъ безопасенъ,
Еще при томъ желалъ, чтобъ цвѣлъ всегда прекрасенъ
И въ сѣверныхъ странахъ въ снѣгу зеленый садъ,
Цейлонъ бы посрамилъ, пренебрегая хладъ.
И удовольствовалъ онъ мысли прихотливы:
Зимою за стекломъ цвѣты хранятся живы,
Даютъ пріятный духъ, увеселяютъ взоръ,
И вамъ, красавицы, хранятъ себя въ уборъ.
Позволь, любитель музъ, я рѣчь свою склоняю,
И къ нѣжнымъ симъ сердцамъ на время обращаю.....
Прекрасный полъ, о коль любезенъ вамъ нарядъ!
Дабы прельстить лицомъ любовныхъ суевѣровъ,
Какое множество вы знаете манеровъ,
И коль искусны вы уборъ перемѣнять,
Чтобъ въ каждый день себѣ пріятность нову дать.
Но было-бъ ваше все старанье безъ успѣху,
Наряды ваши бы достойны были смѣху,
Когда-бъ вы въ зеркалѣ не видѣли себя.
Вы вдвое пригожи, стекло употребя.
Когда блестятъ на васъ горящіе алмазы,
Двойной кипитъ въ насъ жаръ сугубыя заразы!
Но больше красоты и больше въ нихъ цѣны,
Когда вкругъ нихъ стекломъ цвѣтки наведены:
Вы кажетесь намъ въ нихъ пріятною весною,
Въ цвѣтахъ наряженной, усыпанныхъ росою.

Во свѣтлыхъ зданіяхъ убранства таковы.
Но въ чемъ красуетесь, о сельски нимфы, вы?

Природа въ васъ любовь подобную вложила,
Желанья нѣжны въ васъ подобна движетъ сила;
Вы также украшать желаете себя.
За тѣмъ прохладныя поля свои любя,
Вы рвете розы въ нихъ, вы рвете въ нихъ лилеи,
Кладете ихъ на грудь, и вяжете вкругъ шеи,
Таковъ уборъ даетъ вамъ нѣжная весна:
Но чѣмъ вы краситесь въ другія времена,
Когда, лишась цвѣтовъ, поля у васъ блѣднѣютъ
Или снѣгами вкругъ глубокими бѣлѣютъ,
Безъ оныхъ что бы вамъ въ нарядахъ помогло,
Когда бы бисеру вамъ не дало стекло?... *

По долговременномъ теченьи нашихъ дней
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ,
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе—досада!
Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада.
Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки!
Не даръ ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ?
Что честь достойную воздать ему коснѣемъ?... **

Коль точно знали-бъ мы небесныя страны,
Движеніе планетъ, теченіе луны,
Когда бы Аристархъ *** завистливымъ Клеантомъ
Не названъ былъ въ судѣ неистовымъ гигантомъ,
Дерзнувшимъ землю всю отъ тверди потрясти,
Вкругъ центра своего, вкругъ солнца обнести,

---

* Ломоносовъ разсказываетъ далѣе эпизодъ о притѣсненіяхъ американцевъ европейцами.

** Медлимъ.

*** Аристархъ—знаменитый греческій астрономъ, жившій въ III в. до Р. Хр. Онъ предполагалъ, что планеты движутся около солнца. Его обвинили за то, что онъ нарушилъ де покой боговъ.

Дерзнувшимъ научать, что всѣ домашни боги
Терпятъ великій трудъ всегдашнія дороги....
И неподвижная земли Богиня Веста
Къ упокоенію сыскать не можетъ мѣста.
Подъ видомъ ложнымъ сихъ почтенія боговъ
Закрытъ былъ звѣздный міръ чрезъ множество вѣковъ.
Боясь паденія неправой оной вѣры,
Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры:
Дабы она, открывъ величество небесъ,
И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала всѣмъ, что непостижна сила
Единаго Творца весь міръ сей сотворила;
Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище боговъ
Не стоятъ тучныхъ жертвъ, ниже̂ подъ жертву дровъ;
Что агнцевъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно.
Сіе одно, сіе казалось быть опасно.
Оттолѣ землю всѣ считали посредѣ.
Астрономъ весь свой вѣкъ въ безплодномъ былъ трудѣ,
Запутанъ циклами, * пока возсталъ Коперникъ,**
Презритель зависти и варварству соперникъ.
Въ срединѣ всѣхъ планетъ онъ солнце положилъ,
Сугубое земли движеніе открылъ —
Однимъ вкругъ центра путь вседневный совершаетъ,
Другимъ вкругъ солнца годъ теченьемъ составляетъ;
Онъ циклы истинной системой растерзалъ,
И правду точностью явленій доказалъ.
Потомъ Гугеній, Кеплеры, Невтоны,
Преломленныхъ лучей въ стеклѣ познавъ законы,
Разумный подлинно увѣрили весь свѣтъ,
Коперникъ что училъ, сомнѣнія въ томъ нѣтъ.
Клеантовъ не боясь, мы пишемъ всѣ согласно,
Что истинѣ они противятся напрасно.

---

* „Астрономы принуждены были выдумать для изъясненія небесныхъ явленій глупые и съ механикою и съ геометріею прекословящіе пути планетамъ: циклы и эпициклы“. Ломон. „Явленіе венеры на солнцѣ“.

** Польскій астрономъ († 1543.) Онъ первый доказалъ вращеніе земли около оси, въ сочиненіи: Deorbium coelestium revolutionibus.

Въ безмѣрномъ углу я пространствѣ разумъ свой,
Изъ мысли ходимъ въ мысль, изъ свѣта въ свѣтъ иной.
Вездѣ божественну премудрость почитаемъ,
Въ благоговѣніи весь духъ свой погружаемъ,
Чудимся быстринѣ, чудимся тишинѣ,
Что Богъ устроилъ намъ въ безмѣрной глубинѣ.
Въ ужасной скорости и купно быть въ покоѣ,
Кто чудо сотворитъ, кромѣ Его, такое?....

Во зрительныхъ трубахъ стекло являетъ намъ,
Колико далъ Творецъ пространство небесамъ
Толь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сіяетъ,
Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясно ночь являетъ.
Вкругъ солнца нашего, среди другихъ планетъ,
Земля съ ходящею вкругъ ней луной течетъ,
Которую хотя весьма пространну знаемъ,
Но къ свѣту* примѣнивъ, какъ точку представляемъ.
Коль созданныхъ вещей пространно естество!
О, коль велико ихъ создавше Божество!
О, коль велика къ намъ щедротъ Его пучина,
Что на землю послалъ возлюбленнаго Сына!
Не погнушался Онъ на малый шаръ сойти,
Чтобы погибшаго страданіемъ спасти.
Чѣмъ меньше мы Его щедротъ достойны зримся,
Тѣмъ больше благости и милости чудимся!
Стекло приводитъ насъ чрезъ оптику къ сему,
Прогнавъ глубокую невѣдѣнія тьму!
Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ не ложны,
Поставлены Творцемъ; другіе невозможны.
Въ благословенный нашъ и просвѣщенный вѣкъ
Чего не могъ дойти по онымъ человѣкъ?
Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что вдалекѣ не кажетъ намъ вещей,
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей;
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!

* Т. е. сравнивъ со вселенною.

Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,
Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы!
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ Онъ наполнилъ понтъ, и воздухъ, и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно, коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ и знаніе врачебно:
Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!

Но что еще? Ужѐ въ стеклѣ намъ барометры,
Хотятъ продвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль облаки пригнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится,
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ то жъ откроется въ погодахъ разность силъ,
Коль могутъ счастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно!

Далече до конца стеклу достойныхъ хвалъ,
На кои цѣлый годъ едва бы мнѣ досталъ.
За тѣмъ ужѐ слова похвальны оставляю,
И что объ немъ писалъ, то дѣломъ начинаю:
Однако при концѣ не можно преминуть,
Чтобъ новыхъ мнѣ его чудесъ не помянуть.
Что можетъ смертнымъ быть ужаснѣе удара,
Съ которымъ молнія изъ облакъ блещетъ яра?

Услышавъ въ темнотѣ внезапный трескъ и шумъ,
И видя быстрый блескъ, мятется слабый умъ,
Отъ гнѣвнаго часа желаетъ гдѣ-бъ укрыться,
Причины онаго изслѣдовать страшится;
Дабы истолковать, чтó молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею.
Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?
Подобно надлежитъ о громѣ разсуждать.
Но блескъ и звукъ его, не давъ главы поднять,
Держалъ ученыхъ смыслъ въ смущеніи толикомъ,
Что въ заблужденіи теряли путь великомъ,
И истинныхъ причинъ достигнуть не могли,
Поколѣ дѣйствъ въ стеклѣ подобныхъ не нашли *.
Вертясь, стеклянный шаръ даетъ удары съ блескомъ,
Съ громовымъ сходственный сверканіемъ и трескомъ.
Дивился сходству умъ: но видя малость силъ,
До лѣта прошлаго сомнителенъ въ томъ былъ,
Довольствуя однѣ чрезъ любопытство очи,
Искалъ въ томъ перемѣнъ пріятныхъ дни и ночи;
И больше въ томъ одномъ раченія имѣлъ,
Чтобъ силою стекла болѣзни одолѣлъ;
И видѣлъ часто въ томъ успѣхи вожделѣнны.
О, коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течетъ,
Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ,
Что та же сила тучъ гремящихъ мракъ наводитъ,
Котора отъ стеклà движеніемъ исходитъ,
Что зная правила, изысканны стекломъ,
Мы можемъ отвратить отъ храминъ нашихъ громъ.
Единство оныхъ силъ доказано стократно:
Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обратно.

---

* Ломоносовъ много занимался изслѣдованіемъ электричества.

Тогда о истинѣ стекло увѣрить насъ,
Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ?
Европа нынѣ въ то всю мысль свою вперила,
И махины ужѐ пристойны учредила.
Я, слѣдуя за ней, съ Парнасскихъ горъ схожу,
На время ко стеклу весь трудъ свой приложу.

Ходя за тайнами въ искусствѣ и природѣ,
Я слышу восхищенъ веселый гласъ въ народѣ.
Елисаветина повсюду похвала
Гласитъ премудрости и щедрости дѣла.
Златыя времена! О кроткіе законы!
Народу своему прощаетъ милліоны;
И пользу общую отечества прозря,
Ученію велитъ расшириться въ моря,
Умноживъ бодрость въ немъ щедротою своею!
А ты, о Меценатъ,* предстательствомъ предъ нею,
Какой наукамъ путь стараешься открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрный быть.
Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
Что тщатся постигать ученія полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто передъ ней воспоминаешь ты!
Услышанному быть ея кротчайшимъ слухомъ
Есть новымъ въ бытіи животвориться духомъ!
Кто кажетъ старыхъ смыслъ во дняхъ еще младыхъ,
Тотъ будетъ всѣмъ примѣръ, доживъ власовъ сѣдыхъ.
Кто склонность въ счастіи и доброту являетъ,
Тотъ счастіе себѣ недвижно утверждаетъ.
Всякъ чувствуетъ въ тебѣ и хвалитъ обоѐ,
И небо чаемыхъ ** покажетъ сбытіе.

---

* И. И. Шуваловъ.
** Совершеніе ожидаемаго.

ПЕРЕВОДЫ.

Изъ Анакреонта. †

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидонъ,
Пріятный перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.
«Кто тамъ стучится смѣло?»
Со гнѣвомъ я вскричалъ;
«Согрѣй, обмерзло тѣло!»
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ.
«Чего ты устрашился?
Я мальчикъ, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмокъ и весь дрожу».
Тогда мнѣ жалко стало,
Я свѣчку засвѣтилъ,
Не медливши ни мало,
Къ себѣ его пустилъ.
Увидѣлъ, что крылами
Онъ машетъ за спиной,

† Помѣщено въ Риторикѣ. Это самое популярное стихотвореніе Ломоносова. Оно положено было на музыку.

Колчанъ набитъ стрѣлами,
Лукъ стянутъ тетивой.
Жалѣя о несчастьѣ
Огонь я разложилъ,
И при такомъ ненастьѣ
Къ камину посадилъ
Я теплыми руками
Холодны руки мялъ,
Я крылья и съ кудрями
Досуха выжималъ.
Онъ чуть лишь ободрился,
«Каковъ-то, молвилъ, лукъ?
Въ дождѣ чать * повредился»,
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.
Тутъ грудь мою пронзила
Преострая стрѣла
И сильно уязвила,
Какъ злобная пчела.
Онъ громко разсмѣялся
И тотчасъ заплясалъ:
«Чего ты испугался»?
Съ насмѣшкою сказалъ:
«Мой лукъ еще годится
И цѣлъ и съ тетивой;
Ты будешь вѣкъ крушиться
Отнынь, хозяинъ мой».

Изъ Марціала. †

На бѣлыхъ волосахъ у Аппія зима
И лѣто на глазахъ, горящихъ отъ вина;
Какъ пьетъ, то по носу фіалки разцвѣтаютъ
И точно тѣмъ весны средину представляютъ.
Какъ въ осень щеки всѣ брусники полны зрѣлой.
Не всякъ ли видитъ годъ изображенъ тутъ цѣлый?

* Т. е. чаять, знать, вѣроятно.
† Помѣщено въ Риторикѣ.

Изъ Горація. †

Я знакъ безсмертія себѣ воздвигнулъ
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди,
Что бурный Аквилонъ сотрѣть не можетъ,
Ни множество вѣковъ, ни ѣдка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставитъ
Велику часть мою, какъ жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великій Римъ владѣетъ свѣтомъ.
Гдѣ быстрыми шумитъ струями Авфидъ *,
Гдѣ Давнусъ царствовалъ въ простомъ народѣ,
Отечество мое молчать не будетъ,
Что мнѣ беззнатный родъ препятствомъ не былъ,
Чтобъ внесть въ Италію стихи Эольски
И первому звенѣть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увѣнчай главу Дельфійскимъ лавромъ!

† Помѣщено въ Риторикѣ. Это ода 30-я, къ Мельпоменѣ. Державинъ и Пушкинъ перелагали ее въ примѣненіи къ себѣ.

* Авфидъ рѣка въ Апуліи, родинѣ Горація.

ПРОЗА.

СЛОВА ПОХВАЛЬНЫЯ.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

Ея Величеству, Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, говоренное Ноября 26 дня, 1749 года. †

Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который подъ благословенною державою всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ ея на Всероссійскій престолъ восшествіи, возможно было намъ, радостію восхищеннымъ, вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго ея владычества, и

† Это похвальное слово было приготовлено авторомъ ко дню тезоименитства Императрицы (5 сент. 1742 г.), но такъ какъ торжественное собраніе Академіи не состоялось въ этотъ день, то Ломоносовъ передѣлалъ нѣкоторыя мѣста въ словѣ и приноровилъ его ко дню восшествія на престолъ (25 ноября). Во второй редакціи слово было напечатано въ видѣ прибавленія къ книгѣ: „Торжество Академіи наукъ, празднованное публичнымъ собраніемъ на другой день восшествія на престолъ Ея Имп. Величества, т. е. ноября 26 дня, 1749 года." Тогда же былъ напечатанъ и латинскій переводъ подъ заглавіемъ: „Panegyricus Elisabetae Augustae," сдѣланный самимъ Ломоносовымъ.—Какъ въ этомъ словѣ, такъ и въ похв. словѣ Петру В. Ломоносовъ подражалъ древнимъ ораторамъ (Плинію и Цицерону). Обстоятельный разборъ обоихъ словъ съ указаніемъ заимствованій и подражаній сдѣлалъ Каченовскій въ статьѣ: „Разсужденіе о похвальныхъ словахъ Ломоносова" (Труды общества любителей россійской словесности, Москва, 1812 г.) Каченовскій говоритъ: „Ломоносовъ шелъ по слѣдамъ ихъ (древнихъ), руководствовался ихъ примѣрами и въ ораторскихъ движеніяхъ, и въ возвышенности мыслей, и въ выборѣ словъ, и въ доброгласномъ расположніи періодовъ." Слово состоитъ изъ приступа, раздѣленія, главной части и заключенія.

слышать отъ восходящаго до зоходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы: коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось!) Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ, крѣпче миромъ, нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ, плодородіемъ благословенныхъ, при моряхъ, отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ, изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ, довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ, верхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ, радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разныя племена разными языками едину превозносятъ, о единой веселятся, единою всемилостивѣйшею своею Сомодержицею хвалятся! Тамъ со благоговѣніемъ предстоя олтарю Господню, чинъ священный съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молитвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей церковь его въ тишинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ торжественные плески Россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ сошедшись на праздничное пиршество, градоначальники и граждане въ любовной бесѣдѣ воспоминаютъ труды Петровы, совершаемые нынѣ бодростію Августѣйшей его дщери; индѣ по прошествіи плодоноснаго лѣта, при полныхъ житницахъ, ликуя скачутъ земледѣльцы, и простымъ, но усерднымъ пѣніемъ покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели, покоясь въ бѣзопасномъ пристанищѣ, въ радости волненіе воспоминаютъ и сугубымъ веселіемъ день сей препровождаютъ; индѣ по пространнымъ полямъ Азійскимъ разъѣзжая, степные обитатели хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ и показуютъ, коль они готовы устремить ихъ на враговъ своея повелительницы. Но хотя естественные предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до толикаго возвышенія достигнуть и толикимъ зрѣніемъ насладиться, однако духомъ возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаемъ, и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами, которыя наипаче къ древнему царствующему граду, вожделѣннымъ присутствіемъ Всепресвѣтлѣйшія Государыни нашея осіянному, простираются. Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные торжествъ образы, благословенное ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое ея лице обра-

щается и расѣянныя повсюду увеселенія на немъ единомъ находить. На немъ истинное благочестіе, веселящее церковь, на немъ мужественную бодрость, укрѣпляющую воинство, на немъ кроткое правосудіе, примѣръ судящимъ и отраду судимымъ дающее, на немъ прозорливую премудрость, на отдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ отсутствіи видимъ, и равно какъ въ присутствіи благоговѣйно почитаемъ. Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для распространенія наукъ въ Россіи Петромъ Великимъ установленное общество, несказаннымъ ея великодушіемъ обновленное? Ни горы, ни лѣса закрыть не могутъ божественнаго ея зрака, начертаннаго въ душахъ нашихъ. Обращаются предъ нами живо ея сладчайшія уста, повелѣвающія насъ возставить, и очи, человѣколюбно къ намъ сіяющія, и щедрая рука, подписующая благополучіе наше. Ободрить начинающіяся науки, не щадя своихъ иждивеній; утвердить ихъ благосостояніе, предписавъ полезные законы; оградить своею милостію, принявъ въ собственное свое покровительство; отворить имъ къ себѣ свободный доступъ, поручивъ ихъ доброхотному предстателю изъ своихъ ближайшихъ *), есть только великое благодѣяніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудетъ, и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей, стараясь о приращеніи наукъ и превозносяя великую благодѣтельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносить должны.

Но когда наипаче къ изъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день пресвѣтлымъ ея на отеческій престолъ восшествіемъ осіянный, въ который съ нашимъ особливымъ веселіемъ общее празднество соединяется? Не можетъ неописанная радость наша въ тѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливается. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить Монаршескія ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе свѣта, славу и украшеніе временъ нашихъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемлю, когда при толь знатномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества, за несказанное благодѣяніе, величайшей на свѣтѣ Государынѣ благодареніе и похвалу приносить начинаю. Но разсудивъ прилежно, обрѣтаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерію сыскать

---

* Гр. Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій.

краснорѣчіе, гдѣ обширнѣе распространиться разумъ, гдѣ быстрѣе устремиться искренняя ревность можетъ, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ толь великія Монархини? Когда языкъ мой, щедротами ея ободренный, удобнѣе обращаться, когда голосъ мой, великодушіемъ ея укрѣпленный, громче возвыситься можетъ, какъ проповѣдуя и превознося несравненныя ея достоинства? Не сисканіемъ многословнаго мыслей распространенія увеличено, не витіеватымъ сложеніемъ замысловъ, или пестрымъ преложеніемъ реченій украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое слово; но все свое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашея, всю свою красоту отъ прекрасныхъ ея добродѣтелей, и все свое возвышеніе отъ устремленія къ ней искренняя ревности приметъ. Ибо приносится благодареніе Государынѣ благочестивѣйшей: свидѣтельствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія, молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради.* Приносится благодареніе Государынѣ мужественной: свидѣтельствуютъ надъ внутренними и внѣшними врагами ея преславныя побѣды. Приносится благодареніе Государынѣ великодушной: свидѣтельствуютъ прощенныя преступленія внутреннихъ и продерзости внѣшнихъ непріятелей, и кроткое наказаніе ея злодѣевъ. Приносится благодареніе Государынѣ премудрой: свидѣтельствуютъ прозорливо предріемлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокойство утверждающія. Приносится благодареніе Государынѣ человѣколюбивой: свидѣтельствуетъ матернее къ подданнымъ ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ кротость. Приносится благодареніе Государынѣ премилосердой: свидѣтельствуетъ безчисленное множество свобожденныхъ отъ смерти и данный ей отъ Бога мечъ на казнь повинныхъ, кровію еще необагренный. ** Приносится благодареніе Государынѣ прещедрой: свидѣтельствуетъ преизобильное снабдѣніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, споможеніе добродѣтельной скудости и возстановленіе несчастіемъ разоренныхъ.

Въ пріятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращается и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія!

---

* Императрица Елисавета была весьма благочестива. Она строго соблюдала посты и во время постовъ даже не оставалась въ тѣхъ покояхъ, гдѣ подавались мясныя кушанья. Она часто ѣздила по монастырямъ и жертвовала на храмы.

** Ломоносовъ намекаетъ на отмѣну смертной казни.

Всѣ преславны, всѣ прелюбезны, изъ всѣхъ явствуетъ, коль благороденъ есть корень, отъ котораго сей насажденный добродѣтельми виноградъ произросши процвѣтаетъ. Изо всѣхъ достоинствъ Монархини нашея показуется, коль велики были ея предки, которыми оживленная, возставленная, укрѣпленная, возвеличенная, просвѣщенная Россія нынѣ надъ всѣми земными царствами главу свою возноситъ, которыхъ славныя дѣла и заслуги къ отечеству не менше надлежатъ къ похвалѣ ея Величества, нежели кровь оныхъ къ ея рожденію послужила. Для того описалъ бы я нынѣ вамъ младаго Михаила,* для стенанія и слезъ прадѣдовъ нашихъ пріемлющаго съ вѣнцемъ царскимъ тяжкое бремя поверженныя Россіи, обновляющаго разсыпанныя стѣны, сооружающаго разоренные храмы, собирающаго расточенныхъ граждaнъ, наполняющаго расхищенныя государственныя сокровища, исторгающаго корень богоотступныхъ хищниковъ Россійскаго престола, и Москву отъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ изцѣляющаго; изобразилъ бы я нынѣ премудраго и мужественнаго Алексѣя,* бодрымъ своимъ духомъ ободряющаго Россію, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающаго благополучіе подданныхъ спасительными законами, полки военною наукою, церковь истребленіемъ ереси, простирающаго побѣдоносный мечъ свой на Сармацію, и Россіи издревле принадлежащія великія княжества праведнымъ оружіемъ Россіи возвращающаго; представилъ бы я Петра, именемъ Великаго, дѣлами большаго, влiянною себѣ отъ Бога премудростію просвѣщающаго Россію и мужествомъ вселенную устрашающаго, единою рукою мечъ и скипетръ обращающаго, къ художествамъ простирающаго другую, правленіемъ всѣхъ земныхъ Монарховъ, трудами рабовъ своихъ превосходящаго, искореняющаго невѣжество и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю, и море новымъ флотомъ покрывающаго, военные свои законы собственнымъ примѣромъ утверждающаго, и славу свою со славою отечества до небесъ возносящаго; начерталъ бы я въ умахъ вашихъ героиню прекрасную, Августѣйшую Екатерину, среди варварскихъ набѣговъ, среди гремящаго оружія, среди шумящихъ ядръ непоколебиму духомъ, премудрому государю премудрые совѣты дающую, вѣнчаему потомъ его рукою и пресѣченныя смертію предпріятыя дѣла много трудившагося Россійскаго Геркуле-

* Михаила Θеодоровича.

** Алексѣя Михайловича.

са на рамена свои пріемлющую: но слово мое къ собственнымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ Монархини нашея поспѣшаетъ; на нихъ единыхъ истощитъ всю свою силу, не изчисляя подробну, но токмо знатнѣйшія представляя. Того ради не изображаю словомъ блистающія лѣпоты* лица ея, являющія прекрасную душу, ни сановитаго возраста,** Монархинѣ приличнаго, ни величественной главы, къ ношенію вѣнца рожденной, ни устъ, щедроту источающихъ, ни очей, воззрѣніемъ оживляющихъ. Ибо ко всѣмъ человѣколюбивая Государыня взоръ свой обращаетъ. Всякъ видитъ, всякъ въ умѣ своемъ изображаетъ, что такъ Великій Петръ обращалъ свои очи, взирая на обновляющуюся Россію; такъ произносилъ свой голосъ, укрѣпляя воинство и ободряя къ трудамъ подданныхъ; такъ простиралъ свою руку, учреждая художества и науки, повелѣвая устроить полки ко брани и выходить флоту въ море; такъ возносилъ главу, въѣзжая въ побѣжденные грады и попирая поверженное непріятельское оружіе; толь бодро шествовалъ, осматривая свои начинающіяся стѣны, строящіеся корабли, исправляющіяся суда́ и среди моря со дна возстающія пристани и крѣпости: не представляю внѣшнихъ Монархини нашея достоинствъ, но внутреннія, душевныя токмо изобразить потщусь ея дарованія, которыхъ лику предходитъ любезное Богу, любезное человѣкомъ*** благочестіе, крѣпкое утвержденіе государствъ, красота вѣнцевъ царскихъ, непостыдная надежда во брани, неразрывное соединеніе человѣческаго общества.

Коль великія нестроенія, брани и человѣкоубійства въ народахъ единой крови и единаго языка отъ раздѣленія вѣры происходятъ; толь напротивъ того крѣпко взаимнымъ любви союзомъ сопрягаетъ ихъ единство вѣры, которая хотя много ученіемъ, однако больше примѣрами укрѣпляется. Благополучна Россія, что единымъ языкомъ едину вѣру исповѣдуетъ, и единою благочестивѣйшею Самодержицею управляема, великій въ ней примѣръ къ утвержденію въ православіи видитъ. Видитъ повсюду какъ звѣзды небесныя блистающія и ею сіяніе свое умножающія церкви: съ удивленіемъ взираетъ, что толь многихъ государствъ повелительница, которой земля, море и воздухъ къ удовольствію служатъ, часто твердостію вѣры укрѣпляема, строгимъ пощеніемъ и сухояденіемъ тѣло свое изнуряетъ;**** которой не токмо

* Красоты.

** Роста.

*** Ц. сл. дат.

**** См. выше прим. на стр. 114.

великолѣпныя колесницы и избранные кони, но и руки и главы сыновъ Россійскихъ къ ношенію готовы, вперенна усердіемъ купно съ подданными далекій путь къ мѣстамъ священнымъ пѣшешествуетъ. Коль горячимъ усердіемъ воспаляются сердца наши къ Вышнему, и коль несомнѣнно милосердія Его себѣ ожидаемъ, когда купно съ нами предстоящую и молящуюся съ крайнимъ благоговѣніемъ свою Самодержицу предъ очами имѣемъ! Коль мужественно дерзаютъ противъ супостатовъ Россійскіе воины, зная, что Богъ, крѣпкій во брани, Богъ, благочестивѣйшую ихъ Государыню любящій, купно съ ними на сраженіе выходитъ! Коль великою радостью восхищаются мѣста священныя, посѣщаемыя часто ея богоугоднымъ присутствіемъ! Украшенная святымъ ея усердіемъ, аки * невѣста въ день брачный торжествующая Россійская церковь, блистая порфирою и златомъ, и паче радостію сіяя, возвышается, окруженна славою, къ пресвѣтлому жениха своего престолу и, показуя ему свое великолѣпіе, вѣщаетъ: «такъ украшаетъ меня на землѣ возлюбленная Твоя Елисавета: украси державу и вѣнецъ ея неувядающею добротою славы; возноситъ рогъ мой въ поднебесной: вознеси ее надъ всѣми обладательми земными; посѣщаетъ меня посѣщеніемъ усерднымъ: посѣти ее благодатію твоею неотступно; утверждаетъ столпы мои въ Россіи; утверди здравіе ея непоколебимо; споспѣшествуетъ мнѣ въ побѣжденіи невѣрія; споспѣшествуй ей въ побѣжденіи гордыхъ и завистливыхъ супостатовъ, и благословеніемъ твоимъ и силою твоею свыше осѣни ея воинство». Сему священному церкви святыя гласу согласуется всѣхъ поданныхъ желаніе; по сему вѣруемъ, что непобѣдимый благочестивыхъ поборникъ славы Господь во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ Августѣйшія Единодержицы нашея есть предводитель и защитникъ, и высокою десницею своею управляетъ ея мужество, которому ни внутрь Россіи вкоренившіеся, ** ни отвнѣ наступающіе непріятели не могли стать противу. Сіи побѣждены въ едино лѣто, а оные въ едину ночь низвержены. Окруженный крѣпкою стражею вѣнецъ отеческій, и скипетръ, сильною рукою державимый, и великою властью объятую Россію взять въ свое повелительство есть дѣло и мужескому сердцу страшное, и великому герою едва преодолимое. Но Богомъ предводимая Героиня наша, съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ отечества,

* Какъ.

** Намекъ на низверженіе Брауншвейгской фамиліи.

презираетъ всѣ препятства, безъ пролитія крови торжествуетъ и, къ общей нашей радости, пріемлетъ свое наслѣдство. Чудное и прекрасное видѣніе въ умѣ моемъ изображается, когда себѣ представляю, что преходитъ со крестомъ дѣвица*, послѣдуютъ вооруженные воины. Она отеческимъ духомъ и вѣрою къ Богу воспаляется, они ревностію къ ней пылаютъ; она исполнитъ желаніе всѣхъ Россіянъ, они изволеніе тоя совершить поспѣшаютъ; она приближаясь къ побѣдѣ, кровопролитной побѣды не желаетъ, они всему свѣту стать противу за оную усердствуютъ. Но что сему послѣдуетъ? омертвѣли стрегущіе, видя пришествіе Петровой дщери, и безчувственное оружіе предъ законною своею Государынею, изъ трепещущихъ рукъ падши, преклонилось! Просвѣтился Монаршескій домъ ея входомъ, возсіялъ престолъ вступленіемъ, и веселящимся Россіанамъ казалось, что и стѣны Петровы двигались, радостію оживленныя. Ужаснулись тогда вѣроломные Балтійскіе бреги; приступающіе уже къ предѣламъ нашимъ кичливые супостаты оцѣпенѣли, и завистливый взоръ свой вспять обращая, больше о бѣгствѣ, нежели о сраженіи помышляли. ** Изображался въ устрашенныхъ умахъ ихъ Петръ Великій, въ мужественной своей дщери живущій; представлялись имъ отцы ихъ въ мысли, лежащіе въ крови своей на поляхъ Полтавскихъ, и многія тысячи ихъ народа, ведомаго въ плѣнъ на отдѣленныя половиною свѣта степи; мечтались имъ горящіе ихъ грады и веси, ходящія по сушѣ, какъ по морю Россійскія галеры и выѣзжающіе противъ нихъ изъ волнъ морскихъ всадники. Правда, что побѣждены уже были непріятели при стѣнахъ Вильманстрандскихъ, однако сраженіе было жестоко; чувствовали храбрыя Россійскія руки сопротивленіе, и побѣда куплена немалымъ пролитіемъ крови. Но когда отеческій скипетръ и мечъ приняла мужественная Елисавета, тогда, какъ нѣкоторымъ бурнымъ дыханіемъ возметаемы, непріятели съ трепетомъ въ бѣгство обратились; и при защищеніяхъ своихъ, при крѣпкихъ стѣнахъ, при непроходныхъ засѣкахъ, при рѣкахъ, быстрыми водами стремящихся, не токмо противиться не дерзнули, но и оглянуться на нихъ едва смѣли, видя, что ни топкія болота, ни мшистыя озера, ни стремнины крутыя не могутъ препятствовать праведному Елисаветину гнѣву и ревности

* Ломоносовъ вспоминаетъ, какъ Императрица Елисавета овладѣла отечественнымъ престоломъ.

** См. примѣч. на стр. 47.

молніеносныхъ ея воиновъ. Наконецъ такъ утѣснены отвсюду, такъ окружены были моремъ и землею отъ Россійской силы, что если бы не толь великодушную побѣдительницу имѣли, то никто бы изъ нихъ спасенъ не былъ, и о конечной бы ихъ погибели въ отечествѣ ихъ возвѣстить было некому, кромѣ звучныя славы ея Величества. Сія побѣда тѣмъ паче прочихъ была предивна, что казалось, якобы и Марсъ, подражая кроткому Государыни нашея нраву, ненавидѣлъ пролитія человѣческія крови, и вся Европа разсуждала, что Россія не войну съ непріятельми имѣла, но токмо продерзкихъ вѣроломцевъ за неистовство наказала. За сродное Государыни нашея свойство вселенная почитаетъ поступать со врагами велидушно. Сего не токмо при совершенномъ внѣшнихъ непріятелей посрамленіи, но еще во время преславнаго ея на отеческій престолъ вступленія великій примѣръ надъ внутренними супостатами ею показанъ. Прибѣгла къ ней смущенная Россія и гласомъ избранныхъ сыновъ своихъ вѣщала: «пріими меня въ матернія твои объятія, пріими наслѣдную твою державу, и врожденнымъ тебѣ бодрымъ отеческимъ духомъ презирай всѣ препятства. Надѣйся на Бога: онъ праведному твоему предпріятію предводитель будетъ. Надѣйся на себя: ты едина истинная наслѣдница; ты дщерь моего просвѣтителя. Надѣйся на меня: я всѣ свои силы подвигну къ твоему защищенію, и чрезъ главы и трупы твоихъ непріятелей отворю путь къ престолу.» Но великодушная Государыня паче изволила наслѣдной своей короны до времени лишаться, нежели оной доступать пролитіемъ крови, и наконецъ, больше опасаясь бѣдствія отечеству, нежели себѣ величества желая, склонилась къ правленію, или вяще къ сохраненію государства. Восшедъ на высоту толикія власти, отлучившимъ ее отъ законнаго наслѣдства, сорубившимъ неиствою гордостію и безсовѣстнымъ утѣсненіемъ огорчившимъ кое мщеніе наноситъ? По закону Божію, по государственнымъ правамъ и по желанію Россійскаго народа, на лютую смерть и на растерзаніе осужденныхъ токмо отдаленіемъ отъ пресвѣтлаго лица своего наказуетъ; недостойныхъ жизни токмо самовольныя жизни лишаетъ, и великое восшествія своего геройское дѣло украшаетъ крайнимъ своимъ великодушіемъ, которымъ такъ обильно одарена Монархиня наша, что оное въ пространной Россіи не вмѣщается, но истекаетъ и ко внѣшнимъ народамъ. Побѣждена Швеція ея оружіемъ, но больше побѣждена великодушіемъ; страшится ея непобѣдимыя силы, но больше чудится великому и благородному духу.

Ибо, пріобрѣтши толь великія преимущества, непобѣдимая Государыня съ побѣжденными въ конецъ миръ заключаетъ; но справедливѣе сказать, преступившимъ вину прощаетъ. Кто всю врага своего силу въ рукахъ имѣетъ, и всю свою волю надъ нимъ исполнить можетъ, однако отдаетъ все обратно, и уже поверженнаго и противиться не могущаго возставляетъ, тотъ не больше ли прощаетъ, нежели примиряется? Но далѣе простирается прехвальная сія Монархини нашея добродѣтель, большій примѣръ великодушія показуетъ Россійская героиня. Ибо не токмо, отпустивъ врагамъ своимъ продерзость, миръ и тишину и земли покоренныя возвращаетъ, но и оружіе свое простираетъ къ ихъ защитѣ; отвращаетъ съ другой страны грозящую имъ войну, и наслѣдство ихъ престола купно съ вольностію утверждаетъ. Сіе разсуждая и взирая на цвѣтущее состояніе Россійскаго государства, на изобиліе пространнаго нашего отечества, и на умѣренность, которою Государыня наша толикое множество покланяющихся ей народовъ управляетъ, возможно ли помыслить вамъ, сосѣды наши, чтобы ея благородное сердце къ присвоенію чужихъ земель склонилось? Имѣющая толикое пространство полей плодоносныхъ, болотъ ли непроходимыхъ пожелаетъ? Простирающая скипетръ свой на протекающія въ ея послушаніи изобильныя и великій Нилъ превосходящія рѣки, на зыбучіе ли мхи польстится? Господствующая въ землѣ, медъ и млеко точащей, на камни ли неплодные съ желаніемъ взирать будетъ? Что храброе Россійское воинство ко брани устроено, что флотъ готовъ къ покрытію водъ Балтійскихъ, что всѣ военныя пріуготовленія успѣваютъ,—сіе все не войну, отъ Россіи наносимую, предвозвѣщаетъ, но показуетъ премудрость прозорливыя нашея героини. Искусный мореплаватель не токмо въ страшное волненіе и бурю, но и во время кротчайшія тишины бодрствуетъ, укрѣпляетъ орудія, готовитъ парусы, наблюдаетъ звѣзды, примѣчаетъ перемѣны воздуха, смотритъ на возстающія тучи, изчисляетъ разстояніе отъ береговъ, мѣритъ глубину моря и отъ потаенныхъ водою камней блюдется. Подобнымъ образомъ премудрая Елисавета, хотя радуяся взираетъ на своихъ подданныхъ, наслаждающихся дарованнымъ отъ ней возлюбленнымъ покоемъ, однако и о будущей ихъ безопасности печется: ограждаетъ ихъ распростертымъ по землѣ и по морю оружіемъ, и тѣхъ, которые мечемъ не могутъ, мыслями воюющихъ проницательнымъ окомъ назираетъ; открываетъ потаенныя тихими струями лести непріятельскія коварства; разсуждаетъ о прошедшемъ, разсматриваетъ настоящее и

будущее предвидитъ. Того ради, если кто изъ завистниковъ благополучія нашего дерзнетъ неистовымъ или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое Монархини нашея сердце на гнѣвъ подвигнуть, то познаетъ о всемъ премудрый ея промыслъ, и хотя онъ пространными морями, великими рѣками, или превысокими горами отъ насъ покрытъ и огражденъ будетъ; однако, почувствовавъ свое наказаніе, помыслитъ, что изсякло море, прекратили теченіе рѣки, и горы опустившись въ равныя поля претворились; помыслитъ, что не флотъ Россійскій, но цѣлая Россія къ брегамъ его пристала. *

Покойся въ радости, возлюбленное отечество, и безмятежнымъ вѣкомъ подъ кровомъ премудрыя твоея повелительницы наслаждайся. Коль безопасно твое благополучіе! Коль несравненно съ прочими твое блаженство! Другіе на дымящіяся развалины разоренныхъ отъ непріятеля градовъ своихъ со слезами взираютъ; но ты на восходящія къ облакамъ новыя великолѣпныя зданія радостный взоръ возводишь. Другіе день и ночь страхомъ объяты трепещутъ, видя съ обнаженными мечами бѣгающихъ другъ за другомъ гражданъ и единородную кровь по стогнамъ проливающихъ; но ты единодушныхъ сыновъ единыя общія всѣхъ матери согласнымъ подданствомъ украшаешься. Иные отъ пресѣченія купечества, отъ разрушенія художествъ, отъ попранія земледѣльства наготу и алчбу претерпѣваютъ; но въ тебѣ купечеству пути открыты, отворены пристани, наполнены богатствомъ торжища, возрастаютъ науки и художества, и житницы твои преизобилуютъ. Иные хотя отъ военнаго шума и страха свободились, однако видятъ плачевные слѣды своихъ супостатовъ, и суровый оныхъ видъ ясно еще изображается въ ихъ мысляхъ; но тебя въ безперерывной тишинѣ покоящуюся ниже въ сонныхъ привидѣніяхъ военные страхи возмущаютъ. Сіе твое дражайшее и святое спокойство отъ единаго премудраго попеченія прозорливыя твоея Государыни происходитъ. Ея провидѣніе и промыслъ довольствуетъ тебя изобиліемъ, увеселяетъ общимъ согласіемъ, обогащаетъ купечествомъ и безмятежнымъ земледѣльствомъ, украшаетъ возлюбленнымъ миромъ, и громкою твоею славою вселенную наполняетъ. Сіе совершенное наше удовольствіе, общее увеселеніе, обильное обогащеніе, пріятное украшеніе, сію всемирную нашу славу умножаетъ несравненная Монархиня божественнымъ своимъ человѣколюбіемъ, когда возвышен-

* Ломоносовъ намекаетъ на тогдашнія отношенія Россіи къ Пруссіи.

ная до толикой высоты власти и величества, которой ужѐ человѣческое могущество превзойти не можетъ, крайнимъ къ подданнымъ своимъ снисходительствомъ превыше смертныхъ жребія восходитъ. Что пріятнѣе человѣческому сердцу, и что чрезвычайнѣе на свѣтѣ быть можетъ, какъ Государыню повелительницу величайшей части свѣта, отъ всѣхъ племенъ и владыкъ земныхъ почитаемую, ласковымъ взоромъ, кроткою бесѣдою и милосердымъ пріятіемъ рабовъ своихъ удостоивающую видѣть? Но мы таковымъ пріятнымъ зрѣніемъ услаждаемся по вся дни. Отличается человѣколюбивая Государыня наша отъ великаго множества окружающихъ ее подданныхъ не кичливымъ воззрѣніемъ, не уничтожительнымъ гласомъ, не страшнымъ повелѣніемъ, но прекраснымъ величествомъ, тихою властію, благороднымъ снисходительствомъ и нѣкоторою божественною силою, вливающею несказанную радость въ сердца наши. Обращается при вратахъ пресвѣтлаго ея дому не ужасъ и трепетъ, но кроткое человѣколюбіе, привлекающая сердца всѣхъ милость, и—надежный стражъ Величества—вѣрная любовь подданныхъ. Входящіе въ него не озираются безпрестанно, стѣнъ самихъ ужасаясь, ниже трепещущія стопы сомнительно простираютъ, но предваряющему ихъ веселію едва въ слѣдъ успѣвая, въ священные ея чертоги свѣтлымъ лицемъ шествуютъ. Нѣтъ нужды испытать сокровенныя ихъ мысли: является на каждаго очахъ красота общаго удовольствія, и на распростертыхъ челахъ радостныхъ сердецъ знаки написаны. Коль пріятнымъ чувствіемъ обливаются сердца взирающихъ на толь снисходительное величество! И кое прохлажденіе втекаетъ въ кровь оцѣпенѣвающихъ повинныхъ, когда о милосердіи своея Государыни помышляютъ, къ котораго изображенію человѣческое слово едва довольно быть можетъ! Ничто есть толь похвально, какъ кротость, ни единой добродѣтели благоутробія нѣтъ любезнѣе, ничѣмъ естество человѣческое къ божественнымъ свойствамъ не подходитъ ближе, какъ прощеніемъ повинныхъ и свобожденіемъ отъ надлежащей казни. Но гдѣ велегласнѣе милость на судѣ хвалится, гдѣ крѣпче объемлется правосудіе и милосердіе, гдѣ обвиненіе и прощеніе тѣснѣе сопрягаются, гдѣ осужденіе и свобожденіе союзнѣе другъ друга лобзаютъ, какъ предъ высочайшимъ ея Величества престоломъ? Пускай другіе, лишая жизни, обагряя мечъ свой кровію, умаляя число подданныхъ, повергая предъ народомъ растерзанные человѣческіе члены, устрашить злыхъ и пороки истребить тщатся; но премилосердая Монархиня наша больше благо-

утробіемъ и щедротою успѣваетъ. Пускай другіе ужасными, но Мати Россійская радостными примѣрами исправляетъ человѣческіе нравы. Иные строгою и не рѣдко безчеловѣчною казнію хотять искоренить злобу; но она щедрымъ награжденіемъ вкореняетъ добродѣтель. Если кто, имѣя великій садъ, только объ одномъ истребленіи тернія печется, забывъ плодоносныя древа и прекрасные цвѣты напоять потребною влагою, тотъ не въ долгомъ времени увидитъ древа свои сухи и безплодны и цвѣты увянувшіе отъ зноя; напротивъ того, кто древа плодоносныя и процвѣтающія травы въ пристойное время орошаетъ, презирая плевы и токмо прохожденіемъ попирая, тотъ насладится изобиліемъ древъ плодоносныхъ и красотою цвѣтовъ возвеселится, которые усилившись изсушатъ тучность и соки негодныхъ и вредныхъ прозябеній, прекратится тѣхъ ращеніе и корень истлѣетъ. Подобнымъ образомъ хотя и полезно есть строгое надъ повинными исполненіе законовъ, но безъ награжденія добродѣтели тщетно, и больше приводитъ въ уныніе добрыхъ, нежели злыхъ исправляетъ; напротивъ того награжденіе добродѣтели и снабдѣніе заслугъ, при кроткомъ наказаніи пороковъ, едино сильное, едино къ исправленію нравовъ человѣческихъ довольно: ибо чувствуя себя презрѣнныхъ и попранныхъ, злые, и видя возвышенную добродѣтель, наслаждающуюся праведною своею мздою, завистію угрызаемы истаютъ, или, обратившись, ревностнымъ подражаніемъ того же достойными себя учинить стараться будутъ. Таковымъ благоразумнымъ милосердіемъ щедрая Государыня въ широко распростирающейся Россіи расплодить добродѣтель и пороки искоренить тщится! Наказуетъ матерски, монаршески снабдѣваетъ, исправляетъ безъ строгости, съ избыткомъ награждаетъ, воскрешаетъ избавленіемъ преступившихъ, заслужившихъ благодѣяніемъ ободряетъ.

Таковую ея Величества особливую добродѣтель хотя всякъ вѣрный подданный, хотя все Россійское государство чувствуетъ, хотя повсюду щедрая ея рука обильные дары изливаетъ, такъ что скорѣе голосъ мой ослабѣетъ, языкъ притупится и слово оскудѣетъ, нежели подробну ея благодѣянія изчислитъ; однако учрежденное отъ дражайшихъ ея родителей сіе собраніе, великодушнымъ щедролюбивыя Государыни призрѣніемъ такъ удовольствовано и такъ снабдѣно, что крайнѣйшею благодарностію усердствуя, ни вящаго себѣ благополучія представить, ниже къ засвидѣтельствованію своего удовольствія и рабской искренности удобныхъ способовъ изобрѣсти можетъ. Сіе благодѣяніе тѣмъ

больше, тѣмъ преславнѣе и Петровой дщери достойнѣе, что не токмо до насъ единыхъ, не токмо до учащагося здѣсь юношества, но до всякаго чина и званія, до всего Россійскаго государства, до всего рода человѣческаго касается. Ибо не токмо мы, довольствуясь ея Величества щедротами, иные въ откровеніи естественныхъ таинъ и въ изслѣдованіи пречудныхъ дѣлъ Премудраго Создателя въ спокойствѣ услаждаемся; иные, преподая наставленіе учащимся, съ радостію чувствуемъ являющіеся плоды трудовъ нашихъ; не токмо учащіеся питаемы обильною ея рукою безъ попеченія о своихъ потребностяхъ, только о наученіи стараться могутъ; но общее благополучіе предлагается. Нѣтъ ни единаго мѣста въ просвѣщенной Петромъ Россіи, гдѣ бы плодовъ своихъ не могли принести науки; нѣтъ ни единаго человѣка, который бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы. Что святѣе и что спасительнѣе быть можетъ, какъ поучаясь въ дѣлахъ Господнихъ, на высокій славы Его престолъ взирать мысленно и проповѣдовать Его величество, премудрость и силу? Къ сему отворяетъ астраномія пространное рукъ Его зданіе; весь видимый мірѣ сей и чудныхъ дѣлъ Его многообразную хитрость физика показуетъ, подая обильную и богатую матерію къ познанію и прославленію Творца отъ твари. Что полезнѣе есть человѣческому роду къ взаимному сообщенію своихъ избытковъ, что безопаснѣе плавающимъ въ морѣ, что путешествующимъ по разнымъ государствамъ нужнѣе, какъ знать положеніе мѣстъ, теченіе рѣкъ, разстояніе градовъ, величину, изобиліе и сосѣдство разныхъ земель, нравы, обыкновенія и правительства разныхъ народовъ? Сіе ясно показуетъ географія, которая всея вселенныя обширность единому взгляду подвергаетъ. Чѣмъ военныя сердца вяще къ мужественному противъ враговъ дѣйствію и къ храброму защищенію отечества побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ героевъ? Сіи приводитъ на память исторія и стихотворство, которое, прошедшія дѣянія живо описуя, какъ настоящія представляетъ: обоими прехвальныя дѣла великихъ государей изъ мрачныхъ челюстей ѣдкія древности исторгаются. Что превосходнѣе себѣ представить можно, какъ такое средство, которое управляетъ разумъ, показуетъ не прелестный путь произволенію, укрощаетъ человѣческія страсти и естественные и гражданскіе законы утверждаетъ? Сіе исполняетъ философія. Что есть человѣку жизни своей дороже и что любезнѣе здравія? Обои сіи медициною сохраняются и продолжаются. Что въ человѣческомъ об-

ществѣ нужнѣе есть употребленія разныхъ махинъ и знанія внутренняго вещей сложенія? Сіе открываетъ химія; механика оныя составляетъ. Всѣ сіи точною и осторожною математикою управляются. Всѣ къ приращенію блаженства человѣческаго хотя разными образы, однако согласною пользою служатъ. Но всѣ сіи чрезъ особливое щедролюбивыя Государыни нашея благодѣяніе въ Россіи умножатся, процвѣтутъ и принесутъ обильные плоды въ свое время. Произрастетъ здѣсь насаженное Петромъ, огражденное милостію и напоенное щедротою достойныя толикаго родителя дщери, прекрасное премудрости древо; возрастетъ и вѣтви свои распрострѣтъ по всей вселенной. Отверста богатою ея Величества рукою широкая дверь наукамъ въ пространную Россію, въ которой онѣ во всякомъ довольствіи и въ полной безопасности распростираясь, новое приращеніе, новое украшеніе, новое просвѣщеніе и новую славу пріобрящутъ и въ новомъ великолѣпіи на нечаянной высотѣ, на самомъ верху своего совершенства поставленныхъ себя всему свѣту покажутъ, и полнымъ своимъ сіяніемъ оставшуюся ночь варварства изъ самыхъ отдаленныхъ и нынѣ еще едва извѣстныхъ мѣстъ разсыпаютъ. Ибо гдѣ удобнѣе совершиться можетъ звѣздочетная и землемѣрная наука,* какъ въ обширной ея Величества державѣ, надъ которою солнце цѣлую половину своего теченія совершаетъ, и въ которой каждое свѣтило восходящее и заходящее въ едино мгновеніе видѣть можно? Многообразные виды естественныхъ вещей и явленій гдѣ способнѣе изслѣдовать, какъ въ поляхъ, великое свое пространство различнымъ множествомъ цвѣтовъ украшающихъ, на верхахъ и въ нѣдрахъ горъ, выше облаковъ восходящихъ и разными сокровищами насыпанныхъ, въ рѣкахъ, отъ знойныя Индіи до вѣчныхъ льдовъ протекающихъ, и на многихъ пространныхъ моряхъ, полныхъ дивными Божьими чудесами, подъ Елисаветиною державою волны свои преклоняющихъ**? Гдѣ безопаснѣйшее жилище музы обрѣсти могутъ, какъ въ пространной и безмятежной Россіи, прозорливостію Монархини нашея успокоенной и непобѣдимою ея силою огражденной.

О, коль великое благодѣяніе отъ сего Монархини нашея щедролюбія во весь свѣтъ распространится! О, коль вожделѣнно благопо-

---

* Ломоносовъ много заботился о посылкѣ ученыхъ экспедицій въ разныя мѣста Россіи для астрономическихъ и географическихъ наблюденій.

** Ломоносовъ нерѣдко изслѣдовалъ соли и руды, присылаемыя изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

лучіе ваше, Россійскіе юноши, которые толикою милостію щедрыя Государыни питаемы, въ радостныхъ трудахъ упражняетесь! Представьте себѣ будущее ваше состояніе, къ которому вы избраны, со благоговѣніемъ внимайте, что Августѣйшая Императрица, довольствуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ: «Обучайтесь прилежно: Я видѣть Россійскую Академію, изъ сыновъ Россійскихъ состоящую, желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣреніе моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла моихъ предковъ и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слова. Въ пространной моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно производитъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить мою милость». Сіе щедрое ея Величества повелѣніе слыша, дерзайте, бодрствуйте, успѣвайте въ теченіи вашемъ. И вы, которымъ входъ къ наукамъ свободно отворенъ, употребляйте сію щедроту въ пользу сыновъ вашихъ, и намѣренія Петрова, попеченія Екатеринина и Елисаветина великодушія тщетно не оставляйте. Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чтобы управляющіе гражданскія дѣла изъ мѣстъ судебныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Петровыхъ, предстоящіе Монаршескому лицу изъ пресвѣтлаго ея дому, строящіе и управляющіе флотъ Россійскій съ верховъ корабельныхъ, и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и съ пристанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли, и къ нимъ бы любовію склонялись. Правда, что прекрасное сіе музъ жилище, къ несказанной нашей крайней горести, печали и сокрушенію нечаяннымъ злоключеніемъ отъ грознаго пожара пріятный видъ свой на плачевное позорище премѣнило, на которое мы едва безъ стенанія и слезъ взирать можемъ; * но въ сей нашей скорби едино имѣемъ утѣшеніе, на едино щедролюбіе Всемилостивѣйшія Государыни нашея уповаемъ, вѣдая, что нѣтъ такой напасти, нѣтъ такого несчастія, которое бы великодушіемъ ея превышено и щедрою рукою отвращено не было. Толь велико есть щедролюбіе несравненныя Монархини нашея! толикою добродѣтелью украшенъ престолъ

* Пожаръ былъ въ Академіи въ 1747 году, 5 декабря.

Всероссійскій! Таковыхъ Монарховъ посылаетъ Богъ на землю, когда онъ смертныхъ милуетъ; толь благочестивыхъ, когда моленія ихъ слышать и приношенія пріимать соизволяетъ; толь мужественныхъ и великодушныхъ, когда враговъ ихъ повергнуть и посрамить хочетъ, толь премудрыхъ, когда блаженство ихъ умножить предпріемлетъ, толь человѣколюбивыхъ, толь милосердыхъ и толь щедрыхъ, когда ихъ утѣшить, умножить и ущедрить преклоняется. Красуйся великими сими Вышняго дарами, Всемилостивѣйшая Государыня! и божественными твоими благодѣяніями увеселяйся. Куда твое пресвѣтлое око ни обратится, вездѣ радостныя лица твоихъ подданныхъ, вездѣ избавленныхъ твоимъ великодушіемъ и только милосердіемъ твоимъ живущихъ, вездѣ обильно тобою награжденныхъ и тобою возвышенныхъ видитъ. Вся сѣверная страна хотя во всякое время, однако особливо въ сей пресвѣтлый праздникъ, по прошествіи плодоноснаго лѣта и при окончаніи благословенной осени, отъ земли плодами, отъ моря богатствомъ, отвсюду твоимъ счастіемъ изобилующая, многочисленными торжествующихъ гласы превозноситъ твое преславное на отеческій престолъ восшествіе, и оныя восклицанія, которыя тогда отъ внезапной радости и отъ истинной любви происходили, нынѣ многократно повторяетъ. Наше неописанное удовольствіе и крайняя благодарность хотя ни коимъ краснорѣчіемъ изображены быть не могутъ, однако искреннюю ревность и рабскую вѣрность нашу Величеству твоему симъ засвидѣтельствовать тщимся по мѣрѣ силъ нашихъ, вѣдая, что Богъ и Божію власть на землѣ имѣющіе не столько на хитросплетенныя риторическія сложенія, сколько на чистое усердіе взираютъ.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное Апрѣля 26 дня, 1755 года.†

Священнѣйшее помазаніе и вѣнчаніе на Всероссійское государство всемилостивѣйшія Самодержицы нашея празднуя, слушатели, подобное видимъ къ ней и къ общему отечеству Божіе снисхожденіе, каковому въ ея рожденіи и въ полученіи отеческаго достоянія чудимся. Дивно ея рожденіе предзнаменованіемъ царства; преславно на престолъ восшествіе покровеннымъ свыше мужествомъ; благоговѣйныя радости исполнено пріятіе отеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, отъ Бога ли на землѣ обладатели поставляются, или по случаю державы достигаютъ,* однако единымъ рожденіемъ Великія Государыни нашея увѣриться о томъ должно, видя, что она уже тогда избрана была владычествовать надъ нами. Не астрологическія сомнительныя гаданія, отъ положенія планетъ произведенныя, нижѐ другія по теченію натуры бывающія перемѣны и явленія; но ясные признаки Божія провидѣнія послужатъ сему въ доказательство. Преславная надъ непріятелями Петрова подъ Полтавою побѣда съ рожденіемъ сея

---

† С.-Петербургская Академія наукъ была учреждена Екатериною I по мысли Петра В. По убѣжденію Ломоносова, Академія должна была отблагодарить своего основателя. Въ іюлѣ 1754 года онъ доносилъ Академіи: „Ежели актъ публичный къ новому году въ честь Государя Петра В. отложится,... я буду имѣть случай приготовить и говорить панегирикъ блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому, который ему давно должна Академія". По распоряженію президента слово было произнесено въ день коронаціи Императрицы Елисаветы, 26 апрѣля, 1755 года. Поэтому Ломоносовъ соединилъ похвалу Петру В. съ похвалой Елисаветѣ.

* Заимствованіе изъ Плиніева панегирика Траяну: Ac si adhuc dubium fuisset, forte casuque rectores terris, en aliquo numine darentur, principem tamen nostrum liqueret divinitus constitutum.

Великія дщери его въ единъ годъ приключилась, и въѣзжающаго въ Москву съ торжествомъ побѣдителя приходящая въ міръ встрѣтила Елисавета. Не перстомъ ли здѣсь указующій является Промыслъ? не слышимъ ли мысленнымъ ухомъ вѣщающаго гласа? видите, видите исполненіе обѣтованнаго вамъ предзнаменованіями благоденства. Петръ торжествовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непріятелей и своихъ искоренивъ измѣнниковъ; Елисавета для подобныхъ родилась тріумфовъ. Петръ, возвративъ законному Государю корону, въ отеческій градъ шествовалъ; Елисавета въ общество человѣческое вступила, для возращенія себѣ потомъ отеческой короны. Петръ, сохранивъ Россію отъ расхищенія, вмѣсто мрачнаго страха принесъ безопасную и пресвѣтлую радость; Елисавета увидѣла свѣтъ, дабы пролить на насъ сіяніе отрады, избавивъ отъ мрака печалей. Петръ велъ за собою многочисленныхъ плѣнниковъ, неменьше великодушіемъ, нежели мужествомъ побѣжденныхъ; Елисавета отъ утробы разрѣшилась, дабы послѣ плѣнить сердца́ подданныхъ человѣколюбіемъ, кротостію, щедротою. Коль чудныя Божія судьбы видимъ, слушатели! съ рожденіемъ побѣду; съ облегченіемъ родительницы избавленіе отечества; съ обыкновенными при рожденіи обрядами чрезвычайное торжественное вшествіе; съ пеленами побѣдительные лавры, и съ первымъ младенческимъ гласомъ всерадостные плески и восклицанія! Не всѣми ли сими рожденной тогда Елисаветѣ предвозвѣщены отеческія добродѣтели, предвозвѣщено отеческое царство?

Въ доступленіи онаго сколь много Всемогущій Промыслъ споспѣшествовалъ ея геройству, о томъ радостныя воспоминанія во вѣки не умолкнутъ. Ибо Его силою и духомъ подвигшись, героиня наша, Всероссійскому государству, достодолжной его славѣ, великимъ дѣламъ и намѣреніямъ Петровымъ, внутреннему сердецъ нашихъ удовольствію и общему блаженству знатной части свѣта принесла спасеніе и обновленіе. Велико дѣло есть избавленіе единаго человѣка; то коль несравненно больше спасеніе цѣлаго народа! Въ тебѣ, дражайшее отечество, въ тебѣ видимъ сего довольные примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, грабленіями и братоубійствами раздраженный Богъ поработилъ тебя нѣкогда чужому языку,* и на пораженное глубокими язвами твое тѣло наложилъ тяжкія вериги! Потомъ стенаніемъ твоимъ и воплемъ преклоненный, послалъ тебѣ

* Т. е. татарамъ.

храбрыхъ государей, свободителей отъ порабощенія и томленія, которые, соединивъ твои раздробленные члены, возвратили тебѣ и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго паденія избавила Россійскій народъ предводимая Богомъ на отеческій престолъ Великая Елисавета, но большаго удивленія достойнымъ образомъ. Внутренія болѣзни бываютъ бѣдственнѣе наружныхъ; такъ и въ нѣдрахъ государства воспитанная опасность вредительнѣе внѣшнихъ нападеній. Удобнѣе наружныя язвы изцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но сличивъ изцѣленіе Россіи отъ пораженія, варварскимъ оружіемъ извнѣ нанесеннаго, съ удивительнымъ крыющагося внутрь вреда врачеваніемъ, Елисаветиною рукою произведеннымъ, противное находимъ. Тогда для изцѣленія ранъ наружныхъ обагрены были поля и рѣки не меньше Россійскою, нежели Агарянскою* кровію. Въ благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ томленій истребила въ краткое время, и болѣзнующее отечество яко бы единымъ, божественною силою исполненнымъ словомъ изцѣлила, сказавъ: *возстани и ходи*; *возстани и ходи*, *Россія. Отряси свои сомнѣнія и страхи; и радости и надежды исполненна*, *красуйся*, *ликуй*, *возвышайся*.

Таковыя изображенія въ мысляхъ представляетъ намъ, слушатели, воспоминаніе тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслимъ, что мы не токмо отъ утѣсненія, но и отъ презрѣнія тогда свободились. Что прежде избавленія нашего народы о насъ разсуждали? Не отзываются ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей? «Россіяне, Россіяне, Петра Великаго забыли. За его труды и заслуги не воздаютъ должнаго благодаренія; не возводятъ дщерь его на престолъ отеческій; она оставлена, — не помогаютъ; она отринута,—не возвращаютъ; она пренебрегаема, — не отмщаютъ». О коль великъ стыдъ и посмѣяніе! Но несравненная героиня восшествіемъ своимъ отняла поношеніе отъ сыновъ Россійскихъ и передъ всѣмъ свѣтомъ оправдала, что не нашего усердія не доставало, но сносило ея великодушіе; не наша ревность оскудѣвала, но она не хотѣла пролитія крови; не нашему малодушію оное приписывать должно, но Божескому промыслу, который благоволилъ показать тѣмъ свою власть, ея мужество и нашу радость усугубить.

---

* Татарскою. См. примѣч. на стр. 18-й.

Таковыя благодѣянія устроилъ намъ Вышній вступленіемъ на отеческій престолъ Великія Елисаветы! Что жъ нынѣшній праздникъ? Верхъ и вѣнецъ прежде реченныхъ. Вѣнчалъ Господь ея чудное рожденіе, вѣнчалъ преславное восшествіе, вѣнчалъ безприкладныя * добродѣтели. Вѣнчалъ благодатію, ободрилъ благонадежною радостію и благословилъ громкими побѣдами, восшествію ея подобными. Ибо какъ внутренніе враги побѣждены безъ пролитія крови, такъ и внѣшніе съ малымъ урономъ преодолѣны были.

Облачается Монархиня наша въ порфиру, помазуется на царство, вѣнчается, пріемлетъ скипетръ и державу. Радуются Россіяне, и плесками и восклицаніями воздухъ наполняютъ; ужасаются супостаты и блѣднѣютъ; уклоняются, даютъ хребетъ ** Россійскому войску, укрываются за рѣки, за горы, за болота; но вездѣ утѣсняетъ ихъ сильная рука вѣнчанныя Елисаветы; отъ единаго ея великодушія ослабу получаютъ.—Коль ясныя предзнаменованія благословеннаго ея владѣнія во всемъ вышереченномъ видимъ, и вожделѣнному сбытію ихъ съ радостію чудимся! По примѣру Великаго своего родителя даетъ государямъ короны, успокоиваетъ мирнымъ оружіемъ Европу, утверждаетъ Россійское наслѣдство; истекаетъ злато и сребро изъ нѣдръ земныхъ, къ ея и къ общему удовольствію; избавляются подданные отъ тягости; земля не обагряется Россійскою кровію ни внутрь, ни внѣ государства, умножается народъ, и доходы прирастаютъ; возвышаются великолѣпныя зданія, исправляются суды, насаждаются науки среди государства, повсюду возлюбленная тишина и Монархинѣ нашей подобное время *** господствуетъ.

И такъ, когда несравненная Государыня наша предзнаменованное въ рожденіи, полученное мужествомъ, утвержденное побѣдоноснымъ вѣнчаніемъ и украшенное преславными дѣлами отеческое царство возвысила; то по справедливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ его истинная наслѣдница. Слѣдовательно, похваляя Петра, похвалимъ Елисавету.

Давно долженствовали науки представить славу его ясными изображеніями, давно желали въ нарочномъ торжественномъ соб-

* Безпримѣрныя.

** Обращаютъ тылъ.

*** См. прим. на стр. 47-й.

раніи превознести несравненныя дѣла своего основателя: но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ героѣ должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако наконецъ разсудилось, лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ; лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами соединить искренностію украшенное слово, нежели молчать между толикими празднственными восклицаніями; наипаче когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ всевожделѣнный залогъ Своея къ намъ Божественныя милости, которую въ продолженіи Петрова племени почитаемъ. И такъ, оставивъ боязливое сомнѣніе, и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и голоса должно употребить, или паче истощить на похвалу нашего героя.

Сіе предпринимая, откуду начну мое слово? Отъ тѣлесныхъ ли его дарованій? отъ крѣпости ли силъ? Но оныя явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неизсчетныхъ, и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ удостовѣряютъ разныя государства и городы, которые славою его движимы, во срѣтеніе стекались, и дѣламъ его соотвѣтствующему и великимъ Монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости ли духа приму начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго невозможно было произвести дѣлъ толь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть, и что великій сей мужъ ни отъ кого лучше похваленъ быть не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его изчислитъ, если бы только изчислить возможно было.

И такъ, сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позвитъ, важнѣйшія токмо д ѣ л á его упомянемъ; потомъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя п р е п я т с т в і я; наконецъ его д о б р о д ѣ т е л и, въ таковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

Къ великимъ своимъ намѣреніямъ премудрый Монархъ предусмотрѣлъ за необходимо нужное дѣло, чтобы всякаго рода знаніе распространить въ отечествѣ, и людей, искусныхъ въ высокихъ наукахъ, также художниковъ и ремесленниковъ размножить; о чемъ его отеческое попеченіе хотя прежде сего мною предложено, однако ежели оное описать обстоятельно, то цѣлое мое слово еще къ тому не достанетъ. Ибо неоднократно облетая, на подобіе орла быстропарящаго, Европейскія государства, отчасти повеленіемъ, отчасти важнымъ своимъ примѣромъ побудилъ великое множество своихъ подданныхъ оставить на время отечество, и искусствомъ увѣриться, коль великая происходитъ польза человѣку и цѣлому государству отъ любопытнаго путешествія по чужимъ краямъ Тогда отворились широкія врата великія Россіи; тогда чрезъ границы и пристани, на подобіе прилива и отлива, въ пространномъ Океанѣ бывающаго, то выѣзжающіе для пріобрѣтенія знаній въ разныхъ наукахъ и художествахъ сыны Россійскіе, то приходящіе съ разными искусствами. съ книгами. съ инструментами иностранные, безпрестаннымъ текли движеніемъ. Тогда математическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхованіе вмѣненному, уже одѣянному порфирою, увѣнчанному лаврами и на монаршескомъ престолѣ посаженному, благоговѣйное почитаніе въ освященной Петровой особѣ приносилось. Таковымъ сіяніемъ величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли намъ пользу, доказываетъ избыточествующее изобиліе многоразличныхъ нашихъ удовольствій, которыхъ прежде великаго Россіи просвѣтителя предки наши не токмо лишались, но о многихъ и понятія не имѣли. Коль многія нужныя вещи, которыя прежде изъ дальнихъ земель съ трудомъ и за великую цѣну въ Россію приходили, нынѣ внутрь государства производятся и не токмо насъ довольствуютъ, но избыткомъ своимъ и другія земли снабдѣваютъ. Похвалялись нѣкогда окрестные сосѣди наши, что Россія, государство великое, государство сильное, ни военнаго дѣла, ни купечества безъ ихъ спомоществованія надлежащимъ образомъ производить не можетъ, не имѣя въ нѣдрахъ своихъ не токмо драгихъ металловъ для монетнаго тисненія, но и нужнѣйшаго желѣза къ пріуготовленію оружія, съ чѣмъ бы стать противъ непріятеля. Изчезло сіе нареканіе отъ просвѣщенія Петрова: отверзты внутренности горъ сильною и трудолюбивою его рукою. Проливаются изъ нихъ металлы, и не токмо внутрь отечества обильно распростираются, но и обратнымъ образомъ,

яко бы заемныя внѣшнимъ народамъ отдаются. Обращаетъ мужественное Россійское воинство противъ непріятеля оружіе, пріуготованное изъ горъ Россійскихъ, Россійскими руками.

/ О семъ для защищенія отечества, для безопасности подданныхъ и для безпрепятственнаго произведенія внутрь государства важныхъ предпріятій, о семъ нужномъ учрежденіи порядочнаго войска, коль великое имѣлъ Великій Монархъ попеченіе, коль стремительное рвеніе, коль рачительное всѣхъ способовъ, всѣхъ путей изысканіе, тому всему когда надивиться довольно не можемъ, возможемъ ли изобразить оное словомъ? / Родитель премудраго нашего героя, блаженныя памяти Великій Государь Царь Алексѣй Михайловичъ, между многими преславными дѣлами, положилъ начало регулярнаго войска, котораго спомоществованіемъ сколько на войнѣ имѣлъ успѣху, свидѣтельствуютъ счастливые его походы въ Польшѣ и пріобрѣтенныя обратно къ Россіи провинціи. Но все его о военномъ дѣлѣ попеченіе съ жизнію пресѣклось. Возвратились старинные безпорядки, и Россійское воинство больше въ многолюдствѣ, нежели въ искусствѣ показать могло свою силу, которая сколько потомъ ослабѣла, явствуетъ изъ бывшихъ тогда противъ Турокъ и Татаръ безполезныхъ военныхъ предпріятій; а болѣе всего изъ необузданныхъ и пагубныхъ стрѣлецкихъ возмущеній, отъ неимѣнія порядочной расправы и расположенія происшедшихъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ кто могъ помыслить, чтобы двѣнадцати лѣтъ отрокъ, отлученный отъ правленія государства, и только подъ премудрымъ покровительствомъ чадолюбивыя своея родительницы отъ злобы защищаемый, между безпрестанными страхами, между копьями, между мечами, на его родственниковъ и доброжелателей и на него самого обнаженными, началъ учреждать новое регулярное войско, котораго могущество въ скоромъ послѣ времени почувствовали непріятели, почувствовали и вострепетали, и которому нынѣ вся вселенная по справедливости удивляется? Кто могъ помыслить, чтобы отъ дѣтской, какъ казалось, игры толь важное, толь великое могло возрасти дѣло? Иные, видя нѣсколько молодыхъ людей со младымъ Государемъ обращающихъ разнымъ образомъ легкое оружіе, разсуждали, что сіе одна ему только была забава, и потому сіи новонабранные люди Потѣшными назывались. Нѣкоторые, имѣя большую прозорливость, и примѣтивъ на юношескомъ лицѣ цвѣтущую геройскую бодрость, изъ очей сіяющее остроуміе, и въ движеніяхъ сановитую поворотливость, размышляли, коль храбраго героя,

коль великаго Монарха могла ужѐ тогда ожидать Россія! Но набрать многіе и великіе полки, пѣхотные и конные, удовольствовать всѣхъ одеждою, жалованьемъ, оружіемъ и прочимъ военнымъ снарядомъ, обучить новому артикулу, завести по правиламъ артиллерію полевую и осадную, къ чему не малое знаніе геометріи, механики и химіи требуется, и паче всего имѣть во всемъ искусныхъ начальниковъ, казалось по справедливости невозможное дѣло: ибо во всѣхъ сихъ потребностяхъ знатный недостатокъ и лишеніе Государевой власти отняли послѣднюю къ тому надежду и малѣйшую вѣроятность. Однако что потомъ послѣдовало? Паче общенароднаго чаянія, противу невѣроятія оставившихъ надежду, и свыше препинательныхъ происковъ и язвительнаго гроптанія самой зависти, загремѣли внезапно новые полки Петровы, и въ вѣрныхъ Россіянахъ радостную надежду, въ противныхъ страхъ, въ обоихъ удивленіе возбудили. Невозможное учинилось возможно чрезвычайнымъ раченіемъ, а паче всего неслыханнымъ примѣромъ. Взирая нѣкогда Сенатъ Римскій на Траяна Кесаря, стоящаго предъ консуломъ для принятія отъ него консульскаго достоинства, возгласилъ: *Тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе!* Какія восклицанія, какіе плески Петру Великому быть долженствовали для его безприкладнаго *) снисхожденія? Видѣли, видѣли отцы наши вѣнчаннаго своего Государя не въ числѣ кандидатовъ Римскаго консульства, но межъ рядовыми солдатами; не власти надъ Римомъ требующаго, но подданныхъ своихъ мановенія наблюдающаго. О вы, мѣста прекрасны, мѣста благополучны, которыя толь чуднымъ зрѣніемъ насладились! О, какъ вы удивлялись дружественному непріятельству полковъ единаго Государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и повинующагося! О, какъ вы удивлялись осадѣ, защищенію и взятію домашнихъ новыхъ крѣпостей, не для настоящія корысти, но ради будущія славы; не для усмиренія сопротивныхъ, но ради ободренія единоплеменныхъ учиненному! Мы нынѣ, озираясь на оныя минувшія лѣта, представляемъ, коль великою любовію, коль горячею ревностію къ Государю воспалялось начинающееся войско, видя его въ своемъ сообществѣ, за однимъ столомъ, тую же пріемлющаго пищу; видя лице его, пылью и пòтомъ покрытое, видя, что отъ нихъ ничѣмъ не разнится, кромѣ того, что въ обученіи и въ трудахъ всѣхъ прилежнѣе, всѣхъ превосходнѣе. Тако-

---

* Безпримѣрнаго.

вымъ чрезвычайнымъ примѣромъ премудрый Государь, происходя по чинамъ съ подданными, доказалъ, что Монархи ничѣмъ такъ величества, славы и высоты своего достоинства приростить не могутъ, какъ подобнымъ сему снисхожденіемъ. Таковымъ поощреніемъ укрѣпилось Россійское воинство, и въ двадцатилѣтнюю войну съ короною Шведскою и потомъ въ другіе походы, наполнило громомъ оружія и побѣдоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое подъ Нарвою сраженіе было неудачливо; но противныхъ преимущество и Россійскаго воинства уступленіе, къ ихъ прославленію и къ нашему уничиженію, больше отъ зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самою вещію *). Ибо хотя Россійское войско было по большей части двулѣтнее, противъ стараго и къ сраженіямъ пріобыкшаго; хотя несогласіе учинилось между нашими полководцами, и злохитрый переметчикъ открылъ непріятелю всѣ обстоятельства нашего стана; и хотя Карлъ вторый-надесять скоропостижнымъ нашествіемъ не далъ времени Россіянамъ построиться: однако они и по отступленіи отняли у непріятеля смѣлость продолжать бой и докончить побѣду; такъ что оставшаяся въ цѣлости Россійская лейбгвардія и не мало прочаго войска за тѣмъ только напасть на непріятеля не отважились, что не имѣли главныхъ предводителей, которыхъ онъ, призвавъ для мирнаго договора, удержалъ, какъ своихъ плѣнниковъ. Того ради гвардія и прочее войско съ оружіемъ, съ военною казною, распустивъ знамена, и ударивъ въ барабаны, въ Россію возвратилась. Что сія неудача больше для показанныхъ несчастливыхъ обстоятельствъ, нежели для неискусства войскъ Россійскихъ приключилась, и что Петрово новое войско уже въ младенчествѣ своемъ могло побѣждать привыкшіе полки противныхъ, доказали въ слѣдующее лѣто, и потомъ многія одержанныя надъ ними преславныя побѣды.

Я къ вамъ обращаю мое слово, нынѣ мирные сосѣди! когда вы сіи похвалы военныхъ дѣлъ нашего героя, когда вы превозносимыя мною побѣды Россійскаго воинства надъ вами услышите, не въ поношеніе, но больше въ честь вашу припишите. Ибо стоять долгое время противъ сильнаго Россійскаго народа, стоять противъ Петра Великаго, противъ мужа, посланнаго отъ Бога на удивленіе вселенныя, и наконецъ быть отъ него побѣжденнымъ, есть славнѣе нежели побѣдить слабые полки подъ худымъ предводительствомъ. По-

*) Въ самомъ дѣлѣ.

читайте по справедливости истинною своею славою храбрость героя вашего Карла, и по согласію всего свѣта утверждайте, что едва-бы кто возмогъ устоять предъ лицемъ его гнѣва, когда бы чудною Божескою судьбою не былъ въ отечествѣ нашемъ противъ его воздвигнуть Петръ Великій. Его храбрые и введеннымъ регулярствомъ устроенные полки воспослѣдовавшими въ скоромъ времени побѣдами доказали, коль горяча ихъ ревность, каково въ военномъ дѣлѣ искусство, пріобрѣтенное отъ премудраго наставленія и примѣра. Оставляя многочисленныя побѣды, которыя Россійское воинство сраженіями числить* пріобыкло, не упоминая великаго множества взятыхъ городовъ и твердыхъ крѣпостей, имѣемъ довольное свидѣтельство въ двухъ главныхъ побѣдахъ, подъ Лѣснымъ и подъ Полтавою. Гдѣ болѣе удивилъ Господь Свою на насъ милость? Гдѣ явственнѣе открылось, коль сильные имѣло успѣхи въ заведеніи новаго войска благословенное начинаніе и ревностное раченіе Петрово? Что сего чуднѣе, что невѣроятнѣе могло воспослѣдовать? Войско, къ регулярству давно пріобыкшее, изъ областей непріятельскихъ дерзостію къ бою приведенное, подъ предводительствомъ славныхъ начальниковъ, въ воинскомъ упражненіи все время положившихъ; войско, всякими снарядами преизобильно снабденное, уклоняется отъ сраженія съ новыми Россійскими полками, числомъ много меньшими. Но они, не дая сопротивнымъ отдохновенія, быстрымъ теченіемъ постигли, сразились, побѣдили; и главной ихъ предводитель съ малыми остатками едва плѣненія избылъ, чтобы принести своему Государю плачевныя вѣсти, которыми хотя онъ сильно возмутился, однако мужественнымъ и стремительнымъ духомъ бодрствуя, еще поощрялся противъ Россіи; еще не могъ увѣриться, чтобы малолѣтнее войско Петрово могло устоять противъ его возмужавшей силы, наступающей подъ его самого предводительствомъ; и надѣясь на дерзостныя обнадеживанія безсовѣстнаго Россіи измѣнника,** не усомнѣлся вступить въ украинскіе предѣлы нашего отечества. Обращалъ высокомѣрными размышленіями Россію, и весь Сѣверъ чаялъ ужѐ быть подъ ногою своею. Но Богъ, въ награжденіе трудовъ неусыпныхъ, воздалъ Петру совершенною побѣдою надъ симъ презрителемъ его раченій, который противу своего чаянія, не токмо очевиднымъ былъ свидѣтелемъ невѣроятныхъ

* Срав. оду 1747 г., строфу 3-ю.

** Мазепы.

героя нашего въ военномъ дѣлѣ успѣховъ, но и бѣгствомъ своимъ не могъ избѣгнуть мечтающейся въ мысляхъ стройной храбрости Россійской.

Толь знатными побѣдами прославивъ съ собою Великій Монархъ во всемъ свѣтѣ свое воинство, наконецъ доказалъ, что онъ сіе больше для нашей безопасности учредить старался. Ибо не токмо узаконилъ, чтобы оное никогда не распускать, ниже во время безмятежнаго мира, какъ то при бывшихъ прежде государяхъ, не рѣдко къ немалому упадку могущества и славы отечества, происходило, но и содержать всегда въ исправной готовности. О истинное отеческое попеченіе! Многократно напоминалъ онъ своимъ ближнимъ вѣрнымъ подданнымъ, иногда со слезами прося и цѣлуя, чтобы толь великимъ трудомъ и столь чуднымъ успѣхомъ предпріятое обновленіе Россіи, а паче военное искусство не было послѣ него въ нерадѣніи оставлено. И въ самое то всерадостное время, когда благословилъ Богъ Россію славнымъ и полезнымъ миромъ со Шведскою короною, когда усердныя поздравленія и должные ему титулы: *Императора*, *Великаго*, *Отца Отечества*, приносились, не преминулъ подтвердить публично Правительствующему Сенату, что надѣясь на миръ, не надобно ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ. Не симъ ли назнаменовалъ ясно, что ему сіи высокіе титулы не были пріятны, безъ наблюденія и содержанія впредь завсегда регулярнаго войска?

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія и обученіе свое съ побѣдами соединившія, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели; посмотримъ тамъ дѣла Господни и чудеса его въ глубинѣ, Петромъ показанныя и свѣтъ удивившія.

Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не отвсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы* поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные Россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонутъ вóлны подъ тягостью Россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышущіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли, въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ, достигнувъ спокойнаго пристанища, плаватель, удаленныхъ странъ избытки

---

* Границы.

выгружаетъ, къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы * къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ для приращенія могущества и славы Россійской; индѣ другой Тифисъ** между сражающимися горами плыть дерзаетъ, со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуду толикая слава и сила Россійскихъ флотовъ, по толь многимъ морямъ въ краткое время распространилась? откуда матеріи? откуда искусство? откуда махины и орудія, нужныя въ толь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, если бы такое невѣроятное и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло, въ отдаленной древности приключилось и не было бъ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что нельзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ Петръ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ не утомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искусствомъ: дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности, и ни отъ кого излишества свыше силъ не потребовать: подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только его проницательныя мысли, или трудолюбивыя руки могли упраздниться!*** Съ того самаго времени, когда онаго, вещію малаго ботика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣтеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ, и на морской глубинѣ показать Россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума своего силы во всѣ важнаго сего предпріятія части, которыя разсматривая, увѣрился, что въ толь трудномъ

---

* См. прим. на стр. 52-й.

** Одинъ изъ гигантовъ.

*** Упражниться.

дѣлѣ успѣховъ имѣть не возможно, ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что Великій Государь предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ Московскихъ, когда нашъ герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присутствіи всего Царскаго дома, при знатныхъ чинахъ Россійскаго государства, и при знатномъ собраніи дворянства, то радующихся, то повреждения здравію его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копая рвы и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ Государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый учитель и просвѣтитель. Но вящее возбудилъ удивленіе, вящее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда сначала на малыхъ водахъ Московскихъ, потомъ на большой ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился на время изъ своего государства, и сокрывъ величество своея особы между простыми работниками, въ чужой землѣ корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу прилучившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ Россіянинъ толь скоро не токмо простой плотнической работѣ научился, не токмо ни единой части къ строенію и сооруженію кораблей нужной не оставилъ, которой бы своими руками не умѣлъ сдѣлать; но и въ морской архитектурѣ толикое пріобрѣлъ искусство, что Голландія не могла уже удовольствовать его глубокаго понятія. Потомъ коль великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдали, что не простой то былъ Россіянинъ; но самъ толь великаго государства обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ, рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы, руки. Но только ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и въ Британіи достигъ совершенной теоріи и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ Великій Государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ! Я вами свидѣтельствуюсь великія Россійскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь счастливые берега, освященные Петровыми стопами и потомъ его орошенные. Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ составленію корабля пріуготованные члены не рѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложеніемъ руки́ его

къ скорому теченію устремлялись, и оживленное примѣромъ его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершали великія громады! Коль чуднымъ и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждались стекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались; когда неусыпный ихъ основатель и строитель многократно то на верху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и усмотренные недостатки исправлялъ повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ своихъ поспѣшнымъ искусствомъ. Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ баснословная древнихъ поспѣшность, не вымыслами, но правдою, во дни Петровы показалась!

Коль радостны были великому Государю толикіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства, раченіемъ его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ собою, но и безчувственному дереву показалъ преславный знакъ благодарности. Покрываются Невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ береги великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышущихъ махинъ. Какое счастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтеніе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику! но въ новомъ и сильномъ первенствующему флотѣ. Представивъ его величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и купно онаго* малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи и неутомимой въ совершеніи бодрости Петровой.

Превосходенъ на землѣ, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ Великій нашъ защитникъ!

Отъ краткаго сего и часть нѣкоторую трудовъ его содержащаго изчисленія уже чувствую утомленіе, слушатели; но великое и пространное похвалъ его вижу поле предъ собою! И такъ, дабы къ совершенію теченія слова моего силы и опредѣленнаго времени достало, употреблю возможную поспѣшность.

---

* Т. е. ботика.

Къ основанію и произведенію въ дѣйство толь великой морской и сухопутной силы, сверхъ сего къ строенію новыхъ городовъ, крѣпостей, пристаней, къ сообщенію рѣкъ великими каналами, къ укрѣпленію нограничныхъ линій валами, къ долговременной войнѣ, къ толь частымъ и дальнимъ походамъ, къ строенію публичныхъ и приватныхъ зданій новою архитектурою, къ сысканію искусныхъ людей и всѣхъ другихъ способовъ для распространенія наукъ и художествъ, на содержаніе новыхъ чиновъ придворныхъ и штатскихъ, коль великая казна требовалась, всякому ясно представить можно, и разсудить, что къ тому не могли достать доходы Петровыхъ предковъ. Того ради премудрый Государь крайнее приложилъ стараніе, какъ бы внутренніе и внѣшніе государственные сборы умножить безъ народнаго разоренія. И по врожденному своему просвѣщенію усмотрѣлъ, что не токмо казнѣ великая прибыль воспослѣдуетъ, но и общее подданныхъ спокойство и безопасность единымъ учрежденіе утвердятся. Ибо когда еще не было число всего Россійскаго народа и каждаго человѣка жилище извѣстно, своевольство не пресѣчено, каждому, куда хочетъ, преселиться и странствовать по своему произволенію не запрещалось; наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою; дороги и великія рѣки не рѣдко запирались злодѣйствомъ воровъ и цѣлыми полками душегубныхъ разбойниковъ, отъ которыхъ не токмо села, но и городы разорялись. Превратилъ премудрый герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилежаніе, разорителей въ защитниковъ; когда изчислилъ подданныхъ множество, утвердилъ каждаго на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣстную подать*, чрезъ что умножилось и учинилось извѣстное количество казеннныхъ внутреннихъ доходовъ, и число людей въ наборахъ; умножилось прилежаніе и строгое военное ученіе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обстоятельствахъ остались вредными грабителями, принудилъ готовыми быть къ смерти за отечество.

Сколько другія, къ сему служащія премудрыя учрежденія спомоществовали, о томъ умалчиваю: упомяну о приращеніи внѣшнихъ доходовъ. Всевышняго промыслъ споспѣшествовалъ добрымъ намѣреніямъ и раченіямъ Петровымъ; отворилъ рукою его новыя пристани на Варяжскомъ морѣ** при городахъ, храбростію его покоренныхъ и

* Петръ преобразовалъ податную систему изъ подворной въ подушную.

** Варяжское море—Балтійское.

собственнымъ трудомъ воздвигнутыхъ. Совокуплены великія рѣки для удобнѣйшаго проходу Россійскаго купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческіе договоры съ разными народами. И такъ, прирастая внутрь и внѣ довольство, сколько вспомоществовало, явствуетъ изъ самаго начала сихъ учрежденій. Ибо продолжая двадцать лѣтъ трудную войну, Россія отъ долговъ была свободна.

Что жъ? уже ли всѣ великія дѣла Петровы изображены слабымъ моимъ начертаніемъ? О, коль много еще размышленію, голосу и языку моему труда остается! Я вамъ, слушатели, я вашему знанію препоручаю, коль много требовало неусыпности основаніе и установленіе правосудія, учрежденіе Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода, государственныхъ коллегій, канцелярій и другихъ мѣстъ присутственныхъ съ узаконеніями, регламентами, уставами; расположеніе чиновъ, заведеніе внѣшнихъ признаковъ,* для оказанія заслугъ и милости; наконецъ политика, посольства и союзы съ чужими державами. Вы все сіе сами въ просвѣщенныхъ Петромъ умахъ вашихъ представьте. Мнѣ только остается предложить едино краткое всего изображеніе. Когда бы прежде начала Петровыхъ предпріятій приключилось отлучиться кому изъ Россійскаго отечества въ отдаленныя земли, гдѣ бы его имя не загремѣло, буде такая земля есть на свѣтѣ; потомъ бы возвратясь въ Россію, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанія и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру съ домашними украшеніями, новое строеніе крѣпостей, новый флотъ и войско; всѣхъ сихъ не токмо иной образъ, но и теченіе рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну: что бъ тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудить иначе, какъ, что онъ былъ въ странствованіи многіе вѣки; либо все то учинено въ толь краткое время общими силами человѣческаго рода; или творческою Всевышняго рукою; или наконецъ все мечтается ему въ сонномъ привидѣніи.

Изъ сего моего почти тѣнь едину Петровыхъ славныхъ дѣлъ показующаго слова видѣть можно, коль они велики! Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препятствіяхъ бывшихъ на пути исполинскаго его теченія? Больше похвалу его возвысили! Подвержено таковымъ перемѣнамъ состояніе человѣческое, что изъ благополучныхъ противныя, изъ противныхъ благополучныя слѣдствія раж-

* Мундиры, ордена.

даются. Что приращенію нашего благополучія могло быть сего противнѣе, когда Россію обновляющему Петру и купно отечеству извнѣ нападенія, извнутрь огорченія, отовсюду опасности грозили и пагубныя слѣдства пріуготовлялись? Война дѣла домашнія, домашнія дѣла войну отягощали, которая еще прежде начала своего начала быть вредительна. Подвигнулся великій Государь изъ отечества съ великимъ посольствомъ видѣть Европейскія государства, познать ихъ преимущества, дабы возвратясь, употребить ихъ въ пользу своихъ подданныхъ. Только лишь прешелъ владѣнія своего предѣлы, вездѣ ощутилъ великія и тайно поставленныя препоны. Однако оныхъ, какъ по всему свѣту извѣщенныхъ, нынѣ не упоминаю. Мнѣ кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность, приближающуюся къ Россійской надеждѣ. Чувствовали струи Двинскія, и будущему своему повелителю, между густымъ льдомъ, къ спасенію отъ устроенныхъ коварствъ, стезю открыли, и преодолѣнныя имъ опасности Балтійскимъ берегамъ разливаясь возвѣстили. Избывъ отъ опасности, поспѣшалъ въ радостномъ пути своемъ, довольствуя очи и сердце и обогащая разумъ. Но ахъ! Неволею пресѣкаетъ свое преславное теченіе. Какую имѣлъ самъ съ собою распрю! Съ одной стороны влечетъ любопытство и знаніе, отечеству нужное: съ другой стороны само бѣдствующее отечество, которое къ нему, къ единому своему упованію, простерши руки, восклицало: «Возвратися, поспѣшно возвратися: меня терзаютъ внутрь измѣнники! Ты странствуешь для моего блаженства: со благодареніемъ признаваю, но прежде укроти свирѣпыхъ! ты разстался со своимъ домомъ, со своими кровными, для приращенія моей славы; съ усердіемъ почитаю; но успокой опасное нестроеніе! оставилъ данный тебѣ отъ Бога вѣнецъ и скипетръ, и простымъ видомъ скрываешь лучи своего величества для моего просвѣщенія: съ радостною надеждою того желаю, но отврати мрачную грозу неспокойства съ домашняго горизонта». Такими движеніями сердца проницаясь, возвратился для утоленія страшныя бури!

Таковыя противности воспящали * герою нашему въ славныхъ подвигахъ! Коль многими отвсюду окруженъ былъ непріятелями! Извнѣ воевала Швеція, Польша, Крымъ, Персія, многіе восточные народы, Оттоманская Порта; извнутрь стрѣльцы, раскольники, казаки, разбойники. Въ домѣ отъ самыхъ ближнихъ, отъ своей крови зло-

---

* Препятствовали.

дѣйства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь его пріуготовлялись. Что все подробно описать трудно и слушать не безболѣзненно! Къ радости въ радостное время обратимся. Помогъ Всевышній Петру преодолѣть всѣ тяжкія препятствія и Россію возвысить.

Споспѣшествовалъ его благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительству, трудолюбію. Усердіе и вѣра къ Богу во всѣхъ его предпріятіяхъ извѣстна; первое его веселіе былъ домъ Господень; не слушатель токмо предстоялъ божественной службѣ, но самъ чиноначальникъ. Умножилъ вниманіе и благоговѣніе предстоящихъ своимъ Монаршескимъ гласомъ и внѣ государскаго мѣста съ простыми пѣвцами на ряду стоялъ передъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ его благочестія; но одинъ нынѣ довлѣетъ. Выѣзжая въ срѣтеніе тѣлу святаго и храбраго Князя Александра, благоговѣнія исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ струи Невскія. Чудное видѣніе! Гребутъ кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляетъ, и къ простыхъ людей труду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки простираетъ, вѣры ради ею укрѣпляясь, избылъ многократно стремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою его силою свыше въ день Полтавскія брани, и не допустилъ къ ней прикоснуться смертоносному металлу! Разсыпалъ передъ нимъ, какъ нѣкогда Ерихонскую, Нарвскую стѣну не во время ударовъ изъ огнедышущихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестіемъ одарилъ Богъ несравненно премудростію. Какая важность въ разсужденіяхъ, безпритворная въ словахъ краткость, въ изображеніяхъ точность, въ произношеніи сановитость, жадность къ познанію, прилежное вниманіе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ, въ очахъ и на всемъ лицѣ разума постоянство. Чрезъ сіи Петровы дарованія приняла новый видъ Россія: основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы нѣкоторыхъ державъ противъ нашего отечества, и государямъ—иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая непріятельми корона. Изо всего предреченнаго довольно явствующей, свыше влiянной ему премудрости, споспѣшествовало его геройское мужество: оною удивилъ вселенную, симъ устрашилъ противныхъ. Въ самомъ своемъ нѣжномъ младенчествѣ показалъ при военныхъ обученіяхъ безстрашіе. Когда всѣ смотрители новаго дѣла, метанія бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались поврежденія, младый Государь въ близости смотрѣть всѣми

силами порывался, и слезами своея родительницы, прошеніемъ братнимъ и знатныхъ персонъ моленіемъ едва былъ одержанъ. Странствуя въ чужихъ государствахъ для ученія, коль многія презиралъ опасности для обновленія Россіи! Плаваніе по непостоянной морской пучинѣ служило ему вмѣсто увеселенія. Коль много кратъ морскія волны, возвышая гордые верхи свои, непревратной смѣлости были свидѣтели, быстро текущимъ флотомъ разсѣкаемы, въ корабли ударяли, и съ ярымъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху металломъ въ едину опасность совокуплялись, его не устрашили! Кто безъ ужаса представить можетъ летящаго по полямъ Полтавскимъ въ устроенномъ къ бою своемъ войскѣ Петра, между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ свой, и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго. И ты, знойная Персія, ни быстрыми рѣками, ни топучими болотами, ни стремпинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препятить нашествію нашего героя, не могла удержать торжественнаго въѣзда въ наполненные потаеннымъ оружіемъ и лукавствомъ городы.

Больше примѣровъ о геройскомъ его духѣ для краткости не предлагаю, слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ, въ его присутствіе и его предводительствомъ бывшихъ: но представляю его великодушіе, великимъ героямъ сродное, которое украшаетъ побѣды, и больше движетъ сердца человѣческія, нежели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣетъ участіе храбрость воиновъ, споможеніе союзниковъ, мѣста и времени удобность, и больше всего присвояетъ себѣ счастіе, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителеву все принадлежитъ единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣютъ въ ней ни воины, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человѣческими счастіе ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любитъ сердце наше. Таковъ былъ великій нашъ защитникъ. Отлагалъ гнѣвъ свой купно со оружіемъ, и не токмо изъ непріятелей никто живота лишенъ не былъ, какъ только противъ его ополченный; но и безприкладная честь имъ показана. Скажите, Шведскіе военачальники, подъ Полтавою плѣненные, что вы тогда помышляли, когда, ожидая связанія, препоясаны были поднятыми противъ насъ мечами своими; ожидая посажденія въ темницы, посаждены были за столомъ побѣдительскимъ; ожидая посмѣянія,

поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряжено есть правосудіе. Первое званіе постановленныхъ отъ Бога на землѣ обладателей есть управляти міръ въ преподобіи и правдѣ, награждать заслуги, наказывать преступленія. Хотя военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку много препятствовали Великому Государю установить во всемъ непремѣнные и ясные законы; однако сколько на то трудовъ его положено, несомнѣнно удостовѣряютъ многіе указы, уставы и регламенты, которыхъ составленіе многочисленные дни отдохновенія, многочисленныя ночи сна его лишило. Докончать и привести къ совершенству судилъ Богъ подобной таковому родителю дщери въ безмятежное и благословенное ея владѣніе.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства; однако въ сердцѣ его написано было правосудіе. Хотя не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось. При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, когда многимъ его дѣламъ препятствующія злодѣянія къ строгости принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ. Простивъ многихъ знатныхъ особъ за тяжкія преступленія, объявилъ свою сердечную радость пріятіемъ ихъ къ столу своему и пушечною пальбою. Не отягощаетъ его казнь стрѣлецкая. Представьте себѣ и помыслите, что ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что своя опасность въ сердцѣ говорила: «Пролита неповинная кровь по домамъ и по улицамъ Московскимъ, плачутъ вдовы, рыдаютъ сироты, воютъ жены и дѣвицы, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и острое оружіе было къ сердцу моему приставлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся; я внѣ града странствовалъ. Нынѣ полезное мое путешествіе пресѣкли, вооружаясь явно противъ отечества. За все сіе ежели не отомщу, и конечной пагубы не пресѣку казнію: уже вижу напередъ площади наполнены труповъ, расхищаемы домы, разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ сторонъ объемлему пламенемъ, и любезное отечество повержено въ дыму и въ пеплѣ. Всѣ сіи пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ взыщетъ». Такого, конечно, правосудія наблюденіе принудило его къ строгости.

Ничѣмъ не могу я больше доказать его милостиваго и кроткаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительствомъ къ его подданнымъ.

10*

Превосходенъ дарованіями, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ подданными своими просто обращался, не имѣя великаго и Монаршеское присутствіе показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. Многихъ прежде государей раби на плечахъ, на головахъ своихъ носили: * его снисхожденіе превознесло выше самихъ государей. Во время самаго веселія и отдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла веселія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! Какое увеселеніе за столомъ его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ какъ съ друзьями; и сколько время стола малымъ числомъ пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межъ толь многими государственными попеченіями жилъ какъ съ пріятелями въ прохлажденіи. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ свое Величество; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ! Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ! Ибо онъ привлекалъ въ томъ больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя, правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли, и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Что жъ его путешествія, или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, Южная Двина и Полночная,** Днѣпръ, Донъ, Вол-

---

* У Плинія. Illos ergo humeri cervicesque servorum super ora nostra; te fama, te gloria...

** Сѣверная Двина.

га, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза,* Ренъ и прочія скажите, сколь многократъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите! я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ; такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню Великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей, великими названныхъ. И правда, предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на землѣ воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ, но къ землѣ пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Кому

---

* Тѐмза.

жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я:* каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ, ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

За великія къ отечеству заслуги названъ онъ отцемъ отечества. Однако малъ ему титулъ. Скажите, какъ его назовемъ за то, что онъ родилъ дщерь всемилостивѣйшую Государыню нашу, которая на отеческій престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила!

Услыши насъ Боже, награди Господи! За великіе труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слезы, за воздыханіе, которыя двѣ сестры, двѣ дщери Петровы, разлучаясь проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россіи благодѣянія, награди долгоденствіемъ и потомствомъ.

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: дщерь твоя царствуетъ; внукъ наслѣдникъ; правнукъ по желанію нашему родился; мы тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены: ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

---

* У Плинія: Saepe ego mecum tacitus agitavi, qualem quantumque esse oporteret, cujus ditione nutuque maria, terra, pax, bella gererentur; quum interea singenti formantique mihi principem, quem aequata diis immortalibus potestas deceret, nunquam voto saltem concipere succurrit similem huic, quem videmus.

РАЗСУЖДЕНІЯ.

О ПОЛЬЗѢ
книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ (1755 г.) †

Въ древнія времена, когда Славенскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены для невѣдѣнія * многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ, тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего пріобрѣтено купно съ Греческимъ христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ Греческаго

---

† Разсужденіе это составляетъ часть обширнаго труда, задуманнаго Ломоносовымъ, но не приведеннаго въ исполненіе. Оно примыкаетъ къ его занятіямъ русскою грамматикой. Въ собственноручной его запискѣ сохранился любопытный планъ этихъ занятій: Филологическія изслѣдованія и показанія, къ дополненію грамматики надлежащія:

1. О сходствѣ и перемѣнахъ языковъ.
2. О сродныхъ языкахъ Россійскому.
3. О Славенскомъ церковномъ языкѣ и о нынѣшнихъ діалектахъ (вѣроятно—«разсужд. о пользѣ кн. церк.»)
4. О простонародныхъ словахъ.
5. О преимуществахъ Россійскаго языка.
6. О чистотѣ.
7. О красотѣ.
8. О синонимахъ.
9. О новыхъ Россійскихъ реченіяхъ.
10. О чтеніи старинныхъ книгъ и о реченіяхъ нестеровскихъ, новгородскихъ...
11. О лексиконѣ.
12. О переводахъ.»

* Вслѣдствіе незнанія.

языка на Славенскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила Эллинскаго слова коль высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ Эллинскомъ языкѣ героевъ, витійствовали великіе христіанскія церкви учители и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣція къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на Славенскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцевъ каноновъ видимъ въ Славенскомъ языкѣ Греческаго изобилія, и оттуду умножаемъ довольство Россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію Греческихъ красотъ посредствомъ Славенскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны: однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прекословить, что съ начала переводившіе съ Греческаго языка на Славенскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ Греческихъ, Славенскому языку странныхъ; * однако оныя чрезъ долготу времени слуху Славенскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. И такъ, что предкамъ нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ Россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки, преклонясь издавна въ Католицкую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на Латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большой части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ Греческаго пріобрѣтены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ Латинскій. Но какъ Нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротивъ того въ Католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ Нѣмецкаго языка не находимъ.

---

* Чуждыхъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности; такъ и Россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени: *высокій*, *посредственный* и *низкій*. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ обще употребительны, напримѣръ: *Богъ*, *слава*, *рука*, *нынѣ*, *почитаю*. Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: *отверзаю*, *Господень*, *насажденный*, *взываю*. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю*, *рясны*, *овогда*, *свѣне** и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славенскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: *говорю*, *ручей*, *который*, *пока*, *лишь*. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить не пристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій, раждаются три штиля: высокій, посредственный и низкій. Первый составляется изъ реченій Славенороссійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ Славенскихъ, Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны героическія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ Россійскій языкъ передъ многими нынѣшними Европейскими, пользуясь языкомъ Славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія Славенскія, въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе Славенское положено будетъ подлѣ Россійскаго

---

* Обаваю—околдовываю, рясны—украшенія, овогда—иногда, свѣне—кромѣ.

простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги и элегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ Славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ Славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матеріи, каковы суть комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочраго наставленія о чистотѣ Россійскаго штиля.

Сколько въ высокой поэзіи служатъ однимъ реченіемъ Славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ Россійскомъ языкѣ неупотребительными, то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы. Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика, однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки; и сіе во первыхъ по мѣсту:

Народъ Россійскій, по великому пространству обитающій, не взирая на дальнее разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, Баварскій крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго, или Бранденбургскій Швабскаго, хотя всѣ того жъ Нѣмецкаго народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами Славенскаго поколѣнія, которые Греческаго исповѣданія держатся. Ибо хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками; однако для употребленія Славенскихъ книгъ церковныхъ, говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели Польскій, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По времени жъ разсуждая, видимъ, что Россійскій языкъ отъ владѣнія Владимірова до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было: не такъ какъ многіе народы не учась не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны, случившейся черезъ то время.

Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ Славенскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ Славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ коренняго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и то еще чрезъ Латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется, и Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь Россійская славословіемъ Божіимъ на Славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое напоминаніе довольно къ движенію ревности въ тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей не мало затмится слава всего народа. Гдѣ древній языкъ Ишпанскій, Гальскій, Британскій и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о тѣхъ, которые въ прочихъ частяхъ свѣта у безграмотныхъ жителей во многіе вѣки чрезъ преселенія и войны разрушились. Бывали и тамъ герои, бывали отмѣнныя дѣла въ обще-

ствахъ, бывали чудныя въ натурѣ явленія; но все въ глубокомъ невѣдѣніи погрузились. Горацій говоритъ:

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла ихъ отъ насъ:
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ. *

Счатливы Греки и Римляне передъ всѣми древними Европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ, слышенъ громкій голосъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ героевъ, которыхъ люблeніемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздніе потомки, великою древностію и разстояніемъ мѣстъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ ревенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину? Возможно ли внимать Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель?

Подобное счастіе оказалось нашему отечеству отъ просвѣщенія Петрова, и дѣйствительно настало и основалось щедротою Великія его дщери. Ею ободренныя въ Россіи словесныя науки не дадутъ никогда придти въ упадокъ Россійскому слову. Станутъ читать самые отдаленные вѣки великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣку, и равно, какъ мы чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Гораціямъ? Царствуетъ Августа Елисавета; имѣетъ знатныхъ и Меценату подобныхъ предстателей, чрезъ которыхъ ходатайство ея отеческій градъ снабденъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса, веселится своимъ симъ украшеніемъ и показываетъ оное всѣмъ городамъ Россійскимъ, какъ вѣчный залогъ усердія къ отечеству своего основателя, на котораго бодрое попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ Россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ.

---

*) Vixere fortes ante Agamemnona
Multi; sed omnes illachrymabiles
Urgentur, ignotique longa
Nocte, carent quia vate sacro.

ПИСЬМО

о правилахъ Россійскаго стихотворства. †

Почтеннѣйшіе господа!

Ода, которую вашему разсужденію вручить нынѣ высокую честь имѣю, не что иное есть, какъ только превеликія оныя радости плодъ, которую непобѣдимѣйшія нашея Монархини преславная надъ непріятелями побѣда въ вѣрномъ и ревностномъ моемъ сердцѣ возбудила. Моя продерзость васъ неискуснымъ перомъ утруждать только отъ усердныя къ отечеству и его слову любви происходитъ. Подлинно, что для скудости къ сему предпріятію моихъ силъ лучше бы мнѣ молчать было. Однако не сомнѣваясь, что ваше сердечное радѣніе къ распространенію и исправленію Россійскаго языка, и мое въ семъ неискусство и въ Россійскомъ стихотворствѣ недовольную способность извинитъ, а доброе мое намѣреніе за благо приметъ, дерзнулъ наималѣйшій сей мой трудъ, купно со слѣдующимъ *о нашей версификаціи вообще разсужденіемъ*, вашему предложить искусству. Не пристрастіе меня къ сему понудило, чтобы большее искусство имѣющимъ правила давать: но искреннее усердіе заставило отъ васъ самихъ научиться, правдивы ли оныя мнѣнія, что я о нашемъ стихо-

---

† Письмо обращено къ Росс. Истор. Собранію и прислано изъ Фрейберга вмѣстѣ съ одою на взятіе Хотина. Въ немъ есть любопытныя извѣстія о томъ, какъ Ломоносовъ принялся за писаніе тоническихъ стиховъ. Теорія стихосложенія, предложенная здѣсь, расходилась съ теоріей Тредіаковскаго. Тредіаковскій говоритъ: „Въ прошломъ 1740 годѣ, будучи въ Фрейбергѣ, студентъ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ, что нынѣ адъюнктомъ при Академіи, прислалъ оттуда въ Академію наукъ письмо, которымъ онъ опровергалъ правила, положенныя отъ меня, а свои вмѣсто тѣхъ представилъ. Для защищенія своихъ правилъ принужденъ я былъ отвѣтствовать ему туда“.... (Отвѣтъ не былъ посланъ).

сложеніи имѣю, и по которымъ донынѣ, стихи сочиняя, поступаю. И такъ, начиная оное вамъ, мои господа, предлагать, прежде кратко объявляю, на какихъ я основаніяхъ оныя утверждаю.

Первое и главнѣйшее мнѣ кажется быть сіе: Россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма не свойственно, изъ другихъ языковъ не вносить.

Второе: чѣмъ Россійскій языкъ изобиленъ, и что въ немъ къ версификаціи угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой нибудь рѣчи, или на небреженіе въ оной находящихся стихотворцевъ, не отнимать, но какъ собственное и природное употреблять надлежитъ.

Третіе: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугоднаго не ввести, а хорошаго не оставить, надобно смотрѣть, кому и въ чемъ лучше послѣдовать.

На сихъ трехъ основаніяхъ утверждаю я слѣдующія правила:

Первое: въ Россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила,* а прочіе всѣ коротки. Сіе самое природное произношеніе намъ очень легко показываетъ. Того ради совсѣмъ худо, и свойству Славенскаго языка, который съ нынѣшнимъ нашимъ не много разнится, противно учинилъ Смотрицкій, когда онъ е, о, за короткія, а, і, ѵ, за общія; и, ѣ, ω, съ нѣкоторыми двугласными и со всѣми гласными, что предъ двумя или многими согласными стоятъ, за долгія почелъ. Его, какъ изъ перваго параграфа его просодіи видно, обманула Матвѣя Стриковскаго** «Сарматская Хронологія», или онъ, можетъ быть, на сихъ Овидіевыхъ стихахъ утверждался: de Ponto Lib. IV. Eleg. 13,

Ah pudet, et Getico scripsi sermone libellum;
Structaque sunt nostris barbara verba modis
Et placui, gratare mihi, coepique poetae
Inter inhumanos nomen habere Getas.

Ежели Овидій, будучи въ ссылкѣ въ Томахъ, старинны́мъ Славенскимъ, или Болгарскимъ, или Сарматскимъ языкомъ стихи на Латинскую стать писалъ, то откуду Славенскія грамматики автору на умъ пришло долгость и краткость слоговъ совсѣмъ Греческую, а не Латинскую принять, не вижу. И хотя Овидій въ своихъ стихахъ,

* Т. е. удареніе.
** Польскій историкъ.

по обыкновенію Латинскихъ стихотворцевъ, стопы, и, сколько изъ сего гексаметра:

Materiam quaeris? laudes de Cesare dixi,
(*ibidem*.)

заключить можно, двоесложныя и троесложныя въ героическомъ своемъ поэматѣ употреблялъ: однако толь высокаго разума піита, не надѣюсь, что такъ погрѣшилъ, чтобы ему долгость и краткость слоговъ, Латинскому или Греческому языку свойственную, въ оные стихи ввести, которые онъ на чужомъ и весьма особливомъ языкѣ писалъ. И ежели древній оный языкъ отъ нынѣшняго нашего не очень былъ различенъ, то употреблялъ остроумный тотъ стихотворецъ въ стихахъ своихъ не иныя, какъ только тѣ за долгіе слоги, на которыхъ акцентъ* стоитъ, а прочіе всѣ за краткіе. Слѣдовательно, гексаметры, употребляя вмѣсто спондеевъ для ихъ малости хореи, тѣмъ же образомъ писалъ, которымъ слѣдующія Россійскія сочинены:

Счастлива красна была весна, все лѣто пріятно,
Только мутился песокъ, лишь бѣлая пѣна кипѣла.

А пентаметры:

Какъ обличаешь, смогри больше свои на дѣла.
Ходишь съ кѣмъ всегда, бойся того подоопнуть.

А не такъ, какъ Славенскія грамматики авторъ:

Сарматски новорастныя музы стопу перву
Тщащуюся Парнассъ во обитель вѣчну заяти,
Христе Царю пріими, и благоволивъ тебѣ съ отцемъ и проч.

Сіи стихи коль Славенскаго языка свойству противны, всякъ видѣть можетъ, кто оный разумѣетъ. Однако не могу я и оныхъ симъ предпочитать, въ которыхъ всѣ односложныя слова за долгія почитаются.** Причина сего всякому Россіянину извѣстна. Кто будетъ протягивать единосложные союзы и многіе во многихъ случаяхъ предлоги? Самыя имена, мѣстоименія, и нарѣчія, стоя при другихъ словахъ, свою силу теряютъ. Напримѣръ: за сто лѣтъ; подъ мостъ упалъ; реветъ какъ левъ. Что ты знаешь? По оному Короллярію, въ которомъ сіе правило счастливо предложено, сочиненные стихи, хотя

* Удареніе.
** Разумѣется Тредіаковскій.

быть гексаметрами, въ истые и изрядные, изъ анапестовъ и хореевъ состоящіе, пентаметры попали, напримѣръ·

˘ ˘ — ˘ — ˘ — ˘ ˘ — ˘ —
Не возможно сердцу, ахъ! не имѣть печали.

По моему мнѣнію, наши единосложныя слова, иныя всегда долги, какъ: *Богъ*, *храмъ*, *святъ*: иныя кратки, напримѣръ, союзы: *же*, *да*, *и*; а иныя иногда кратки, иногда долги; напримѣръ: *на* морѣ, *по* году, *на* волю, *по* горѣ.

Второе правило: во всѣхъ Россійскихъ правильныхъ стихахъ, долгихъ и короткихъ, надлежитъ нашему языку свойственныя стопы опредѣленнымъ числомъ и порядкомъ учрежденныя, употреблять. Оныя каковы быть должны, свойство въ нашемъ языкѣ находящихся словъ оному учитъ. Доброхотная природа какъ во всемъ, такъ и въ оныхъ довольное Россіи дала изобиліе. Въ сокровищѣ нашего языка имѣемъ мы долгихъ и краткихъ реченій неисчерпаемое богатство; такъ что въ наши стихи безъ всякія нужды двоесложныя и троесложныя стопы внести, и въ томъ Грекамъ, Римлянамъ, Нѣмцамъ и другимъ народамъ, въ версификаціи правильно поступающимъ, послѣдовать можемъ. Не знаю, чего бы ради инаго наши гексаметры и всѣ другіе стихи съ одной стороны такъ запереть, чтобы они ни больше, ни меньше опредѣленнаго числа слоговъ не имѣли; а съ другой такую волю дать, чтобы вмѣсто хорея свободно было положить ямба, пиррихія, и спондея; а слѣдовательно, и всякую прозу стихомъ называть, какъ только развѣ послѣдуя на рифмы кончащимся Польскимъ и Французскимъ строчкамъ? Неосновательное оное употребленіе, которое въ Московскія школы изъ Польши принесено, никакого нашему стихосложенію закона и правилъ дать не можетъ. Какъ онымъ стихамъ послѣдовать, о которыхъ правильномъ порядкѣ тѣхъ же творцы не радѣютъ? Французы, которые во всемъ хотятъ натурально поступать, однако почти всегда противно своему намѣренію чинятъ, намъ въ томъ, что до стопъ надлежитъ, примѣромъ быть не могутъ: понеже, надѣясь на свою фантазію, а не на правила, толь криво и косо въ своихъ стихахъ слова склеиваютъ, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они также, какъ и Нѣмцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда имъ въ ротъ кладетъ, какъ видно въ первой строфы оды, которую Боало Депро на сдачу Намура сочинилъ:

Quelle docte et sainte yvresse,
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du permesse etc.

Однако нѣжные тѣ господа, на то не смотря, почти однѣми риѳмами себя довольствуютъ. Пристойнымъ весьма симболомъ Французскую поэзію нѣкто изобразилъ, представивъ оную на театрѣ подъ видомъ нѣкоторыя женщины, что сугорбившись при музыкѣ играющаго на скрыпицѣ Сатира танцуетъ. Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что Россійскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звономъ Греческому, Латинскому и Нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ. Сіе толь долго пренебреженное счастіе чтобы совсѣмъ въ забвеніи не осталось, умыслилъ я наши правильные стихи изъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ стопъ составлять, и отъ тѣхъ, какъ въ вышеозначенныхъ трехъ языкахъ обыкновенно, онымъ имена дать.

Первый родъ стиховъ называю *ямбическимъ*, который изъ одних только ямбовъ состоитъ:

Бѣлѣетъ будто снѣгъ лицемъ.

Второй *анапестическимъ*, въ которомъ только одни анапесты находятся:

Начертанъ многократно въ бѣгущихъ волнахъ.

Третій изъ *ямбовъ и анапестовъ смѣшеннымъ*, въ которомъ по нуждѣ, или произволенію, поставлены быть могутъ, какъ случится:

Во пищу себѣ червей хватать.

Четвертый *хореическимъ*, что одни хореи составляютъ:

Свѣтъ мой, знаю, что пылаетъ.
Мнѣ моя не служитъ доля.

Пятый *дактилическимъ*, который изъ единыхъ только дактилей состоитъ:

Вьется кругами змія по травѣ, обновившись въ разсѣлинѣ.

Шестой изъ хореевъ и дактилей смѣшенныиъ, гдѣ по нуждѣ, или по изволенію, ту и другую употреблять можно стопу:

Ежель боится, кто не сталъ бы силенъ безмѣрно.

Симъ образомъ расположивъ правильные наши стихи, нахожу шесть родовъ гексаметровъ, столько-жъ родовъ *пентаметровъ*, *тетраметровъ*, *триметровъ* и *диметровъ*, а слѣдовательно всѣхъ тридцать родовъ.

Неправильными и вольными стихами тѣ называю, въ которыхъ вмѣсто ямба или хорея можно пиррихія положить. Оные стихи употребляю я только въ пѣсняхъ, гдѣ всегда опредѣленное число слоговъ быть надлежитъ. Напримѣръ, въ семъ стихѣ вмѣсто ямба пиррихій положенъ:

Цвѣты румянецъ умножайте.

А здѣсь вмѣсто хорея:

Солнева сестра забыла.

Хорея вмѣсто ямба, и ямба вмѣсто хорея въ вольныхъ стихахъ употребляю я очень рѣдко, да и то ради необходимыя нужды, или великія скорости, понеже они совсѣмъ другъ другу противны.

Что до *цезуры* надлежитъ, оную, какъ мнѣ видится, въ срединѣ правильныхъ нашихъ стиховъ употреблять и оставлять можно. Долженствуетъ ли она въ нашемъ гексаметрѣ для одного только отдыху быть неотмѣнно, то можетъ разсудить всякъ по своей силѣ. Тому въ своихъ стихахъ оную всегда оставить позволено, кто однимъ духомъ тринадцати слоговъ прочитать не можетъ. За наилучшіе, велелѣпнѣйшіе и къ сочиненію легчайшіе, во всѣхъ случаяхъ скорость и тихость дѣйствія и состоянія всякаго пристрастія изобразить наиспособнѣйшіе оные стихи почитаю, которые изъ анапестовъ и хореевъ состоятъ.

Чистые ямбическіе стихи хотя и трудновато сочинять; однако, поднимаяся тихо вверхъ, матеріи благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ. Оныхъ нигдѣ не можно лучше употреблять, какъ въ торжественныхъ одахъ, что я въ моей нынѣшней и учинилъ. Очень также способны и падающіе, или изъ хореевъ и дактилевъ состав-

ленные стихи къ изображенію крѣпкихъ и слабыхъ аффектовъ*, скорыхъ и тихихъ дѣйствій, быть видятся. Примѣръ скораго и яраго дѣйствія:

Бревна катайте на верхъ, каменья и горы валите, лѣсъ
Бросайте, живучій выжавъ духъ, задавите.

Прочіе роды стиховъ, разсуждая состояніе и важность матеріи, также очень пристойно употреблять можно, о чемъ подробно упоминать для краткости времени оставляю.

Третіе: Россійскіе стихи красно и свойственно на *мужескія*, *женскія и три литеры гласныя въ себѣ имѣющія риѳмы*, подобныя Италіанскимъ, могутъ кончиться. Хотя до сего времени только однѣ женскія риѳмы въ Россійскихъ стихахъ употребляемы были**, а мужескія и отъ третьяго слога начинающіяся заказаны; однако сей заказъ толь праведенъ и нашей версификаціи такъ свойственъ и природенъ, какъ ежели бы кто обѣими ногами здоровому человѣку всегда на одной скакать велѣлъ. Оное правило начало свое имѣетъ, какъ видно, въ Польшѣ, откуду пришедъ въ Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновенію такъ мало можно послѣдовать, какъ самимъ Польскимъ риѳмамъ, которыя не могутъ иными быть, какъ только женскими: понеже всѣ Польскія слова, выключая нѣкоторыя односложныя, силу на предкончаемомъ слогѣ имѣютъ. Въ нашемъ языкѣ толь же довольно на послѣднемъ и третіемъ, коль надъ предкончаемомъ слогѣ силу имѣющихъ словъ находится: то для чего намъ оное богатство пренебрегать, безъ всякія причины самовольную нищету терпѣть, и только однѣми женскими побрякивать, а мужескихъ бодрость и силу, тригласныхъ устремленіе и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужескія риѳмы толь смѣшны и подлы были, чтобы ихъ только въ комическомъ и сатирическомъ стихѣ, да и то еще рѣдко, употреблять можно было? и чѣмъ бы святѣе сіи женскія риѳмы: *красовуляхъ*, *ходуляхъ*, слѣдующихъ мужескихъ: *востокъ*, *высокъ*, были? По моему мнѣнію, подлость риѳмовъ не въ томъ состоитъ, что онѣ больше или меньше слоговъ имѣютъ; но что оныхъ слова подлое или простое что значатъ.

---

* Страстей.

** Тредіаковскій думалъ, что мужскія риѳмы не свойственны русскому языку.

Четвертое: Россійскіе стихи также кстати красно и свойственно сочетоваться могутъ, какъ и Нѣмецкіе. Понеже мы *мужескія*, *женскія* и *тригласныя* риѳмы имѣть можемъ; то услаждающая всегда человѣческія чувства перемѣна оныя межъ собою перемѣшивать пристойно велитъ, что я почти во всѣхъ моихъ стихахъ чинилъ. Подлинно, что всякому, кто однѣ женскія риѳмы употребляетъ, сочетаніе и перемежка стиховъ странны кажутся; однако ежели бы онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ, что оное толь же пріятно и красно, коль въ другихъ Европейскихъ языкахъ. Никогда бы мужеская риѳма передъ женскою не показалася, какъ дряхлый, черный и девяноста лѣтъ старый арапъ передъ наипоклоняемой, наинѣжною и самымъ цвѣтомъ младости сіяющею Европейскою красавицею.

Здѣсь предлагаю я нѣкоторыя строфы изъ моихъ стиховъ, въ примѣръ стопъ и сочетанія. Тетраметры, изъ анапестовъ и ямбовъ сложенные:

На восходѣ солнце какъ зардится,
Вылетаетъ вспыльчиво хищный встокъ;
Глаза кровавы, самъ вертится;
Удара не сноситъ сѣверъ въ бокъ,
Господство даетъ своему побѣдителю
Пресильныхъ водъ морскихъ возбудителю,
Свои тотъ зыби на прежни возводитъ,
Являетъ полность силы своей,
Что южной страной владѣетъ всей,
Индійски быстро острова проходитъ.

Вольные вставающіе тетраметры:

Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
Однако съ нимъ любовь моя.
Хоть я не самъ тоя причина,
Люблю Миртиллу, какъ себя.

Вольные падающіе тетраметры:

Нимфы около насъ кругами
Танцовали поючи,
Всплескиваючи руками,
Нашей искренней любви
Веселяся привѣчали,
И цвѣтами насъ вѣнчали.

Ямбическіе триметры:

Весна тепло ведетъ,
Пріятный западъ вѣетъ,
Всю землю солнце грѣетъ;
Въ моемъ лишь сердце ледъ,
Грусть прочь забавы бьетъ.

Но, мои господа, опасаяся, чтобы неважнымъ симъ моимъ письмомъ вамъ очень долго не наскучить, съ покорнымъ прошеніемъ заключаю. Ваше великодушіе, ежели мои предложенныя о *Россійской версификаціи мнѣнія* нашему языку несвойственны и непристойны, меня извинитъ. Не съ инымъ коимъ намѣреніемъ я сіе учинить дерзнулъ, какъ только, чтобы оныхъ благосклонное исправленіе или безпристрастное подкрѣпленіе, для большаго къ поэзіи поощренія, отъ васъ получить. Чего несомнѣнно надѣясь, остаюсь,

Почтеннѣйшіе господа!
Вашъ покорнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ

о размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа. †

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Разбирая свои сочиненія, нашелъ я старыя записки моихъ мыслей*, простирающихся къ приращенію общей пользы. По разсмотрѣніи разсудилось мнѣ за благо пространнѣе и обстоятельнѣе сообщить ихъ Вашему Высокопревосходительству, яко истинному рачителю о всякомъ добрѣ любезнаго отечества, въ упованіи, что можетъ быть, найдется въ нихъ что нибудь, къ дѣйствительному поправленію Россійскаго свѣта служащее, что вашимъ проницательствомъ и рачeніемъ разобрано, расположено и къ подлинному исполненію приведено быть можетъ. Всѣ оныя, по разнымъ временамъ замѣченныя порознь мысли приведены быть могутъ, какъ мнѣ кажется, подъ слѣдующія главы:

1. О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа.
2. О истребленіи праздности.
3. О исправленіи нравовъ и о большемъ просвѣщеніи народа.
4. О исправленіи земледѣлія.
5. О исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.

---

† 1-го Ноября, 1761 года, въ день рожденія И. И. Шувалова Ломоносовъ поднесъ ему разсужденіе свое „о сохраненіи и размноженіи Россійскаго народа,“ которое принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ произведеній его пера. Оно обнаруживаетъ въ Ломоносовѣ глубокій государственный умъ. Ломоносовъ думаетъ, что рѣдкость населенія России есть главнѣйшее препятствіе къ ея политическому, общественному и экономическому развитію. Въ этомъ краткомъ разсужденіи онъ предлагаетъ нѣкоторыя мѣры къ увеличенію населенія и къ сохраненію его здравія.

* Ломоносовъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать краткія замѣтки для памяти о тѣхъ предметахъ, которые со временемъ намѣревался разобрать обстоятельно.

6. О лучшихъ пользахъ купечества.

7. О лучшей государственной экономіи.

8. О сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира*.

Сіи толь важныя главы требуютъ глубокаго разсужденія, долговременнаго въ государственныхъ дѣлахъ искусства къ изъясненію, и предосторожной силы къ произведенію въ дѣйство. И такъ, М. Г., извините мою дерзость, что не имѣя къ тому надобной способности, касаюсь толь тяжкому бремени, только изъ усердія, которое мнѣ не позволяетъ ничего (хотя бы только и повидимому) полезнаго обществу оставить подъ спудомъ. Начало сего полагаю самымъ главнымъ дѣломъ: сохраненіемъ и размноженіемъ Россійскаго народа, въ чемъ состоитъ величество, могущество и богатство всего государства, а не въ обширности тщетной—безъ обитателей.

Божественное дѣло, и милосердыя и человѣколюбивыя нашея Монархини кроткаго сердца достойное избавлять подданныхъ отъ смерти, хотя бы иные по законамъ оной и достойны были. Сіе помилованіе есть явное и прямо зависящее отъ ея материнскія высочайшія воли и повелѣнія. Но много есть человѣкоубивства и еще самоубивства, народъ умаляющаго, коего непосредственно указами, безъ исправленія или совершеннаго истребленія нѣкоторыхъ обычаевъ, подъ именемъ узаконеній вкоренившихся, истребить не возможно.

1. (По моему мнѣнію** невѣста жениха должна быть старѣе развѣ только двумя годами, а женихъ старѣе можетъ быть 15-ю лѣтами. Сіе для того, что женщины скорѣе старятся, нежели мужчины. Всего сходнѣе, ежели мужъ жены старѣе отъ 7 до 10 лѣтъ.) Хотя жъ по деревнямъ и показываютъ причины, что женятъ малыхъ

---

* Къ сожалѣнію, Ломоносовъ не успѣлъ разработать всѣхъ перечисленныхъ въ этомъ оглавленіи важныхъ государственныхъ вопросовъ. „На основаніи этого оглавленія (говоритъ Пекарскій), нѣкоторые изслѣдователи положительно говорятъ, что Ломоносовъ непремѣнно написалъ разсужденія подъ такими заглавіями и что они теперь утрачены ....въ настоящее время не отыскано еще ни одного произведенія Ломоносова, которое бы можно было пріурочить, по содержанію и направленію, къ тому же разряду сочиненій, которыя упоминаются въ выше приведенныхъ заглавіяхъ.“

** Первые пять параграфовъ этого письма посвящены разсужденію о бракѣ. Наибольшій вредъ здоровью родителей и дѣтей причиняютъ, по мнѣнію Ломоносова, браки между лицами несоотвѣтствующаго возраста. Нехорошо, когда мужъ много старше жены и наоборотъ.

ребятъ для работницъ, однако все пустошь, затѣмъ что ежели кто семью малую, а много пашенъ или скота имѣетъ, тотъ наймуй работниковъ, прими третьщиковъ или половинщиковъ, или продай другому.

6. Слѣдуютъ сему младенческія болѣзни, изнуряющія и въ смертныя челюсти повергающія начинающуюся жизнь человѣческую, изъ которыхъ * первое и всѣхъ лютѣйшее мученіе есть самое рожденіе. Страждетъ младенецъ не менѣе матери, и тѣмъ только разнится его томленіе, что мать оное помнитъ, не помнитъ младенецъ. Коль же оно велико, изъявляетъ Давидъ Пророкъ, ибо, хотя изобразить ужасныя враговъ своихъ скорби, говоритъ: тамо болѣзни, яко раждающія (сирѣчь женщины)...

Сіе первое есть страданіе, которымъ нерѣдко изъ рожденныхъ живыхъ на весь вѣкъ здравіе повреждается. Сего иначе ничѣмъ неможно отвратить, или хотя нѣсколько облегчить, какъ искус ствомъ повивальныхъ бабокъ и осторожностью беременныхъ. Потомъ слѣдуетъ болѣзнь при выходѣ зубовъ, младенцамъ часто смертоносная, когда особливо падучую болѣзнь съ собою приноситъ. Также грыжи, оспа, сухотка, черви въ животѣ и другія смерти дѣтской причины всѣ требуютъ знанія, какъ лѣчить сіи болѣзни. Для умаленія толь великаго зла совѣтую въ дѣйствіе произвести слѣдующее: 1-е) выбрать хорошія книжки о повивальномъ искусствѣ, и, самую лучшую положивъ за основаніе, сочинить наставленіе на Россійскомъ языкѣ, или сочинивъ на другомъ, перевесть на Россійскій, къ чему необходимо должно присовокупить добрые пріемы Россійскихъ повивальныхъ искусныхъ бабокъ. Для сего, созвавъ выборныхъ, долговременнымъ искусствомъ дѣло знающихъ, спросить каждую особливо и всѣхъ вообще, и что за благо принято будетъ, вмѣстить въ оную книжку. 2-е) Для излѣченія прочихъ дѣтскихъ болѣзней положивъ за основаніе великаго медика Гофмана, который, упражнявшись чрезъ 60 лѣтъ въ докторскомъ званіи, при концѣ жизни писалъ наставленіе о излѣченіи младенческихъ болѣзней, по которому я дочь свою дважды отъ смерти избавилъ, и присовокупивъ изъ другихъ лучшее, соединить съ вышеписанною книжкою о повивальномъ искусствѣ; притомъ не позабыть, что наши бабки и лѣкари съ пользою вообще употребляютъ. 3-е) Въ обоихъ совокупленныхъ сихъ искусствахъ въ одну книжку наблюдать то, чтобы способы и

---

* Т. е. изъ болѣзней.

лѣкарства по большой части нетрудно было сыскать вездѣ въ Россіи за тѣмъ, что у насъ аптеками такъ скудно, что не токмо въ каждомъ городѣ, но и въ знатныхъ великихъ городахъ понынѣ не устроены, о чемъ давно бы должно было имѣть попеченіе; но о семъ особливо представлено будетъ. 4-е) Оную книжку, напечатавъ въ довольномъ множествѣ, распродать во все государство по всѣмъ церквамъ, чтобы священники и грамотные люди, читая, могли сами знать и другихъ наставленіемъ пользовать. По численію умершихъ, по приходамъ учиненному въ Парижѣ, сравнивъ ихъ лѣта, умираютъ въ первые три года столько же почти младенцевъ, сколько въ прочіе, до ста считая. Итакъ, положимъ, что въ Россіи мужеска полу 12 милліоновъ; изъ нихъ состоитъ одинъ милліонъ въ такомъ супружествѣ, что дѣти родятся, положивъ вообще, одинъ въ два года. По сему на каждый годъ будетъ рожденныхъ полмилліона, изъ коихъ въ три года умретъ половина, или еще, по здѣшнему небреженію, и больше, такъ что на всякій годъ достанется смерти въ участіе по сту тысячъ младенцевъ, не свыше трехъ лѣтъ. Не стоитъ ли труда и попеченія нашего, чтобы хотя десятую долю, то есть 10 тысячъ, можно было удобными способами сохранить въ жизни?

7. Доселѣ я о натуральныхъ обстоятельствахъ, младенцамъ вредныхъ; остается упомянуть о поврежденіяхъ, отъ суевѣрія и грубаго упрямства происходящихъ. Попы, не токмо деревенскіе, но и городскіе, крестятъ младенцевъ зимою въ водѣ самой холодной, иногда и со льдомъ, чтобы вода была натуральная, безъ примѣшенія, и вмѣняютъ теплоту за примѣшенную матерію, а не думаютъ того, что лѣтомъ сами же крестятъ теплою водою, по ихъ мнѣнію, смѣшанною... не знаютъ, что и въ самой холодной водѣ еще теплоты очень много: отъ замерзанія въ ледъ принимаетъ вода на себя стужу до 130 гр., да и тутъ можно почесть ее горячею, затѣмъ, что замерзающая ртуть несрáвненно большее разстояніе отъ сего градуса имѣетъ, нежели вода отъ кипятка до замерзанія. Однако.... физику толковать нѣтъ нужды; довольно принудить властію, чтобы всегда крестили водою, лѣтней въ разсужденіи теплоты равною, затѣмъ, что холодная исшедшему недавно изъ теплой матерней утробы младенцу, конечно, вредна, а особливо, который много претерпѣлъ въ рожденіи. Одно погруженіе въ умѣренной водѣ не безъ тягости младенцу, когда мокрота въ глаза, въ уши, въ ноздри, а иногда и въ ротъ вливается; а когда ротъ и ноздри запираетъ попъ рукою, тогда пресѣкается дыханіе

которое недавно лишь получилъ младенецъ. Когда жъ холодная вода со льдомъ охватитъ члены, то часто видны бываютъ признаки падучей болѣзни, и хотя отъ купѣли живъ избавится, однако въ слѣдующихъ болѣзняхъ, кои всякій младенецъ преодолѣть долженъ, а особливо при выходѣ первыхъ зубовъ, оная смертоносная болѣзнь удобнѣе возобновится.—Коль много есть столь несчастливыхъ родителей, кои до 10 и 15 дѣтей родили, а въ живыхъ ни одного не осталось.

8. Бѣдственному младенческому началу жизни слѣдуютъ приключенія, нападающія на здравіе человѣческое въ прочее * оныя теченіе. И во-первыхъ невоздержаніе и неосторожность съ уставленными обыкновеніями, особливо у насъ въ Россіи вкоренившимися и имѣющими видъ нѣкоторой святости. Паче другихъ временъ, пожираютъ у насъ масляница и св. недѣля великое множество народа однимъ только перемѣннымъ употребленіемъ питья и пищи. Легко разсудить можно, что, готовясь къ воздержанію великаго поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ, и частые похороны доказываютъ то ясно. Разговѣнье тому жъ подобно. Да и дивиться не для чего....

Послѣ того приближается Свѣтлое Христово воскресеніе, общая христіанская радость; тогда хотя почти безпрестанно читаютъ и многократно повторяютъ страсти Господни, однако мысли наши уже на св. недѣлѣ. Иной представляетъ себѣ пріятныя и скоромныя пищи, иной думаетъ, поспѣетъ ли ему къ празднику платье, иной представляетъ, какъ будетъ веселиться съ родственниками и друзьями, иной ожидаетъ—прибудутъ ли запасы изъ деревни, иной готовитъ живописныя яица....

Наконецъ заутреню въ полночь начали и обѣдню до свѣту отпѣли. Христосъ Воскресе! только въ ушахъ и на языкѣ, а въ сердцѣ какое ему мѣсто, гдѣ житейскими желаніями и самыя малѣйшія скважины всѣ наполнены! Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри,—рвутъ, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, терзаютъ: тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитые напитки; тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ....

* Въ остальное продолженіе жизни.

О! истинное христіанское пощеніе и празднество! не на такихъ ли Богъ негодуетъ у Пророка: «Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя, и кадило ваше мерзость есть предо мною». Между тѣмъ бѣдный желудокъ, привыкнувъ чрезъ долгое время къ пищамъ малопитательнымъ, вдругъ принужденъ принимать тучныя и сальныя брашна въ сжавшіеся и ослабѣвшіе проходы, и не имѣя требуемаго довольства жизненныхъ соковъ, несваренныя яденія по жиламъ посылаетъ*.... Неоспоримое есть дѣло, что неравное теченіе жизни и крутопеременѣнное питаніе тѣла не токмо вредно человѣку, но и смертоносно, такъ что вышеписанныхъ строгихъ постниковъ, притомъ усердныхъ и ревностныхъ праздниколюбцевъ, самоубійцами почесть можно. Правда, что ежели кто на масляницѣ пріуготовляется къ посту житіемъ умѣреннымъ, въ постъ не изнуряетъ себя излишне и говѣетъ.... духомъ,... на св. недѣлѣ радуется о препровожденіи в. поста въ истинныхъ добродѣтеляхъ, въ трудахъ обществу полезныхъ и Богу любезныхъ, а не въ томъ, что дожилъ до разрѣшенія на вся: тотъ, конечно, меньше почувствуетъ припадковъ отъ нездороваго времени, а особливо когда трудами кровь приводитъ въ движеніе, и словомъ, содержитъ себя хотя то постными, то скоромными пищами, однако равно умѣренными, безъ крутыхъ скачковъ и пригорковъ. Но здѣсь въ сѣверѣ, сіе по концамъ тучное, а въ серединѣ сухое время, есть самая праздная часть года, когда крестьяне не имѣютъ никакой большой работы, и только посѣянные, пожатые, измолоченные и смолотые плоды полевые доѣдаютъ. Купцамъ, за испорченными дорогами и распутицами, почти нѣтъ проѣзду изъ города въ городъ съ товарами; нѣтъ кораблямъ плаванія и морскимъ людямъ довольнаго движенія; военные люди стоятъ въ походахъ по зимнимъ квартирамъ, а дома, то для морозовъ, то для слякоти не могутъ быть удобно экзерциціи. Итакъ большая часть народа должна остаться въ праздности, которая въ заговѣнье и разговѣнье даетъ причину къ необузданной роскоши, а въ постъ, съ худыми прошлогодними пищами и съ нездоровымъ воздухомъ соединенная, портитъ здоровье и жизнь коротитъ.

Многіе скажутъ: «да проживаютъ же люди! отцы наши и прадѣды жили долгіе вѣки!» Правда живутъ и Лопари, питаясь почти одною только рыбою; да посмотрите-жъ, коль они тѣломъ велики и коль

---

* Ломоносовъ говоритъ далѣе, что отъ этого происходитъ опасность для жизни.

многолюдны, и сравните ихъ съ живущими въ томъ же климатѣ Самоядами, питающимися по большей части мясомъ. Первые ростомъ мелки, малолюдны, такъ что на 700 верстахъ въ длину, а въ ширину на 300, Лопарей толь мало, что и въ большіе солдатскіе наборы со всей земли по два солдата съ числа душъ наймаютъ изъ нашего рода, затѣмъ, что изъ нихъ весьма рѣдко чтобы кто и по малой мѣрѣ въ солдаты годился. Самояды, напротивъ того, ростомъ немалы, широкоплечи и сильны, и въ такомъ множествѣ, что если бы междоусобныя частыя кровавыя сраженія между многими ихъ князьками не случались, то бы знатная восточно-сѣвернаго берега часть ими населилась многолюдно. Посмотрите, что тѣ Россійскія области многолюднѣе, гдѣ скотомъ изобильнѣе, затѣмъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ скотомъ скудно, и въ мясоѣдъ по большой части питаются рыбою или и пустыми щами съ хлѣбомъ. Если бы.... в. постъ былъ.... въ началѣ лѣта, тогда бы, кромѣ новыхъ плодовъ земныхъ и свѣжихъ рыбъ и благораствореннаго воздуха: 1-е) споспѣшествало сохраненію здравія движеніе тѣла въ крестьянахъ пахатною работою, въ купечествѣ дальнею ѣздою по землѣ и по морю, военнымъ экзерциціею и походами. 2-е) Ради исправленія такихъ нужныхъ работъ меньше было бы праздности, матери невоздержанія, меньше гостьбы и пирушекъ, меньше пьянства, неравнаго житія и прерывнаго питанія, надрывающаго человѣческое здравіе. А сверхъ того, хотя бы кто и напился, однако возвращаясь домой, не замерзнетъ на дорогѣ, какъ о масляницѣ бываетъ.*

(Ученьемъ вкорените всѣмъ въ мысли, что Богу пріятнѣе, когда имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу; что посты учреждены не для самоубивства вредными пищами, но для воздержанія отъ излишества; что обманщикъ, грабитель, неправосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель, прощенія не сыщетъ, хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичъ, мочало, глину и уголье....)

Чистое покаяніе есть доброе житіе, Бога къ милосердію, къ щедротѣ и къ любленію нашему преклоняющее. Сохрани данныя Христомъ заповѣди, на коихъ весь законъ и пророки висятъ: люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ и ближняго какъ самъ себя...

* Ломоносовъ говоритъ далѣе объ учрежденіи постовъ и за тѣмъ переходитъ къ объясненію ихъ истиннаго значенія.

9. (Кромѣ сего, впадаетъ великое множество людей и въ другія разныя болѣзни,) о излѣченіи коихъ весьма еще мало порядочныхъ есть учрежденій, какъ выше упомянуто, и только по большей мѣрѣ простые, безграмотные мужики и бабы лѣчатъ на угадъ, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслятъ, съ вороженьемъ и шептаніями, и тѣмъ не только не придаютъ никакой силы своимъ лѣкарствамъ, но еще въ людяхъ укрѣпляютъ суевѣріе, больныхъ приводятъ въ страхъ унылыми видами и умножаютъ болѣзнь, приближая ихъ скорѣе къ смерти. Правда, много есть изъ нихъ, кои дѣйствительно знаютъ лѣчить нѣкоторыя болѣзни, а особливо внѣшнія, какъ коновалы и костоправы, такъ что иногда и ученыхъ хирурговъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходятъ; однако все лучше учредить лѣченіе по правиламъ, медицинскую науку составляющимъ. Къ сему требуется по всѣмъ городамъ довольное число докторовъ, лѣкарей и аптекъ, удовольствованныхъ лѣкарствами, хотя-бъ только по нашему климату пристойными, чего не токмо нѣтъ и сотой доли, но и войско Россійское весьма недовольно снабжено медиками, такъ что лѣкари не успѣваютъ перевязывать и раненыхъ, не токмо чтобы всякаго осмотрѣть, выспросить обстоятельно, дать лѣкарства и тѣмъ страждущихъ успокоить. Отъ такого непризрѣнія, многіе, коимъ бы ожить, умираютъ. Сего недостатка ничѣмъ не можно скорѣе наполнить, какъ для изученія докторства послать довольное число Россійскихъ студентовъ въ иностранные университеты, и учрежденнымъ и впредь учреждаемымъ внутри государства университетамъ дать между прочими привилегіями власть производить достойныхъ въ доктора. 2) Медицинской канцеляріи подтвердить накрѣпко, чтобы какъ въ аптекахъ, такъ и при лѣкаряхъ было довольное число учениковъ Россійскихъ, коихъ бы они въ опредѣленное время своему искусству обучали и Сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики Россійскаго народа, будучи по десяти и больше лѣтъ въ аптекахъ, почти никакихъ лѣкарствъ составлять не умѣютъ, а ради чего? Затѣмъ, что аптекари держатъ еще учениковъ Нѣмецкихъ, а Русскіе при иготи, * при рѣшетѣ и при угольѣ до старости доживаютъ и учениками умираютъ; а нѣмецкими всего государства не наполнишь. Сверхъ того, недостаточное знаніе языка, разность вѣры, несходные нравы и дорогая имъ плата много препятствуютъ.

* Ступка, въ которой толкутъ лѣкарства.

г. болѣзни

3 Бревики 10. Смертямъ отъ болѣзни слѣдуютъ насильственныя, натуральныя и случайныя обстоятельства, какъ причины лишенія жизни человѣческой, т. е. моровыя язвы, пожары, потопленія, морозы. Повѣтрія на людей хотя по большой части въ южныхъ предѣлахъ здѣшняго государства случаются, однако всякіе способы противъ того употреблять должно. Оные состоятъ въ истребленіи уже начавшагося, или въ отвращеніи приходящаго. Къ первому требуются извѣстныя употребительныя противъ такого несчастія средства, и для того лучшія выбравъ изъ авторовъ, должно сочинить медицинскому факультету книжку и напечатавъ распродать по государству. Ко второму, надобно съ бывшихъ примѣровъ собрать признаки, изъ которыхъ главный есть затменіе солнца, причиняющее почти всегда вскорѣ падежъ на скотъ, а послѣ и на людей повѣтріе. Въ наши просвѣщенные вѣки знаютъ о томъ въ великомъ свѣтѣ обращающіеся люди отъ астрономовъ, и могутъ предостеречься, не выпуская скота изъ дому и не давая травы, того дня снятой; такъ въ другихъ государствахъ остерегаются два или три дня послѣ, и сами никакихъ плодовъ въ то время не снимаютъ и не употребляютъ, говоря, что во время солнечнаго затменія падаютъ ядовитыя росы. Главная сему причина быть кажется, по моему мнѣнію, что во время затменія закрывается солнце луною, такимъ же тѣломъ, какъ и земля наша, пресѣкается круто электрическая сила, которую солнце на всѣ растенія во весь день изливаетъ, что видно на травахъ, ночью спящихъ и тоже страждущихъ въ солнечное затменіе. Время научитъ, сколько можетъ электрическая сила дѣйствовать въ разсужденіи повѣтрія. Затменія во всемъ государствѣ не знаютъ, и для того надобно заблаговременно публиковать, и что требуется, повелѣть указами, по примѣру, какъ водится въ другихъ государствахъ. Для избавленія отъ огненной смерти служитъ предосторожность о утоленіи * частыхъ и великихъ пожаровъ, о чемъ покажется пространно въ письмѣ «о лучшей государственной экономіи». Потопленія суть двояки: отъ наводненія и отъ неосторожной дерзости, особливо въ пьянствѣ. Первое легко отвратить можно, запретивъ, чтобъ при великихъ рѣкахъ на низкихъ мѣстахъ, вешней особливо водѣ подверженныхъ, никакихъ жилищъ не было. Сіе дѣлается отъ одной лѣности, чтобъ вода и сѣно и всякая отъ воды удобность была близко; однако часто на высокихъ мѣстахъ живущіе

* Прекращеніи.

видятъ весною, сами будучи въ безопасности, какъ скотъ и людей и цѣлые домы неприступный ледъ несетъ въ отчаяніи всякаго спасенія. Вторыя потопленія ничѣмъ отвратить нельзя, не умаливъ много гощенія и пьянства, для коихъ люди дерзаютъ переѣзжать чрезъ рѣки въ бурную погоду, перегрузивъ суда множествомъ, или переходить чрезъ ледъ осенью и весною, когда онъ весьма ненадеженъ и опасенъ. Въ главѣ «о истребленіи праздности» предложатся способы, равно какъ и для избавленія померзанія многихъ зимою.

11. Не малый ущербъ причиняется народу убійствами, кои бываютъ въ дракахъ и отъ разбойниковъ. Драки происходятъ вредныя между сосѣдями, а особливо между помѣщиками, * которыхъ ничѣмъ, какъ межеваніемъ, утушить не можно. На разбойниковъ хотя посылаются сыщики; однако чрезъ то вывести сіе зло, или хотя знатно убавить, нѣтъ почти никакой надежды. Основательнѣйшіе и сильнѣйшіе къ тому требуются способы. Слѣдующій кажется мнѣ всѣхъ надежнѣе, бережливѣе и Монархинѣ всемилостивѣйшей славнѣе и притомъ любезнѣе, затѣмъ, что онъ дѣйствіе свое возымѣетъ меньшимъ пролитіемъ человѣческой крови. Разбойники безъ пристанища въ городахъ и около деревень пробыть и злодѣйствомъ своимъ долго пользоваться не могутъ: при деревняхъ держатся, а въ городахъ обыкновенно часто бываютъ для продажи пограбленныхъ пожитковъ. Итакъ, когда имъ сіи мѣста сдѣланы будутъ узки и тѣсны, то не могутъ долго утаиться, не занадобится далече посылать команды и дѣлать кровопролитныя сраженія со многими, когда можно имѣть случай перебрать по одиночкѣ и ловить ихъ часто. Всевожделѣнный и долговременный покой внутри нашего отечества чрезъ полтораста лѣтъ, въ кое время, послѣ разоренія отъ Поляковъ, не нужно было стѣнами защищаться отъ непріятелей, подалъ нерадѣнію нашему причину мало имѣть попеченія о градскихъ огражденіяхъ, и потому большая часть малыхъ городовъ и посадовъ и много провинціальныхъ и губернскихъ городовъ, не токмо стѣнъ каменныхъ, или хотя надежныхъ валовъ и рвовъ, но и деревянныхъ палисадниковъ, или тыновъ, не имѣютъ, что не безъ сожалѣнія вижу изъ отвѣтовъ,** присылаемыхъ

* Въ тѣ времена нерѣдко бывали драки за владѣніе землею, потому что границы имѣній не были точно опредѣлены казеннымъ межеваніемъ.

** Завѣдуя географическимъ департаментомъ, Ломоносовъ заботился о составленіи подробнаго атласа Россіи. Для собранія географическихъ свѣдѣній, по его представленію, Сенатъ разослалъ указъ и бланки съ вопросами по губерніямъ и провинціямъ (въ янв. 1760 г.).

на географическіе вопросы въ Академію Наукъ изо всѣхъ городовъ, указомъ Правительствующаго Сената, по моему представленію. Кромѣ того, что проѣзжающіе иностранные не безъ презрѣнія смотрятъ на наши безпорядочные города, или, лучше сказать, почти на развалины, разбойники употребляютъ ихъ къ своему прибѣжищу, и также могутъ закрываться отъ достойнаго каранія въ городѣ, или еще лучше, нежели въ деревнѣ, затѣмъ, что городъ больше, и со всѣхъ сторонъ въ него на всякомъ мѣстѣ ворота днемъ и ночью безпрестанно отворены ворамъ и добрымъ людямъ. Когда-жъ бы всемилостивѣйше повелѣть благоизволено было, всѣ Россійскіе города, у коихъ огражденіе рушилось, или его и не было, укрѣпить хотя не каменными стѣнами, но токмо валомъ и рвомъ и высокимъ палисадникомъ, и не во многихъ мѣстахъ оставить ворота съ крѣпкими запорами и съ надежными мѣщанскими караулами, гдѣ нѣтъ гарнизоновъ, такъ чтобы ряды и лавки были внутри огражденія: то бы ворамъ привозить въ городъ грабленныя вещи для продажи было весьма трудно, и всѣ для осмотру предосторожности употребить было несравненно легче, нежели въ мѣстѣ, со всѣхъ сторонъ отворенномъ, а разбойникъ можетъ быть въ воротахъ скорѣе примѣченъ, который, не продавъ грабленныхъ вещей, корысти не получитъ. Сверхъ того, въ каждомъ огражденномъ городѣ назначить постоянные ночлеги для прохожихъ и проѣзжихъ съ письменными дозволеніями и съ вывѣскою, и приказать, чтобы каждый хозяинъ на всякій день объявлялъ въ ратушѣ, кто у него былъ на ночлегѣ и сколько времени, а другіе бы мѣщане принимать къ себѣ въ домъ пріѣзжихъ и прохожихъ воли не имѣли, подъ опасеніемъ наказанія, кромѣ своихъ родственниковъ, въ городѣ извѣстныхъ. По всѣмъ волостямъ, погостамъ и деревнямъ публиковать, что ежели крестьянинъ, или двое и больше поймаютъ разбойника, приведутъ его въ городъ или въ другое безопасное мѣсто и докажутъ надежными свидѣтелями и спору въ томъ не будетъ, то давать приводчикамъ за всякую голову по 10 руб. изъ мѣщанскаго казеннаго сбору, а за главныхъ злодѣйскихъ предводителей, за атамана, эсаула, также и за пойманіе и доводъ того, кто держитъ воровскія прибѣжища, по 30 руб.—Сіе хотя довольно быть кажется, гдѣ города не въ весьма дальномъ разстояніи; однако многія мѣста есть въ Россіи глухія, на 500 и больше верстъ безъ городовъ, прямыя убѣжища разбойникамъ и всякимъ бѣглымъ и безпашпортнымъ людямъ: примѣромъ служить можетъ лѣсистое пространство около

рѣки Ветлуги, которая, на 700 верстъ теченіемъ отъ вершинъ до устья простираясь, не имѣетъ при себѣ ни единаго города. Туда съ Волги укрывается великое множество зимою бурлаковъ, изъ коихъ не малая часть разбойники. Крестьяне содержатъ ихъ во всю зиму за полтину человѣка, а буде онъ что работаетъ, то кормятъ и безъ платы, не спрашивая пашпорта. По такимъ мѣстамъ должно основать и поставить города, давъ знатнымъ селамъ гражданскія права, учредить ратуши и воеводства, и оградивъ надежными укрѣпленіями и осторожностями отъ разбойниковъ, какъ выше показано. Сіе будетъ служить не токмо для общей безопасности и къ сбереженію Россійскаго народа, но и къ особливой славѣ всемилостивѣйшей нашея Самодержицы, яко возобновительницы старыхъ и сострочтельницы многихъ новыхъ городовъ Россійскихъ.

12 Переставая говорить о потерѣ Россійскаго народа болѣзнями, несчастіями и убивствами, должно упомянуть (о живыхъ покойникахъ. Съ пограничныхъ мѣстъ уходятъ люди въ чужія государства, а особливо въ Польшу, и тѣмъ лишается подданныхъ Россійская корона. Подлинно, что расположены предосторожности на рубежѣ Литовскомъ, однако толь великой скважины силою совершенно запереть невозможно: лучше поступить съ кротостію. Побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отяготѣній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ. И такъ, мнѣ кажется лучше пограничныхъ съ Польшей жителей облегчить податьми и снять солдатскіе наборы, расположивъ ихъ по всему государству.) Для расколу много уходитъ Россійскихъ людей на Вятку: находящихся тамъ бѣглецовъ не можно ли возвратить при нынѣшнемъ военномъ случаѣ? А впредь могутъ служить способы, кои представятся въ статьѣ: «о исправленіи нравовъ и о большемъ просвѣщеніи народа».

13 Мѣсто бѣглецовъ за границы удобно наполнить можно пріемомъ иностранныхъ, ежели къ тому употреблены будутъ пристойныя мѣры. Нынѣшнее въ Европѣ несчастное военное время принуждаетъ не токмо одинокихъ людей, но и цѣлыя разоренныя семейства оставлять свое отечество и искать мѣстъ, отъ военнаго насильства удаленныхъ. Пространное владѣніе великія нашея Монархини въ состояніи вмѣстить въ свое безопасное нѣдро цѣлые народы и довольствовать всякими потребами, кои единаго только посильнаго труда отъ человѣковъ ожидаютъ къ своему полезному произведенію. Условій, коими иностранныхъ привлечь можно къ поселенію въ Россіи, не представ-

ляю, не вѣдая довольно союзныхъ и враждебныхъ обстоятельствъ между воюющими и мирными сторонами.

Хотѣлъ бы я сочинить примѣрный счетъ, сколько бы изъ сихъ 13 способовъ (а есть еще и больше), воспослѣдовало сохраненія и приращенія подданныхъ Ея Императорскаго Величества: однако требуются къ тому для извѣстія многія обстоятельства и не мало времени; для того только одною догадкою досягаю нѣсколько, что на каждый годъ можетъ взойти приращеніе Россійскаго народа больше противъ прежняго до полумилліона душъ, а отъ ревизіи до ревизіи, въ 20 лѣтъ, до 10 милліоновъ. Кромѣ сего, уповаю, что сіи способы не будутъ ничѣмъ народу отяготительны, но будутъ служить къ безопасности и успокоенію народному.

Окончивая сіе, надѣюсь, что Вашему Высокопревосходительству что нибудь понравится изъ моихъ доброжелательныхъ къ обществу мнѣній. Прошу о вашемъ безпрерывномъ здравіи и во всемъ удовольствіи Всевышняго Строителя и Правителя всѣхъ народовъ и языковъ, произведшаго васъ въ сей день и влившаго вамъ кровь сына отечества къ произведенію дѣлъ полезныхъ, а паче къ покровительству наукъ и художествъ, къ которымъ я, равно и къ вамъ, отъ всей искренности усердствуя, съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ пребываю и проч.

СЛОВО

о пользѣ химіи, говоренное Сентября 6 дня, 1751 года. †

Разсуждая о благополучіи житія человѣческаго, слушатели, не нахожу того совершеннѣе, какъ ежели кто пріятными и безпорочными трудами пользу приноситъ. Ничто на землѣ смертному выше и благороднѣе дано быть не можетъ, какъ упражненіе, въ которомъ красота и важность, отнимая чувствіе тягостнаго труда, нѣкоторою сладостію ободряетъ, которое, никого не оскорбляя, увеселяетъ неповинное сердце, и умножая другихъ удовольствіе, благодарностію оныхъ возбуждаетъ совершенную радость. Такое пріятное, безпорочное и полезное упражненіе гдѣ способнѣе, какъ въ ученіи, сыскать можно? Въ немъ открывается красота многообразныхъ вещей и удивительная различность дѣйствій и свойствъ, чуднымъ искусствомъ и порядкомъ отъ Всевышняго устроенныхъ и расположенныхъ. Имъ обогащающійся никого не обидитъ, затѣмъ, что неистощимое и всѣмъ обще предлежащее сокровище себѣ пріобрѣтаетъ. Въ немъ труды свои полагающій не токмо себѣ, но и цѣлому обществу, а иногда и всему роду человѣческому пользою служитъ. Все сіе коль справедливо, и коль много ученіе остроуміемъ и трудами тщательныхъ людей блаженство житія нашего умножаетъ, ясно показываетъ состояніе Европейскихъ жителей, снесенное* со скитающимися въ степяхъ Аме-

---

† Въ маѣ 1751 г. Разумовскій сдѣлалъ распоряженіе о приготовленіи рѣчей къ торжественному собранію Академіи на 6 сентября, причемъ было объявлено: „Россійскую рѣчь поручаю говорить г. совѣтнику и профессору Ломоносову, которая бы состояла въ ученой какой ни есть матеріи, а не въ похвальномъ словѣ“. Ломоносовъ уже къ августу приготовилъ рѣчь „о пользѣ химіи“. Эта рѣчь замѣчательна между прочимъ въ томъ отношеніи, что въ ней объясняется методъ, которому должно слѣдовать при изслѣдованіи химическихъ явленій. Новѣйшая химія признала этотъ методъ наилучшимъ.

* Сравненное, т. е. въ сравненіи съ жизнью американцевъ.

риканскихъ. Представьте разность обоихъ въ мысляхъ вашихъ. Представьте, что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда предъ нимъ обращающіяся, только назвать умѣетъ; другой не токмо всего, что земля, воздухъ и воды рождаютъ, не токмо всего, что искусство произвело чрезъ многіе вѣки, имена, свойства и достоинства языкомъ изъясняетъ, но и чувствамъ нашимъ отнюдь неподверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ. Одинъ выше числа перстовъ своихъ въ счетѣ происходить не умѣетъ; другой не токмо чрезъ величину тягость безъ вѣсу, чрезъ тягость величину безъ мѣры познаваетъ, не токмо на землѣ неприступныхъ вещей разстояніе издалека показать можетъ; но и небесныхъ свѣтилъ ужасныя отдаленія, обширную огромность, быстротекущее движеніе и на всякое мгновеніе ока перемѣнное положеніе опредѣляетъ. Одинъ лѣтъ своея жизни или краткаго вѣку дѣтей своихъ показать не знаетъ; другой не токмо прошедшихъ временъ многоразличныя и почти безчисленныя приключенія, въ натурѣ и въ обществахъ бывшія, по лѣтамъ и мѣсяцамъ располагаетъ, но и многія будущія точно предвозвѣщаетъ. Одинъ, думая, что за лѣсомъ, въ которомъ онъ родился, небо съ землею соединилось, страшнаго звѣря или большое дерево за божество толь малаго своего міра почитаетъ; другой, представляя себѣ великое пространство, хитрое строеніе и красоту всея твари, съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благоговѣйною любовію почитаетъ Создателеву безконечную премудрость и силу. Поставьте человѣка, листвіемъ или сырою звѣриною кожею едва наготу свою прикрывающаго, при одѣянномъ златотканными одеждами и украшенномъ блистаніемъ драгоцѣнныхъ камней. Поставьте поднимающаго съ земли случившійся камень или дерево, для своей отъ непріятеля обороны, при снабденномъ свѣтлымъ и острымъ оружіемъ, и молнію и громъ подражающими * махинами. Поставьте завостроватымъ камнемъ тонкое древо со многимъ потомъ едва претирающаго, при употребляющемъ сильныя и хитросложенныя махины къ движенію ужасныхъ тягостей, къ ускоренію долговременныхъ дѣлъ и къ точному измѣренію и раздѣленію величины, вѣсу и времени. Воззрите мысленными очами вашими на пловущаго черезъ малую рѣчку на связанномъ тростникѣ и на стремящагося по морской пучинѣ на великомъ караблѣ, надежными орудіями укрѣпленномъ, силою вѣтра противъ

---

* Старинное словосочиненіе: подражать *кого*, *что*, вм. *кому*, *чему*.

его же самого бѣгущемъ и вмѣсто вождя камень по водамъ имѣющемъ. Не ясно ли видите, что одинъ почти выше смертныхъ жребія поставленъ, другой едва только отъ безсловесныхъ животныхъ разнится; одинъ яснаго познанія пріятнымъ сіяніемъ увеселяется, другой въ мрачной ночи невѣжества едва бытіе свое видитъ. Толь великую приноситъ ученіе пользу, толь свѣтлыми лучами просвѣщаетъ человѣческій разумъ, толь пріятно есть красоты его наслажденіе! Желалъ бы я васъ ввести въ великолѣпный храмъ сего человѣческаго благополучія, желалъ бы вамъ показать въ немъ подробно проницаніемъ остроумія и неусыпнымъ раченіемъ премудрыхъ и трудолюбивыхъ мужей изобрѣтенныя пресвѣтлыя украшенія; желалъ бы удивить васъ многообразными ихъ отмѣнами, увеселить восхищающимъ изрядствомъ, и привлещи къ нимъ неоцѣненною пользою; но къ исполненію таковаго предпріятія требуется большее моего разумѣніе, большее моего краснорѣчіе, большее время потребно, нежели къ совершенію сего намѣренія позволяется. Того ради прошу, послѣдуйте за мною мысльми вашими въ единъ токмо внутренній чертогъ сего великаго зданія, въ которомъ потщусь вамъ кратко показать нѣкоторыя сокровища богатыя натуры и объявить употребленіе и пользу тѣхъ перемѣнъ и явленій, которыя въ нихъ химія производитъ. Въ показаніи и изъясненіи оныхъ, ежели слово мое гдѣ недовольно будетъ, собственною ума вашего остротою наградите.

Ученіемъ пріобрѣтенныя познанія раздѣляются на науки и художества. Науки подаютъ ясное о вещахъ понятіе и открываютъ потаенныя дѣйствій и свойствъ причины; художества * къ пріумноженію человѣческой пользы оныя употребляютъ. Науки довольствуютъ врожденное и вкорененное въ насъ любопытство, художества снисканіемъ прибытка увеселяютъ. Науки художествамъ путь показываютъ, художества происхожденіе наукъ ускоряютъ. Обои общею пользою согласно служатъ. Въ обоихъ сихъ коль велико и коль необходимо есть употребленіе химіи, ясно показываетъ изслѣдованіе натуры и многія въ жизни человѣческой преполезныя художества.

Натуральныя вещи разсматривая, двоякаго рода свойства въ нихъ находимъ. Одни ясно и подробно понимаемъ; другія хотя ясно въ умѣ представляемъ, однако подробно изобразить не можемъ. Перваго рода суть величина, видъ, движеніе и положеніе цѣлой вещи; втораго

* Подъ художествами разумѣются ремесла.

цвѣтъ, вкусъ, запахъ, лѣкарственныя силы и прочія. Первыя чрезъ геометрію точно размѣрить и чрезъ механику опредѣлить можно; при другихъ такой подробности просто употребить нельзя для того, что первыя въ тѣлахъ видимыхъ и осязаемыхъ, другія въ тончайшихъ и отъ чувствъ нашихъ удаленныхъ частицахъ свое основаніе имѣютъ. Но къ точному и подробному познанію какой нибудь вещи должно знать части, которыя оную составляютъ; ибо какъ можемъ разсуждать о тѣлѣ человѣческомъ, не зная ни сложенія костей и составовъ для его укрѣпленія, ни союза, ни положенія мышцей для движенія, ни распростертія нервовъ для чувствованія, ни расположенія внутренности для пріуготовленія питательныхъ соковъ, ни протяженія жилъ для обращенія крови, ни прочихъ органовъ сего чуднаго строенія? Равнымъ образомъ и вышепоказанныхъ втораго рода качествъ подробнаго понятія имѣть не возможно, не изслѣдовавъ самыхъ малѣйшихъ и нераздѣлимыхъ частицъ, отъ коихъ они происходятъ, и коихъ познаніе толь нужно есть испытателямъ натуры, какъ сами оныя частицы къ составленію тѣлъ необходимо потребны. И хотя въ нынѣшніе вѣки изобрѣтенные микроскопы силу зрѣнія нашего такъ увеличили, что въ едва видимой пылинкѣ весьма многія части ясно распознать можно; однако сіи полезные инструменты служатъ только къ изслѣдованію органическихъ частей, каковы суть весьма тонкіе и невидимые простымъ глазомъ пузырьки и трубочки, составляющіе твердыя части животныхъ и растущихъ вещей, а тѣхъ частицъ, изъ которыхъ состоятъ смѣшенныя матеріи, особливо зрѣнію представить не могутъ. Напримѣръ, черезъ химію извѣстно, что въ киновари * есть ртуть, и въ квасцахъ земля бѣлая; однако ни въ киновари ртути, ни въ квасцахъ земли бѣлой ни сквозь самые лучшіе микроскопы видѣть нельзя, но всегда въ нихъ тотъ же видъ кажется. И посему до познанія оныхъ только чрезъ химію доходить должно. Здѣсь вижу я, скажете, что химія показываетъ только матеріи, изъ которыхъ состоятъ смѣшенныя тѣла, а не каждую ихъ частицу особливо; на сіе отвѣчаю, что подлинно по сіе время острое изслѣдователей око толь далече во внутренности тѣлъ не могло проникнуть. Но ежели когда нибудь сіе таинство откроется, то подлинно химія тому первая предводительница будетъ; первая откроетъ завѣсу внутреннѣйшаго сего святилища

* Красная краска.

натуры. Математики по нѣкоторымъ извѣстнымъ количествамъ неизвѣстныхъ дознаются. Для того извѣстныя съ неизвѣстными слагаютъ, вычитаютъ, умножаютъ, раздѣляютъ, уравниваютъ, превращаютъ, переносятъ, перемѣняютъ, и наконецъ искомое находятъ. По сему примѣру разсуждая о безчисленныхъ и многообразныхъ перемѣнахъ, которыя смѣшеніемъ и раздѣленіемъ разныхъ матерій химія представляетъ, должно разумомъ достигать потаеннаго безмѣрною малостію вида, мѣры, движенія и положенія первоначальныхъ частицъ, смѣшенныя тѣла составляющихъ. Когда отъ любви безпокоящійся женихъ желаетъ познать прямо склонность своей къ себѣ невѣсты, тогда, разговаривая съ нею, примѣчаетъ въ лицѣ перемѣны цвѣту, очей обращеніе и рѣчей порядокъ; наблюдаетъ ея дружества, обходительства и увеселенія; выспрашиваетъ рабынь, которыя ей при возбужденіи, при нарядахъ, при выѣздахъ и при домашнихъ упражненіяхъ служатъ; и такъ по всему тому точно увѣряется о подлинномъ сердца ея состояніи. Равнымъ образомъ прекрасныя натуры рачительный любитель, желая испытать толь глубоко сокровенное состояніе первоначальныхъ частицъ, тѣла составляющихъ, долженъ высматривать всѣ оныхъ свойства и перемѣны, а особливо тѣ, которыя показываетъ ближайшая ея служительница и наперсница, и въ самые внутренніе чертоги входъ имѣющая, химія; и когда она раздѣленныя и разсѣянныя частицы изъ растворовъ въ твердыя части соединяетъ и показываетъ разныя въ нихъ фигуры, — выспрашивать у осторожной и догадливой геометріи; когда твердыя тѣла на жидкія, жидкія на твердыя перемѣняетъ, и разныхъ родовъ матеріи раздѣляетъ и соединяетъ, — совѣтовать съ точною и замысловатою механикою; и когда чрезъ слитіе жидкихъ матерій разные цвѣты производитъ, — вывѣдывать чрезъ проницательную оптику. Такимъ образомъ, когда химія пребогатыя госпожи своея потаенныя сокровища разбираетъ, любопытный и неусыпный натуры рачитель оныя чрезъ геометрію вымѣривать, чрезъ механику развѣшивать и чрезъ оптику высматривать станетъ; то весьма вѣроятно, что онъ желаемыхъ тайностей достигнетъ. Здѣсь уповаю еще вопросить желаете: чего ради по сіе время изслѣдователи естественныхъ вещей въ семъ дѣлѣ столько не успѣли?* На сіе отвѣтствую, что къ сему требуется весьма искусный

---

* Ломоносовъ говоритъ далѣе о методѣ химіи. Пр. Лясковскій такъ отзывается объ немъ: „современная химія съ каждымъ днемъ все болѣе

химикъ и глубокій математикъ въ одномъ человѣкѣ. Химикъ требуется не такой, который только изъ одного чтенія книгъ понялъ сію науку; но который собственнымъ искусствомъ въ ней прилежно упражнялся, и не такой, напротивъ того, который хотя великое множество опытовъ дѣлалъ, однако больше желаніемъ великаго и скоро пріобрѣтаемаго богатства поощряясь, спѣшилъ къ одному только исполненію своего желанія, и ради того, послѣдуя своимъ мечтаніямъ, презиралъ случившіяся въ трудахъ своихъ явленія и перемѣны, служащія къ истолкованію естественныхъ таинъ. Не такой требуется математикъ, который только въ трудныхъ выкладкахъ искусенъ, но который въ изобрѣтеніяхъ и въ доказательствахъ привыкнувъ къ математической строгости, въ натурѣ сокровенную правду точнымъ и непоползновеннымъ порядкомъ вывесть умѣетъ. Безполезны тому очи, кто желаетъ видѣть внутренность вещи, лишаясь рукъ къ отверзтію оной. Безполезны тому руки, кто къ разсмотрѣнію открытыхъ вещей очей не имѣетъ. Химія руками, математика очами физическими по справедливости назваться можетъ. Но какъ обѣ въ изслѣдованіи внутреннихъ свойствъ тѣлесныхъ одна отъ другой необходимо помощи требуютъ; такъ, напротивъ того, умы человѣческіе не рѣдко въ разные пути отвлекаютъ. Химикъ, видя при всякомъ опытѣ разныя и часто нечаянныя явленія и произведенія и приманиваясь тѣмъ къ снисканію скорой пользы, математику, какъ бы только въ нѣкоторыхъ тщетныхъ размышленіяхъ о точкахъ и линіяхъ упражняющемуся, смѣется. Математикъ, напротивъ того, увѣренъ о своихъ положеніяхъ ясными доказательствами, и чрезъ неоспоримыя и безпрерывныя слѣдствія выводя неизвѣстныя количествъ свойства, химика, какъ бы одною только практикою отягощеннаго и между многими безпорядочными опытами заблуждающаго, презираетъ, и пріобыкнувъ къ чистой бумагѣ и къ свѣтлымъ геометрическимъ инструментамъ, химическимъ дымомъ и пепеломъ гнушается. И для того по сіе время сіи двѣ, общею пользою такъ соединенныя сестры толь разномысленныхъ сыновъ по большой части раждали. Сіе есть причиною, что совершенное ученіе химіи съ глубокимъ познаніемъ математики еще соединено не бывало. И хотя въ нынѣшнемъ вѣку

и болѣе убѣждается въ томъ, что въ выполненіи программы, выражаемой этими словами Ломоносова, заключается вся ея будущность и что она еще только приступила къ этому выполненію".

нѣкоторые въ обѣихъ наукахъ изрядные успѣхи показали, однако сіе предпріятіе выше силъ своихъ почитаютъ, и для того не хотятъ въ испытаніи помянутыхъ частицъ съ твердымъ намѣреніемъ и постояннымъ раченіемъ потрудиться, а особливо когда примѣтили, что нѣкоторые, съ немалою тратою труда своего и времени, пустыми замыслами, въ одной головѣ родившимися привидѣніями натуральную науку больше помрачили, нежели свѣту ей придали.

Изслѣдованію первоначальныхъ частицъ, тѣла составляющихъ, слѣдуетъ изысканіе причинъ взаимнаго союза, которымъ онѣ въ составленіи тѣлъ сопрягаются и отъ котораго вся разность твердости и жидкости, жестокости и мягкости, гибкости и ломкости происходитъ. Все сіе чрезъ что способнѣе испытать можно, какъ чрезъ химію? Она только едина то въ огнѣ ихъ умягчаетъ, и паки скрѣпляетъ, то раздѣливъ на воздухъ поднимаетъ, и обратно изъ него собираетъ, то водою разводитъ и, въ ней же сгустивъ, крѣпко соединяетъ; то въ ѣдкихъ водкахъ растворяя, твердую матерію въ жидкую, жидкую въ пыль и пыль въ каменную твердость обращаетъ. Итакъ, толь многими образы въ безчисленныхъ тѣлахъ умножая и умаляя между частьми союзную силу взаимнаго сцѣпленія, великое множество разныхъ путей любопытному физику отверзаетъ, по которымъ бы достигнуть сего хитрыя натуры великаго искусства. Но въ коль широкое и коль пріятною пестротою украшенное поле натуры испытателей химія вводитъ, показуя чрезъ разныя дѣйствія толикое цвѣтовъ множество, толикое различіе и премѣненіе! Ибо одна мѣдь не токмо всѣ чистые цвѣты, которые призматическими стеклами оптика показываетъ, но и всякаго рода смѣшенные въ разныхъ обстоятельствахъ производитъ. Что же смѣшеніе и раздѣленіе прочихъ минералловъ, также растущихъ и животныхъ матерій въ перемѣнахъ сего пріятнаго тѣлъ свойства зрѣнію представляетъ, того краткое мое слово обнять не можетъ. Но всѣ сіи подобно нѣкоторымъ пантомимамъ, или молчащимъ мыслей изображателямъ на пространномъ естества театрѣ, разновидными измѣненіями сокровенныя свои причины догадливому смотрителю объявить и какъ бы нѣкоторымъ безгласнымъ разговоромъ истолковать тщатся.

Животныя и растущія тѣла состоятъ изъ частей органическихъ и смѣшенныхъ. Смѣшенныя суть твердыя или жидкія. Жидкія твердыми содержатся; твердыя отъ жидкихъ питаются, возрастаютъ, цвѣтутъ и плодъ приносятъ. Въ исполненіи сего перемѣняетъ натура

въ разныхъ къ тому устроенныхъ сосудахъ свойства соковъ, а особливо вкусъ и духъ оныхъ. Отдѣляетъ въ нихъ сладкое млеко и горькую желчь изъ одной пищи, и на одной землѣ кислые и пряные плоды, и травы непріятнаго запаху купно съ благовонными раждаетъ. Во всѣхъ сихъ коль многія отмѣны произведены бываютъ, довольно извѣстно знающимъ строеніе одушевленнаго тѣла и множество земныхъ прозябеній. Во всѣхъ сихъ химія натурѣ точно подражать тщится. Коль часто сильные вкусы умягчаетъ и изощряетъ слабые! Изъ противнаго на языкѣ свинцу и изъ остраго уксусу производитъ медъ превосходящую сладость, и чрезъ смѣшеніе минералловъ испускаетъ тонкое благоуханіе пріятныя розы. Напротивъ того, изъ селитры, которая духу никакого и вкуса сильнаго не имѣетъ, раждаетъ проницательную и твердые металлы разъѣдающую кислость и смрадъ, отъемлющій дыханіе. Не ясно ли изъ сего понимается, что изысканіе причины разныхъ вкусовъ и запаховъ не инако съ желаемымъ успѣхомъ предпріять можно, какъ послѣдуя указанію предыдущія химіи и примѣняясь по ея искусству, угадывать въ тонкихъ сосудахъ органическихъ тѣлъ закрытыя и только вкушенію и обонянію чувствительныя перемѣны?

Великая часть физики и полезнѣйшая роду человѣческому наука есть медицина, которая чрезъ познаніе свойствъ тѣла человѣческаго постигаетъ причины нарушеннаго здравія и, употребляя приличныя къ исправленію онаго средства, часто удрученныхъ болѣзнію почти изъ гроба возставляетъ. Болѣзни по большей части происходятъ отъ поврежденія жидкихъ матерій, къ содержанію жизни человѣческой нужныхъ, обращающихся въ тѣлѣ нашемъ, которыхъ качества, составляющія части, и ихъ полезныя и вредныя перемѣны, и производящіе и пресѣкающіе ихъ способы безъ химіи никакъ испытаны быть не могутъ. Ею познается натуральное смѣшеніе крови и питательныхъ соковъ; ею открывается сложеніе здоровыхъ и вредныхъ пищей; ею не токмо изъ разныхъ травъ, но изъ нѣдра земнаго взятыхъ минералловъ пріуготовляются полезныя лѣкарства. И словомъ, медикъ безъ довольнаго познанія химіи совершенъ быть не можетъ; и всѣхъ недостатковъ, всѣхъ излишествъ, и отъ нихъ происходящихъ во врачебной наукѣ поползновеній дополненія, отвращенія и исправленія отъ одной почти химіи уповать должно.

Долго изчислять и подробно толковать будетъ, что чрезъ химію въ натурѣ открылось и впредь открыто быть должно. Того ради

одно только самое важнѣйшее въ семъ ея дѣйствіе нынѣ вамъ представлю. Огонь, который въ умѣренной своей силѣ теплотою называется, присутствіемъ и дѣйствіемъ своимъ по всему свѣту толь широко распростирается, что нѣтъ не единаго мѣста, гдѣ бы онъ не былъ. Ибо и въ самыхъ холодныхъ, сѣверныхъ, близъ полюса лежащихъ краяхъ, среди зимы, всегда оказываетъ себя легкимъ способомъ; нѣтъ ни единаго въ натурѣ дѣйствія, котораго бы основаніе ему приписать не было должно: ибо отъ него всѣ внутреннія движенія тѣлъ, слѣдовательно, и внѣшнія происходятъ. Имъ всѣ животныя и зачинаются, и растутъ, и движутся; имъ обращается кровь и сохраняется здравіе и жизнь наша. Его силою производятъ горы во внутренностяхъ своихъ всякаго рода минераллы и цѣлительныя слабостей тѣла нашего воды проливаютъ. И вы, пріятныя поля и лѣсы, тогда только прекрасною одеждою покрываетесь, ободряете члены и услаждаете чувства наши, когда любезная теплота, кроткимъ своимъ пришествіемъ разогнавъ морозы и снѣги, питаетъ васъ тучною влагою, испещряетъ сіяющими и благовонными цвѣтами и сладкими плодами обогащаетъ! Кромѣ сего * увядаетъ красота ваша, блѣднѣетъ лице земное и во вретище сѣтованія вселенная облекается! Безъ огня питательная роса и благорастворенный дождь не можетъ снисходить на нивы; безъ него заключатся источники, прекратится рѣкъ теченіе, огустѣвшій воздухъ движенія лишится, и великій Океанъ въ вѣчный ледъ затвердѣетъ; безъ него погаснуть солнцу, лунѣ затмиться, звѣздамъ изчезнуть и самой натурѣ умереть должно. Для того не токмо многіе испытатели внутренняго смѣшенія тѣлъ не желали себѣ почтеннѣйшаго именованія, какъ философами, чрезъ огонь дѣйствующими, называться; не токмо языческіе народы, у которыхъ науки въ великомъ почтеніи были, огню божескую честь отдавали; но и само Священное Писаніе не однократное явленіе Божіе, въ видѣ огня бывшее, повѣствуетъ. И такъ, что изъ естественныхъ вещей больше испытанія нашего достойно, какъ сія всѣхъ созданныхъ вещей общая душа, сіе всѣхъ чудныхъ перемѣнъ, во внутренности тѣлъ раждающихся, тонкое и сильное орудіе? Но сего изслѣдованія безъ химіи предпріять отнюдь не возможно**. Ибо кто больше знать

---

* Т. е. безъ него.

** Во время Ломоносова еще не было открыто, въ чемъ состоитъ процессъ горѣнія.

можетъ огня свойства, измѣрить его силу и отворить путь къ потаеннымъ дѣйствъ его причинамъ, какъ всѣ свои предпріятія огнемъ производящая химія? Она, не употребляя обыкновенныхъ способовъ, въ холодныхъ тѣлахъ внезапно огонь, и въ теплыхъ великій холодъ производитъ. Извѣстно химикамъ, что крѣпкія водки, растворяя въ себѣ металлы, безъ прикосновенія внѣшняго огня согрѣваются, кипятъ и опаляющій паръ испускаютъ; что чрезъ слитіе сильной селитряной кислости съ нѣкоторыми жирными матеріями не токмо страшное кипѣніе, дымъ и шумъ, но и ярый пламень во мгновеніе ока воспаляется, и; напротивъ того, теплая селитра, въ теплой же водѣ разведенная, даетъ толь сильную стужу, что она въ пристойномъ сосудѣ середи лѣта замерзаетъ. Не упоминаю здѣсь разныхъ фосфоровъ, химическимъ искусствомъ изобрѣтенныхъ, которые на свободномъ воздухѣ отъ себя загараются, и тѣмъ купно съ вышеупомянутыми явленіями ясно показываютъ, что свойства огня ни чѣмъ толь не способно, какъ химіею изслѣдовать *. Никто ближе приступить не можетъ къ сему великому алтарю, отъ начала міра предъ Вышнимъ возженному, какъ сія ближайшая священница.

Сія есть польза, которую физика отъ химіи почерпаетъ. Сей есть способъ, который яснымъ вещей познаніемъ открываетъ свѣтъ и прямую стезю показываетъ художествамъ, въ которыхъ сія наука коль непреминуема и коль сильна, кратко показать нынѣ постараюсь.

Между художествами первое мѣсто, по моему мнѣнію, имѣетъ металлургія, которая учитъ находить и очищать металлы и другіе минералы. Сіе преимущество даетъ ей не токмо великая древность, которая, по свидѣтельству Священнаго ** Писанія и по самымъ дѣламъ рода человѣческаго, неоспорима; но и несказанная и повсюду разливающаяся польза оное ей присвояетъ. Ибо металлы подаютъ укрѣпленіе и красоту важнѣйшимъ вещамъ, въ обществѣ потребнымъ. Имъ украшаются храмы Божіи и блистаютъ монаршескіе престолы; ими защищаемся отъ нападенія непріятельскаго; ими утверждаются корабли и силою ихъ связанны между бурными вихрями въ морской пучинѣ безопасно плаваютъ. Металлы отверзаютъ нѣдро земное къ плодородію; металлы служатъ намъ въ ловленіи земныхъ и морскихъ

* Въ этомъ предсказаніи Ломоносовъ не ошибся, ибо горѣніе есть процессъ химическій.

** Бытія глава 4.

животныхъ, для пропитанія нашего; металлы облегчаютъ купечество удобною къ сему монетою, вмѣсто скучныя и тягостныя мѣны товаровъ. И кратко сказать, ни едино художество, ни едино ремесло простое употребленія металловъ миновать не можетъ. Но сіи толь нужныя матеріи, а особливо большее достоинство и цѣну имѣющія, кромѣ того, что для ободренія нашего къ трудамъ глубоко въ землѣ закрыты, часто внѣшнимъ видомъ таятся. Дорогіе металлы, смѣшавшись съ простою землею, или соединясь съ презрѣннымъ камнемъ, отъ очей нашихъ убѣгаютъ; напротивъ того, простые, и притомъ въ маломъ и безприбыточномъ количествѣ, часто золоту подобно сіяютъ и разностію пріятныхъ цвѣтовъ къ пріобрѣтенію великаго богатства неискусныхъ прельщаютъ. * И хотя иногда незнающему дорогой металлъ въ горѣ не нарочно сыскать и узнать случится; однако мало ему въ томъ пользы, когда отъ смѣшенной съ нимъ многой негодной матеріи отдѣлить не умѣетъ, или отдѣляя большую часть неискусствомъ тратитъ. Въ семъ случаѣ коль проницательно и коль сильно есть химіи дѣйствіе! Напрасно хитрая натура закрываетъ отъ ней свои сокровища толь презрѣнною завѣсою и въ толь простыхъ ковчегахъ затворяетъ: ибо острота тонкихъ перстовъ химическихъ полезное отъ негоднаго и дорогое отъ подлаго распознать и отдѣлить умѣетъ и сквозь притворную поверхность познаетъ внутреннее достоинство. Напрасно богатство свое великою твердостію тяжкихъ камней запираетъ и вредными жизни нашей матеріями окружаетъ: ибо вооруженная водою и пламенемъ химія разрушаетъ крѣпкіе заклепы, и все, что здравію противно, прогоняетъ. Напрасно сіе руно золотое окружаетъ она хоботомъ толь лютаго и страшнаго дракона, ибо искатель онаго, наученъ незлобивою нашею Медеею, ядовитые зубы его выбьетъ и данными отъ ней лѣкарствами отъ убивающихъ паровъ оградится.

Сія отъ химіи польза начинается и въ нашемъ отечествѣ, и подобное сбытіе въ немъ исполняется, каковое воспослѣдовало въ Германіи, о которой нѣкогда разсуждалъ древній Римскій историкъ Корнелій Тацитъ**. *Не могу сказать*, написалъ онъ, *чтобы въ Германіи серебро и золото не родилось*, *ибо кто искать ихъ старался?*

---

* Въ металлургіи своей Ломоносовъ подробно описываетъ видъ различныхъ рудъ. Мѣдная руда—самая блестящая.

** О Германіи глава 5.

И такъ, тамъ въ послѣдовавшіе вѣки великое богатство обрѣтено, что свидѣтельствуютъ славные Миснійскіе и Герцинскіе заводы; такъ и Россія того же ожидать должно, а особливо имѣя къ тому не токмо довольные опыты, но и очевидную прибыль.

Напрасно разсуждаютъ, что въ теплыхъ краяхъ дѣйствіемъ солнца больше дорогихъ металловъ, нежели въ холодныхъ родится: ибо по нелживымъ физическимъ изслѣдованіямъ извѣстно, что теплота солнечная до такой глубины въ землю не проницаетъ, въ которой металлы находятся. И знойная Ливія, металловъ лишенная, и студеная Норвегія, чистое серебро въ камняхъ своихъ содержащая, противное оному мнѣнію показываютъ. Все различіе въ томъ состоитъ, что тамъ металлы лежатъ ближе къ земной поверхности, чему причины ясно видѣть можно. И во первыхъ, проливаются тамъ часто превеликіе дожди, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по полугоду безпрерывно продолжаются, умягчаютъ и размываютъ землю и легкій илъ сносятъ, оставляя тяжкіе минераллы; для того тамошніе жители всегда послѣ дождливой части года ищутъ по пристойнымъ мѣстамъ золота и дорогихъ камней. Второе, частыя земли трясенія раздробляютъ и оборачиваютъ горы и что во внутренности ихъ произвела натура, выбрасываютъ на поверхность. И такъ, слѣдуетъ, что не большимъ количествомъ, но свободнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ металловъ жаркія мѣста у нашихъ преимущество отъемлютъ. Но сіе сѣверныхъ жителей прилежаніемъ, которымъ они подъ жаркимъ поясомъ живущихъ превосходятъ, награждать должно. Раченія и трудовъ для сысканія металловъ требуетъ пространная и изобильная Россія. * Мнѣ кажется, я слышу, что она къ сынамъ своимъ вѣщаетъ: «Простирайте надежду и руки ваши въ мое нѣдро и не мыслите, что исканіе ваше

---

* Эту мысль Ломоносовъ высказывалъ нѣсколько разъ. Напр., въ одѣ 1747 года онъ говоритъ:

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ;
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.

будетъ тщетно. Воздаютъ нивы мои многократно труды земледѣльцевъ, и тучныя поля мои размножаютъ стада ваши, и лѣсы и воды мои наполнены животными для пищи вашей; все сіе не токмо довольствуетъ мои предѣлы, но и во внѣшнія страны избытокъ ихъ проливается; того ради можете ли помыслить, чтобы горы мои драгими сокровищами поту лица вашего не наградили. Имѣете въ краяхъ моихъ, къ теплой Индіи и къ Ледовитому морю лежащихъ, довольные признаки подземнаго моего богатства. Для сообщенія нужныхъ вещей къ сему дѣлу, открываю вамъ лѣтомъ далеко протекающія рѣки и гладкіе снѣги зимою подстилаю. Отъ сихъ трудовъ вашихъ ожидаю приращенія купечества и художествъ; ожидаю вящаго градовъ украшенія и укрѣпленія, и умноженія войска; ожидаю и желаю видѣть пространныя моря мои покрыты многочисленнымъ и страшнымъ непріятелю флотомъ, и славу и силу моея державы распростерть за великую пучину въ невѣдомые народы». Спокойна буди о семъ, благословенная страна, спокойно буди дражайшее отечество наше, когда въ тебѣ толь щедрая наукъ покровительница государствуетъ. Изыскалъ въ тебѣ и умножилъ великій твой просвѣтитель къ защищенію твоему твердые металлы; Августѣйшая дщерь его изыскиваетъ и умножаетъ драгоцѣнные къ твоему украшенію и обогащенію. Разпространяетъ съ прочими науками и химическое искусство, которое, матернимъ сея Великія Монархини попеченіемъ утвердясь и ободрясь великодушіемъ, въ средину горъ проникнетъ, и что въ нихъ лежитъ безъ пользы, очиститъ для умноженія нашего блаженства; и сверхъ сего своего сильнаго въ металлургіи дѣйствія иные полезные тебѣ плоды принести потщится.

Широко распростираетъ химія руки свои въ дѣла человѣческія, слушатели. Куда ни посмотримъ, куда ни оглянемся, вездѣ обращаются предъ очами нашими успѣхи ея прилежанія. Въ первыя времена отъ сложенія міра принудили человѣка зной и стужа покрыть свое тѣло: тогда по первомъ листвія и кожъ употребленіи домыслился онъ изъ волны * и изъ другихъ мягкихъ матерій приготовлять себѣ одежды, которыя хотя къ защищенію тѣла его довольно служили, однако скучливое однимъ видомъ человѣческое сердце и непостоянная охота требовали перемѣны: гнушались простою бѣлизною и, пестрѣющимъ полямъ завидуя, подобнаго великолѣпія и въ прикрытіи тѣла искали.

* Изъ шерсти.

Тогда химія, выжимая изъ травъ и изъ цвѣтовъ соки, вываривая коренье, растворяя минералы и разными образы ихъ между собою соединяя, желаніе человѣческое исполнять старалась и тѣмъ сколько насъ украсила, не требуетъ словъ моихъ къ доказательству, но очами вашими завсегда ясно видите.

Сіи химическія изобрѣтенія не токмо увеселяющія взоръ нашъ перемѣны въ одѣяніяхъ производятъ, но и другія склонности наши довольствуютъ. Что вящее усердіе къ себѣ и почитаніе въ насъ возбуждаетъ, какъ родители наши? что собственныхъ дѣтей своихъ любезнѣе въ жизни человѣку? что искреннихъ друговъ пріятнѣе? но ихъ часто отсутствіе въ дальнихъ мѣстахъ, или и отъ свѣта отшествіе отъемлетъ изъ очей нашихъ. Въ такомъ состояніи, что насъ больше утѣшить и скорбь сердечную умягчить можетъ, какъ лица ихъ подобіе, живописнымъ искусствомъ изображенное? Оно отсутствующихъ присутствующими и умершихъ живыми представляетъ. Все, что долготою времени, или разстояніемъ мѣста отъ зрѣнія нашего удалилось, приближаетъ живопись и оному подвергаетъ. Ею видимъ бывшихъ прежде насъ великихъ государей и храбрыхъ героевъ и другихъ великихъ людей, славу у потомковъ заслужившихъ. Видимъ отстоящіе въ дальнихъ земляхъ пространные грады и великолѣпныя и огромныя зданія. Обращаясь въ поляхъ пространныхъ, или между высокими горами, взираемъ и во время тишины на волнующуюся пучину, на сокрушающіеся корабли, или способными зефирами къ пристанищу бѣгущіе. Среди зимы услаждаемся видѣніемъ зеленѣющихъ лѣсовъ, текущихъ источниковъ, пасущихся стадъ и труждающихся земледѣльцевъ. Все сіе живописству мы должны. Но его совершенство отъ химіи зависитъ. Отними искусствомъ ея изобрѣтенныя краски, лишатся изображенія пріятности, потеряется съ вещами сходство, и самая живность ихъ изчезнетъ, которую отъ нихъ имѣютъ. Правда, что краски не сохраняютъ своей ясности и доброты толь долго, какъ мы желаемъ; но въ краткое время измѣняются, темнѣютъ, и наконецъ великія части красоты своея лишаются. Къ кому же для отвращенія сего недостатка должно было прибѣгнуть? Кто изобрѣсти могъ къ долговременному и непремѣнному пребыванію животныхъ вещей средства? Та же химія, которая видя, что отъ строгихъ перемѣнъ воздуха и отъ лучей солнечныхъ нѣжные составы ея увядаютъ и разрушаются, сильнѣйшее искусства своего орудіе—огонь употребила, и твердые минералы со стекломъ въ великомъ жару соединивъ, произвела матеріи, которыя

свѣтлостію и чистотою прежнихъ въ дѣлѣ превосходятъ, а твердостію и постоянствомъ воздушной влажности и солнечному зною такъ противятся, что чрезъ многіе вѣки ни мало красоты своея не утратили, что свидѣтельствуютъ прежде тысящи лѣтъ мусіею * наведенные въ Греціи и въ Италіи храмы. И хотя еще въ древнѣйшія времена употреблены были къ тому природные разныхъ цвѣтовъ камни, для того, что тогда и въ обыкновенной живописи служили натуральныя разныя земли, за неимѣніемъ красокъ, искусствомъ составленныхъ; но великія преимущества, которыя стеклянные составы предъ камнями имѣютъ, привлекли въ нынѣшнее время искусныхъ Римскихъ художниковъ къ ихъ употребленію. Ибо во-первыхъ рѣдко и весьма трудно прибрать можно тѣни толь многихъ цвѣтовъ изъ натуральныхъ камней, какіе въ составахъ выходятъ по произволенію художника. Второе, хотя иногда съ великимъ трудомъ и приберутся, однако не малые и къ другимъ дѣламъ угодные дорогіе камни должно портить. Третіе, изъ составовъ для ихъ большей мягкости можно отдѣлять и выплавливать части желаемой величины и фигуры, къ чему природные камни много поту и терпѣливости требуютъ. Наконецъ, искусствомъ выкрашенныя стекла добротою цвѣта природныхъ камней много выше изобрѣтены**, и впредь стараніемъ химиковъ большаго совершенства достигнуть могутъ. Правда, что камни стеклянную матерію твердостію превосходятъ; но она въ семъ дѣлѣ безполезна, въ которомъ требуется только на солнцѣ и на воздухѣ цвѣтовъ постоянство. И такъ, не тщетно нынѣшніе мастера въ семъ дѣлѣ художество натурѣ предпочитаютъ, которое меньшимъ трудомъ и иждивеніемъ лучшее дѣйствіе производитъ.

Предложивъ сіе едино употребленіе стекла въ живописномъ художествѣ, едва могу преминуть, чтобы не показать кратко и другія многія пользы, происходящія отъ великаго сего химическаго изобрѣтенія. Но предложеніе сего требуетъ цѣлаго особливаго слова, что въ семъ моемъ предпріятіи не вмѣстно. Того ради къ другимъ дѣйствіямъ нашей науки, въ художествахъ силу свою являющимъ, поспѣшаю. Но коль широкое предъ собою вижу пространство! Еще разныя предлежатъ вещи, которыя слово мое одна передъ другою къ себѣ привлекаютъ; и когда хочу вамъ представить, сколько въ пріуго-

* Мозаикою.

** Ломоносовъ изобрѣлъ много способовъ дѣлать разноцвѣтныя стекла.

товленіи пріятныхъ пищей и напитковъ химія намъ способствуетъ, предваряетъ разсужденіе о самихъ сосудахъ, изъ которыхъ мы оными наслаждаемся. Воображается ихъ чистота, прозрачность, блистаніе и разныя украшенія, которыми сіе искусство вкушаемыхъ сладость усугубляетъ, соединяя языка и очей удовольствіе. И такъ, подробнымъ всего изчисленіемъ не хочу преодолѣть вашу терпѣливость, но заключу единымъ спасительнымъ роду человѣческому благодѣяніемъ, отъ химіи учиненнымъ.

Коль плачевныя приключенія и перемѣны въ древнія времена, по разнымъ странамъ, и коль часто бывали, то не безъ жалости читаемъ въ исторіяхъ, которыя повѣствуютъ дальнихъ и невѣдомыхъ народовъ внезапное нашествіе, великихъ и славныхъ городовъ въ дымъ и пепелъ превращеніе, опустошеніе селъ и цѣлыхъ народовъ, которые скорому непріятелю не успѣвали противиться, конечное разореніе и расточеніе, такъ что отъ великаго могущества и славы одно только имя осталось. Повѣствуютъ наполненныя поля многими тысящами побитыхъ и широкія рѣки; кровію и трупами огустѣвшія, что превосходитъ вѣроятность временъ нашихъ, въ которыя толь ужасныхъ примѣровъ не имѣемъ. Однако таковыхъ знатныхъ писателей важность и самыя развалины древнихъ городовъ о справедливости слезныхъ оныхъ позорищъ сомнѣніе отъемлютъ. Откуду же видимъ вселившуюся между смертными толикую умѣренность? Не Орфей ли какой умягчилъ сладкимъ пѣніемъ человѣческіе нравы? Но имѣемъ и въ нынѣшніе вѣки злобною завистію терзающіяся сердца къ похищенію чужихъ владѣній. Не Ликургъ ли или Солонъ строгими законами связалъ страсти? Но и нынѣ не рѣдко почитается сильнаго оружіе вмѣсто правъ народныхъ. Не великій ли и древняго Креза имѣніемъ многократно превосходящій богачъ насытилъ алчное сребролюбіе? Но сіе подобно пламени, которое, чѣмъ больше дровъ подлагается, тѣмъ сильнѣе загарается. Кто же толь великое благодѣяніе намъ сдѣлалъ? Кто умалилъ толь свирѣпое кровопролитіе? Человѣкъ простой и убогій, * который, убѣгая своей скудости, слѣдовалъ издалека химіи къ полученію достатковъ, невѣдомыми себѣ дорогами и въ намѣреніи

* Нѣмецкій монахъ Бертольдъ Шварцъ изъ Фрейбурга, жившій въ XIV столѣтіи, изобрѣтатель пороха.

отворить себѣ входъ во внутренность дорогихъ металловъ, соединилъ съ угольемъ сѣру и селитру и на огонь въ сосудѣ поставилъ. Внезапно страшный звукъ и крѣпкій ударъ воспослѣдовалъ. И хотя самъ не безъ поврежденія остался; однако больше того былъ обрадованъ надеждою, что онъ получитъ сильную и нерушимый металлъ разрушающую матерію. Для того запиралъ и заколачивалъ составъ свой въ твердые желѣзные сосуды, но безъ успѣху. Отсюда произошло огнестрѣльное оружіе; загремѣли полки и городскія стѣны, и изъ рукъ человѣческихъ смертоносная молнія блеснула! Что же сіе?—скажете, не оживляетъ, но убиваетъ, достигаетъ далѣе прежняго и сильнѣе поражаетъ. Отвѣчаю: тѣмъ больше и спасаетъ. Разсудите о сраженіи, въ которомъ воинъ противъ воина, мечъ противъ меча, ударъ противъ удара въ близости устремляются: не въ едино ли мгновеніе ока пасть должно многимъ тысячамъ побитыхъ и смертно раненыхъ? Сравните сіе съ нынѣшнимъ боемъ, и увидите, что скорѣе можно занести руку, нежели зарядить ружье порохомъ и металломъ; удобнѣе ударить въ досягаемаго непріятеля на ясномъ воздухѣ, нежели сквозь дымъ густой трясущимися отъ блистанія и воздушнаго стенанія руками въ отдаленнаго умѣтить; ярчае возгорается сердце на супостата, котораго прямо противъ себя идущаго видѣть можно, нежели на закрытаго. Сіе есть причиною, что нѣтъ въ нынѣшніе вѣки Ганнибаловъ, оному подобныхъ, который съ убіенныхъ въ единомъ сраженіи дворянъ Римскихъ снятые золотые перстни четверикомъ мѣрилъ. Нѣтъ безчеловѣчныхъ Батыевъ, которые бы, въ краткое время отъ Кавказскихъ до Алпійскихъ горъ протекая, многія земли въ запустѣніе полагали. Не смѣетъ нынѣ внезапный непріятель тревожить покоящихся народовъ, но боится, чтобы, построенныя и снабденныя новымъ симъ изобрѣтеніемъ крѣпости за собою оставивъ, не токмо своей добычи, но и жизни не лишиться. Напротивъ того, кто имѣетъ силу таліа укрѣпленія разрушать подобнымъ изобрѣтеніемъ химіи, тотъ къ далеко отстоящимъ мѣстамъ нечаянно достигнуть не можетъ; не можетъ учѣсистымъ снарядомъ отягощенное войско долговременнымъ шествіемъ сравниться скороспѣшному слуху, приходящую бѣду возвѣщающему и собирающему народы къ своему защищенію. Такъ химія сильнѣйшимъ оружіемъ умалила человѣческую пагубу и грозою смерти многихъ отъ смерти избавила! Веселитесь мѣста ненаселенныя, красуйтесь пустыни непроходныя: приближается благополучіе ваше! Умножаются очевидно племена и народы и поспѣшнѣе прежняго распространяются. Скоро

украсять васъ великіе городы и обильныя села. Вмѣсто вояніе * звѣрей дикихъ наполнится пространство ваше гласомъ веселящагося человѣка, и вмѣсто тернія пшеницею покроется. Но тогда великой участницѣ въ населеніи вашемъ химіи возблагодарить не забудьте, которая ничего инаго отъ васъ не пожелаетъ, какъ прилежнаго въ ней упражненія, къ вящему самихъ васъ украшенію и обогащенію.

Предложивъ о пользѣ химіи въ наукахъ и художествахъ, слушатели, предостеречь мнѣ должно, дабы кто не подумалъ, яко бы все человѣческой жизни благополучіе въ одномъ семъ ученіи состояло и яко бы я съ нѣкоторыми неразсудными любителями одной своей должности съ презрѣніемъ взиралъ на прочія искусства. Имѣетъ каждая наука равное участіе въ блаженствѣ нашемъ, о чемъ нѣсколько въ началѣ сего моего слова вы слышали.

Великое благодареніе Всевышнему человѣческій родъ воздавать долженъ за дарованную ему къ толикимъ знаніямъ способность.

Большее того приносить должна Европа, которая паче всѣхъ таковыми его дарами наслаждается и тѣми отличается отъ прочихъ народовъ.

Но коль горячаго усердія жертву полагать на алтарь его долженствуетъ Россія, что онъ въ самое тое время, когда науки послѣ мрачности варварскихъ вѣковъ паки возсіяли, воздвигнулъ въ ней премудраго героя Великаго Петра, истиннаго отца отечеству, который удаленную отъ свѣтлости ученія Россію принялъ мужественною рукою и, окруженъ со всѣхъ сторонъ внутренними и внѣшними супостатами, дарованною себѣ отъ Бога крѣпостію покрывался, разрушилъ всѣ препятствія и на пути яснаго познанія оную поставилъ, и по окончаніи тяжкихъ трудовъ военныхъ, по укрѣпленіи со всѣхъ сторонъ безопасности цѣлаго отечества, первое имѣлъ о томъ попеченіе, чтобы основать, утвердить и размножить въ немъ науки.

Блаженны тѣ очи, которыя божественнаго сего мужа на землѣ видѣли! Блаженны и треблаженны тѣ, которые потъ и кровь свою съ нимъ за него и за отечество проливали, и которыхъ онъ за вѣрную службу въ главу и въ очи цѣловалъ помазанными своими устами!

Но мы, которые на сего Великаго Государя въ жизни воззрѣть не сподобились, сіе нынѣ имѣемъ сильное утѣшеніе, что видимъ на пре-

* Вм. воя звѣрей.

столѣ его достойную толикаго отца дщерь и наслѣдницу Всемилостивѣйшую Самодержицу нашу. Видимъ отца боголюбиваго дщерь благочестивую, отца героя дщерь мужественную, отца премудраго дщерь прозорливую, отца наукъ основателя дщерь щедрую ихъ покровительницу. Видятъ науки матернее ея о себѣ попеченіе и со благоговѣйнымъ усердіемъ желаютъ, чтобы во время благословенныя ея жизни и благополучнаго владѣнія не токмо сіе собраніе, но и все отечество учеными сынами своими удовольствовано было. *

---

* Эту мысль Ломоносовъ высказывалъ нѣсколько разъ; напр., въ словáхъ похвальныхъ Императрицѣ Елисаветѣ и Петру Великому, а также въ одѣ 1747 года.

СЛОВО

о рожденіи металловъ отъ трясенія земли, говоренное Сентября 6 дня, 1757 года. †

Когда ужасныя дѣла натуры въ мысляхъ ни обращаю, слушатели, думать всегда принужденъ бываю, что нѣтъ ни единаго изъ нихъ толь страшнаго, нѣтъ ни единаго толь опаснаго и вреднаго, которое бы купно пользы и услажденія не приносило. Божественнымъ нѣкоторымъ промысломъ присовокуплены пріятнымъ вещамъ противныя быть кажутся, дабы мы, разсуждая о противныхъ, большее услажденіе чувствовали въ употребленіи пріятныхъ. Ужасаемся волнъ кипящаго моря; но вѣтры, которыми оное обуревается, нагруженные богатствомъ корабли къ желаемымъ берегамъ приносятъ. Несносна многимъ здѣшней зимы строгость и намъ самимъ не рѣдко тягостна; однако ею удерживаются зараженные повѣтріемъ куренія, ядовитые соки и угрызенія тупѣютъ. Хотя-жъ часто сокровенны передъ нами бываютъ отъ противныхъ вещей происшедшія угодія, которыми пользуемся въ жизни нашей: однако они подлинны и велики. Такъ, черезъ многіе вѣки трепетъ одинъ токмо наносили громы человѣческому роду и не иначе, какъ токмо бичъ раздраженнаго Божества, всѣхъ устрашали. Но счастливые новыми естественныхъ таинъ откровеніями дни наши сіе дали намъ недавно утѣшеніе, что мы большее изліяніе щедроты, нежели гнѣва небеснаго отъ оныхъ черезъ физику уразумѣли. Наги бы стояли поля и горы, древъ и травъ великолѣпія, красоты цвѣтовъ и плодовъ изобилія лишенны; желтѣющія нивы движеніемъ класовъ не увѣряли бы сельскихъ людей надеждою полныхъ житницъ; всѣхъ бы сихъ

---

† Это слово вмѣстѣ съ разсужденіемъ „О слояхъ земныхъ" содержитъ общій взглядъ Ломоносова на образованіе земли и рудныхъ жилъ. Ломоносовъ объясняетъ землетрясенія дѣйствіемъ подземнаго огня, а вулканы считаетъ отдушинами земнаго шара. Изъ слова о рожденіи металловъ здѣсь приводится приступъ, мнѣніе о янтарѣ и часть заключенія.

довольствій намъ не доставало, когда бы громовою электрическою силою наполненныя тучи продолжительное растущихъ прозябеніе плодоносным дождемъ и яко бы нѣкоторымъ одушевляющимъ дыханіемъ не оживляли. Истина сего дѣла (которое издревле престарѣлымъ земледѣльцамъ, хотя и не ясно, однако уже на мысль приходило) дѣйствіемъ электрической силы, рукою рачительныхъ натуры испытателей произведенной, чрезъ ускореніе ращенія травъ, такъ изъяснена и доказана, что нѣтъ больше мѣста ни единому сомнѣнію.

И такъ, когда откровеніемъ естественныхъ таинъ сіяетъ такое просвѣщеніе къ великому нашему утѣшенію и радости, а особливо, гдѣ прежде, чрезъ закрытіе происходящія пріятности, едино обращалось предъ нами противнаго изображеніе: того ради за весьма полезно быть разсудилось, чтобы новымъ доказательствомъ присовокупить по силѣ моей новую сей правдѣ важность.

Ради сего намѣренія не нахожу ничего пристойнѣе, какъ земли трясенія, которое хотя сурово и плачевно, хотя недавно о городахъ, имъ поверженныхъ, о земляхъ опустошенныхъ, и почти о цѣлыхъ искорененныхъ воздыхали мы народахъ, однако не токмо для нашей пользы, но и для избыточества служить, производя, кромѣ другихъ многихъ угодій, преполезные въ многочисленныхъ употребленіяхъ металлы. Что представить вамъ по возможности постараюсь въ настоящемъ словѣ, въ которомъ, по краткомъ начертаніи земныхъ трясеній показать намѣренъ разныя дѣйствія, на земной поверхности отъ нихъ происходящія, также причины и матеріи, къ тому служащія, потомъ мѣста, въ которыхъ металлы находятся, наконецъ, какъ они родятся.

Что жъ до янтаря надлежитъ, то не токмо довольно надивиться что нѣкоторые ученые люди, именемъ и заслугами великіе, оный за сущій минераллъ признали, не взирая на толикое множество заключенныхъ въ немъ мелкихъ гадовъ, которые въ лѣсахъ водятся, ниже на множество листовъ, что внутрь янтаря видны, которые всѣ какъ бы живымъ голосомъ * противятся оному мнѣнію и подлинно объяв-

* Во второмъ прибавленіи къ металлургіи (о слояхъ земныхъ) Ломоносовъ также излагаетъ свой взглядъ на янтарь. Здѣсь онъ говоритъ: „Кто таковыхъ ясныхъ доказательствъ не принимаетъ, тотъ пусть послушаетъ, что говорятъ включенные въ янтарь червяки и другія гадины: „Пользуясь лѣтнею теплотою и сіяніемъ солнечнымъ, гуляли мы по роскошествующимъ

ляють, что къ жидкой смолѣ, изъ древъ истекшей, оные гады и листы нѣкогда прильнули, послѣ тою же сверху залиты и заключены остались. Какимъ же образомъ пришли въ землю, того развѣ тотъ не пойметъ, кто о толь великихъ перемѣнахъ земной поверхности, какъ мы выше видѣли, знанія не имѣетъ. Сверхъ того, янтарь въ Пруссіи находятъ подъ слоемъ гнилаго дерева, которое, какъ видно, ради древности истлѣло; между тѣмъ смоляная матерія, противясь жирностію своею разрушающему тлѣнію, съ заключенными въ себѣ гадами уцѣлѣла и наконецъ подъ землею долговѣчнымъ временемъ отъ минеральныхъ соковъ тверже стала.

Видѣли мы, слушатели, превеликое въ нѣдрахъ земныхъ огня множество и нужное къ его питанію сѣры изобиліе, довольное къ земному трясенію и къ произведенію перемѣнъ великихъ: бѣдственныхъ, но и полезныхъ; страшныхъ, но и услажденіе приносящихъ. Уразумѣли мы, что поглощенныя животныхъ и прозябающихъ тѣлъ части служатъ къ рожденію металловъ, коихъ красоту къ великолѣпію, твердость къ долговѣчности, жестокость къ защищенію служащія себѣ представляемъ. Но обращается въ мысляхъ вашихъ ужасный видъ трясущагося лица земнаго! Отвратите, отвратите отъ того мысленныя очи ваши и сверхъ металловъ прилежно разсмотрите воздвигнутыя трясеніемъ горы съ прохлаждающими и врачующими насъ источниками, изъ нихъ протекающими, собирающимися въ рѣки къ напоенію насъ и служащихъ намъ животныхъ, и къ сообщенію многоразличныхъ человѣческаго рода потребностей. Посмотрите на благо-

---

влажностію растеніямъ, искали и собирали все, что служитъ въ нашему пропитанію; услаждались между собою пріятностію благорастворенная времени и, послѣдуя разнымъ благовоннымъ духамъ, ползали и летали по травамъ, листамъ и деревьямъ, не опасаясь отъ нихъ никакой напасти. Итакъ, садились мы на истекшую изъ дерева жидкую смолу, которая, насъ привязавъ къ себѣ липкостію, плѣнила и безпрестанно изливаясь, покрыла и заключила отвсюду. Потомъ отъ землетрясенія опустившееся внизъ лѣсное наше мѣсто вылившимся моремъ покрылось, купно съ смолою и съ нами, гдѣ долготою времени минеральные соки въ смолу проникли, дали большую твердость, и словомъ—въ янтарь претворили, въ которомъ мы получили гробницы великолѣпнѣе, нежели знатные и богатые на свѣтѣ люди имѣть могутъ. Въ рудныя жилы пришли мы не иначе и не въ другое время, какъ находящееся съ нами окаменѣлое и мозглое дерево".

словенное свое отечество и сравните съ другими странами. Увидите въ немъ умѣренное натуры подземнымъ огнемъ дѣйствіе. Не Альпійскими или Пиренейскими суровыми верхами къ вѣчной зимѣ, господствующей въ верхней атмосферѣ, возвышены, ниже глубокими пропастьми въ болотистую сырость унижены страны наши: но пологія восхожденія и наклоненія полей плодоносныхъ, не лишенныя при томъ металловъ, распростираются къ угодности нашей. Не разсѣлинами земными, ядовитые пары испускающими, растерзанное, но зеленѣющими лѣсами и пажитями украшенное пространство чувствуетъ благорастворенныхъ дыханіе вѣтровъ. Не колеблемся частыми земными трясеніями, которые едва когда у насъ слыханы; но какъ земнаго нѣдра, такъ и всего общества внутреннимъ покоемъ наслаждаемся. О, коль блаженна сими свойствами Россія!

СОГЛАСІЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ СЪ РЕЛИГІЕЮ. †

Сіе рѣдко случающееся явленіе требуетъ двоякаго объясненія. Первымъ должно отводить отъ людей, непросвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ, всякія неосновательныя сомнительства и страхи, кои бываютъ иногда причиною нарушенія общему покою. Не рѣдко легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ и съ ужасомъ внимаютъ, что при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богодѣленки, кои не токмо во весь свой долгій вѣкъ объ имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь. Таковыхъ несмысленныхъ прорекательницъ и легковѣрныхъ внимателей скудоуміе ничѣмъ какъ посмѣяніемъ презирать должно. А кто отъ такихъ пугалищъ безпокоится, безпокойство его должно зачитать ему жъ въ наказаніе за собственное его суемысліе. Но сіе больше касается до простонародія, которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ. Крестьянинъ смѣется астроному, какъ пустому верхогляду. Астрономъ чувствуетъ внутреннее увеселеніе, представляя въ умѣ, сколь много знаніемъ своимъ его превышаетъ, человѣка, себѣ подобно сотвореннаго.

Второе изъясненіе простирается до людей грамотныхъ, до чтецовъ Писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою

---

† Въ 1761 г. вышла брошюра Ломоносова подъ заглавіемъ: „Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное въ С.-Петербургской Имп. Академіи наукъ, Мая 26 дня, 1761 года". Здѣсь описаны наблюденія Красильникова, Курганова и Ломоносова. Ломоносовъ наблюдалъ прохожденіе Венеры съ физической стороны. Проф. Любимовъ говоритъ: „Наблюденія Ломоносова привели къ заключенію о существованіи атмосферы вокругъ Венеры. Къ краткому извѣщенію о прохожденіи Венеры чрезъ солнце Ломоносовъ присоединилъ еще прибавленіе, назначенное для отстраненія мыслей, которыя бываютъ у малосвѣдущихъ людей относительно астрономическихъ явленій... Ломоносовъ объясняетъ словами Василія Великаго и Іоанна Дамаскина, какъ и съ какимъ разумомъ должно читать и разумѣть Писаніе. Высокимъ благочестіемъ здѣсь дышитъ всякое слово Ломоносова".

похвально, если бы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенію.

Читая здѣсь о великой атмосферѣ около помянутой планеты *, скажетъ кто: подумать-де можно, что въ ней потому и пары восходятъ, сгущаются облака, падаютъ дожди, протекаютъ ручьи, собираются въ рѣки, рѣки втекаютъ въ моря, произрастаютъ вездѣ разныя прозябенія, ими питаются животныя. И сіе-де надобно Коперниковой системѣ: противно-де закону.

Отъ таковыхъ размышленій происходитъ подобный споръ о движеніи и о стояніи земли. Богословы западныя церкви принимаютъ слова Іисуса Навина, глава 10 стихъ 12, въ точномъ грамматическомъ разумѣ и потому хотятъ доказать, что земля стоитъ.

Но сей споръ имѣетъ начало свое отъ идолопоклоннических, а не отъ христіанскихъ учителей. Древніе астрономы еще задолго до Рождества Христова—Никита Сиракузянецъ призналъ дневное земли около своей оси обращеніе; Филолай—годовое около солнца. Сто лѣтъ послѣ того Аристархъ Самійскій показалъ солнечную систему яснѣе. Однако Эллинскіе жрецы и суевѣры тому противились и правду на много вѣковъ погасили. Первый, Клеантъ нѣкто, доносилъ на Аристарха, что онъ по своей системѣ о движеніи земли дерзнулъ подвигнуть съ мѣста великую богиню Весту, всея земли содержательницу, дерзнулъ безпрестанно вертѣть Нептуна, Плутона, Цереру, всѣхъ нимфъ, боговъ лѣсныхъ и домашнихъ по всей землѣ. И такъ, идолопоклонническое суевѣріе держало астрономическую землю въ своихъ челюстяхъ, не давая ей двигаться, хотя она сама свое дѣло и Божіе повелѣніе всегда исполняла. Между тѣмъ астрономы принуждены были выдумывать для изъясненія небесныхъ явленій глупые и съ механикою и геометріею прекословящіе пути планетамъ: циклы и эпициклы (круги и побочные круги) **.

Коперникъ возобновилъ наконецъ солнечную систему, коя имя его нынѣ носитъ, показалъ преславное употребленіе ея въ астрономіи которое послѣ Кеплеръ, Невтонъ и другіе великіе математики и астро-

---

* Въ самомъ описаніи наблюденій Ломоносова сказано: „по симъ примѣчаніямъ господинъ совѣтникъ Ломоносовъ разсуждаетъ, что планета Венера окружена знатною воздушною атмосферою, таковою (лишь бы не большею) какова обливается около нашего міра земнаго“.

** Здѣсь Ломоносовъ помѣщаетъ въ примѣчаніи стихи, напечатанные на стр. 86-й сего изданія.

номы довели до такой точности, какую нынѣ видимъ въ предсказаніи небесныхъ явленій, чего по земностоятельной системѣ отнюдь достигнуть невозможно.

Несказанная премудрость дѣлъ Божіихъ хотя изъ размышленія о всѣхъ тваряхъ явствуетъ, къ чему предводительствуетъ физическое ученіе, но величества и могущества его понятіе больше всѣхъ подаетъ астрономія, показывая порядокъ теченія свѣтилъ небесныхъ. Воображаемъ себѣ тѣмъ явственнѣе Создателя, чѣмъ точнѣе сходствуютъ наблюденія съ нашими предсказаніями; и чѣмъ больше постигаемъ новыхъ откровеній, тѣмъ громчае его прославляемъ.

Священное Писаніе не должно вездѣ разумѣть грамматическимъ, но не рѣдко и риторскимъ разумомъ. Примѣръ подаетъ святый Василій Великій, какъ оное съ натурою согласуетъ и въ бесѣдахъ своихъ на Шестодневникъ * ясно показываетъ, какимъ образомъ въ подобныхъ мѣстахъ библейскія слова толковать должно. Бесѣдуя о землѣ, обще пишетъ: «Аще когда во псалмѣхъ услышиши: «азъ утвердихъ столпы ея», содержательную тоя силу столпы речени быти возмни» (бесѣда 1). Разсуждая слова и повелѣнія Божія въ міросозданіе: «и рече Богъ», и другія, слѣдующее объявляетъ: «Кая потреба слова могущимъ отъ самого ума общити другъ другу совѣты?» (бесѣда 2), явно изъявляя, что слова Божескія не требуютъ ни устъ, ни ушей, ни воздуха къ сообщенію взаимному своего благоволенія, но ума силою разглагольствуютъ. И въ иномъ мѣстѣ (бесѣда 3) тожъ о изъясненіи таковыхъ мѣстъ подтверждаетъ: «Въ проклятствѣ, Израилю, будетъ тебѣ, глаголетъ, небо мѣдяно». Что сіе глаголетъ? Всеконечную сухость и оскудѣніе воздушныхъ водъ». Упоминающіяся часто въ Библіи Божія чувства толкуя, такъ пишетъ: «И видѣ Богъ яко добро;—не само тое утѣшенное нѣкое зрѣніе моря слово показуетъ Богу явити. Не очима бо зритъ доброты зданія Творецъ, но неизглаголанною премудростію видитъ бывающая». Не довольно-ли здѣсь великій и святый сей мужъ показалъ, что изъясненіе священныхъ книгъ не токмо позволено, да еще и нужно, гдѣ ради метафорическихъ выраженій съ натурою кажется быть несходственно.

Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя; никогда между собою въ распрю прійти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія

* Шестодневъ Василія В. содержитъ объясненіе дней сотворенія міра.

на нихъ вражду всклеплетъ.) А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какого способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними междоусобія, какъ учинилъ вышереченный премудрый учитель нашея православныя церкви, которому согласуясь, Дамаскинъ святый, глубокомысленный богословъ и высокій священный стихотворецъ (въ опасномъ изданіи православныя вѣры, кн. 2, гл. 6), ибо, упомянувъ равныя мнѣнія о строеніи міра, сказалъ: «Обаче аще же тако, аще же инако, вся Божіимъ повелѣніемъ быша же и утвердишася», то есть: физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны. То же и въ слѣдующихъ утверждаетъ: «Есть убо небо небесе, первое небо повыше тверди суще. Се два неба: и твердь бо назва Богъ небо. Обычно же священному писанію и воздухъ небомъ звати, за еже зрѣтися горѣ. Благословите бо, глаголетъ, вся птицы небесныя, воздушныя глаголя: воздухъ бо летательныхъ есть путь, а не небо. Се три небеса, яже божественный рече Апостолъ. Аще же и седмь поясы седмь небеса пріяти восхощеши, ничто же слову истины врреждаетъ», то есть: хотя кто и древнія Эллинскія мнѣнія о седми небесахъ приметъ, Священному Писанію и Павлову сказанію не вредно.

Василій Великій, о возможности многихъ міровъ разсуждая, пишетъ: «Яко бо скудельникъ, отъ того же художества тлѣнные создавъ сосуды, ниже художество, ниже силу изнутри, тако и всего Содѣтель, не единому міру соумѣренную имѣя творительную силу, но на безконечногубое превосходящую, мгновеніемъ хотѣнія единѣмъ во еже быти приведе величества видимыхъ».

Такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались, соединяя его списаніе съ богодухновенными размышленіями въ однѣхъ книгахъ, по мѣрѣ тогдашняго знанія въ астрономіи. О, если бы тогда были изобрѣтены нынѣшнія астрономическія орудія и были бы учинены многочисленныя наблюденія отъ мужей, древнихъ астрономовъ знаніемъ небесныхъ тѣлъ несравненно превосходящихъ; если бы тогда открыты были тысячи новыхъ звѣздъ съ новыми явленіями: какимъ бы духовнымъ пареніемъ, соединеннымъ съ превосходнымъ ихъ краснорѣчіемъ, проповѣдали оные святые риторы величество, премудрость и могущество Божіе!

Нѣкоторые спрашиваютъ, ежели де на планетахъ есть живущіе намъ подобные люди, то какой они вѣры? Проповѣдано ли имъ Евангеліе? Крещены ли они въ вѣру Христову? Симъ дается отвѣтъ

вопросный. Въ южныхъ великихъ земляхъ, коихъ берега въ нынѣшнія времена почти только примѣчены мореплавательми, тамошніе жители также и въ другихъ невѣдомыхъ земляхъ обитатели, люди видомъ, языкомъ и всѣми поведеніями отъ насъ отмѣнные, какой вѣры, и кто имъ проповѣдалъ Евангеліе? Ежели кто про то знать, или ихъ обратить и крестить хочетъ, тотъ пусть, по Евангельскому слову, («не стяжите ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла») туда пойдетъ, и какъ свою проповѣдь окончитъ, то послѣ пусть поѣдетъ для того же и на Венеру. Только бы трудъ его не былъ напрасенъ. Можетъ быть, тамошніе люди въ Адамѣ не согрѣшили, и для того всѣхъ изъ того слѣдствій не надобно. «Многи пути ко спасенію. Многи обители суть на небесѣхъ».

При всемъ семъ христіанская вѣра стоитъ непреложна. Она Божіему творенію не можетъ быть противна, ниже ей Божіе твореніе; развѣ тѣмъ чинится противность, кои въ творенія Божія не вникаютъ.

Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ Свое величество, въ другой Свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга—Священное писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодохновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрить циркулемъ. Таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтири научиться можно астрономіи или химіи.

Толкователи и проповѣдники Священнаго Писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему.

Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры.

Сколько разсужденіе и вниманіе натуральныхъ вещей утверждаетъ въ вѣрѣ, слѣдуютъ тому примѣры не только изъ Эллинскихъ стихотворцевъ, но и изъ великихъ христіанскихъ первыхъ учителей.

Клавдіанъ * о паденіи Руфиновѣ ** объявляетъ, сколь много служитъ вниманіе къ натурѣ для познанія Божества:

Я долго размышлялъ и долго былъ въ сомнѣньѣ,
Что есть ли на землю отъ высоты смотрѣнье,
Или по слѣпотѣ безъ ряду *** все течетъ,
И промыслу съ небесъ во всей вселенной нѣтъ.
Однако, посмотрѣвъ свѣтилъ небесныхъ стройность,
Земли, морей и рѣкъ доброту и пристойность,
Премѣну дней, ночей, явленія луны,
Призналъ, что божеской мы силой созданы.

Больше не остается, какъ только коротко сказать и повторить, что знаніе натуры, какое бы оно имя ни имѣло, христіанскому закону не противно; и кто натуру изслѣдовать тщится, Бога знаетъ и почитаетъ, тотъ съ Василіемъ Великимъ согласится, коего словами сіе заключается (бесѣда 6, о бытіи свѣтилъ): «Аще симъ научимся: себе самыя познаемъ, Бога познаемъ, Создавшему поклонимся, Владыцѣ поработаемъ, Отца прославимъ, Питателя нашего возлюбимъ, Благодѣтеля почтимъ, Началовожду жизни нашея насущія и будущія поклоняющеся не престанемъ».

---

* Латинскій стихотворецъ, жившій въ царствованіе византійскаго Имп. Өеодосія (379—395).

** Министръ Өеодосія и Аркадія.

*** Безъ порядка.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ

разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ океаномъ въ восточную Индію (1763 г.)†

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О поискахъ морскаго проходу въ Остъ-Индію, въ сѣверо-восточной сторонѣ, Сибирскимъ океаномъ.

Путешествія Баренса.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ давнихъ весьма лѣтъ купечество далече простиралось близъ береговъ Ледовитаго моря въ сѣверныхъ Сибирскихъ предѣлахъ отъ западныхъ сѣверныхъ народовъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Стурлезономъ описанныя мореплаванія изъ Норвегіи въ Двину рѣку; также найденныя лѣтъ за двадцать древнія готическія серебряныя деньги, при рѣкѣ Пинегѣ, въ Кевральскомъ

---

†) Это сочиненіе посвящено было Великому Князю Павлу Петровичу вскорѣ послѣ того, какъ онъ былъ назначенъ Генералъ-адмираломъ русскаго флота. Оно состоитъ изъ 5-ти главъ. Въ предисловіи говорится о необходимости и возможности для русскихъ отыскать сѣверный ходъ Сибирскимъ океаномъ. Первыя двѣ главы посвящены историческимъ разысканіямъ о плаваніяхъ въ Остъ-Индію сѣверо-западными морями и о попыткахъ отыскать проходъ туда же Сибирскимъ океаномъ. Въ третьей главѣ Ломоносовъ разсуждаетъ „о возможности мореплаванія этимъ океаномъ, признаваемой по натуральнымъ обстоятельствамъ"; въ четвертой—„о пріуготовленіи къ плаванію" этимъ океаномъ, въ пятой—„о самомъ предпріятіи сѣвернаго мореплаванія и о утвержденіи и умноженіи Россійскаго могущества на востокѣ". Это предложеніе обратило на себя серьезное вниманіе правительства; вскорѣ начались приготовленія къ экспедиціи, но она была отправлена уже послѣ смерти Ломоносова. (Чичаговъ вышелъ изъ Архангельска 9-го мая, 1765 года, а Ломоносовъ умеръ 4-го апрѣля). „Краткое описаніе" издано въ 1847 году Гидро-графическимъ департаментомъ морскаго министерства.

уѣздѣ; примѣченные въ знатномъ отдаленіи отъ моря на берегахъ Сибирскихъ старинные кочи, и наконецъ повѣствованіе новгородскаго лѣтописателя, что древніе славяне ходили по рѣкамъ Вымѣ и Печорѣ, даже до великой Оби, промышлять дыньковъ, то есть соболей. Однако морскихъ предпріятій, обстоятельно описанныхъ, не находимъ до шестнадцатаго столѣтія.

Голландцы первые, сколько извѣстно, учинили для того поѣздку 1594 года. Вильгельмъ Баренсъ, искусный лоцманъ, посланъ былъ отъ нѣкоторой компаніи Голландскихъ купцовъ съ тремя кораблями. Изъ Текселя вышелъ Іюня 5-го дня, и 23-го того жъ, побывъ въ Кильдинѣ, пустился къ Новой Землѣ, и между 4 и 5 Іюля, взявъ вышину солнца въ самую полночь, нашелъ себя на 73 градусахъ 25 минутахъ, отъ берегу Новыя Земли около шести миль; оттуда простирался далѣе къ востоку и сѣверу, достигъ до 77 градусовъ 45 минутъ, увидѣлъ множество льду, а особливо поля ледяныя (по нашему называются стамухи), коихъ конца не видно; при томъ почувствовавъ, что матросы уже ропщутъ, почелъ сіе путешествіе невозможнымъ и пошелъ къ южному концу Новыя Земли, куда отправлены были прочія два судна. Близъ Вайгача нашелъ онъ поставленные кресты и муку, въ камняхъ зарытую,—признаки промышленниковъ Россійскихъ. Паче чаянія, въ ту же пристань вбѣжали оныя два судна, кои, увидѣвъ Баренса, чаяли, что онъ обошелъ около Новой Земли и вышелъ изъ Вайгача имъ навстрѣчу; но радость ихъ была суетна. По общему совѣту, въ Голландію возвратились.

Разговоры и описаніе Вайгача, который проливъ Голландцы Нассавскимъ называютъ, слыша въ Голландіи, многіе знатные ревностно предпріяли отправить другую большую посылку, чтобы онымъ пройти въ Китай и въ Индію. Генеральные статы и принцъ Оранскій сами вступили въ сіе дѣло, чтобы не токмо проходъ сыскать, но и купечество учредить, гдѣ только жителей найдутъ. Предводительство сего вторичнаго предпріятія препоручено было славному географу Петру Планкцію, который тому сочинилъ планъ и карту. Флотъ ссорудили изъ семи кораблей: два изъ Амстердама, два изъ Зееланда, два изъ Экгузена; седьмая яхта изъ Роттердама, для поданія вѣсти въ Голландію, когда флотъ пройдетъ льды и до Табинскаго мыса (такъ Чукотскій мысъ называли) достигнутъ. Баренсъ назначенъ предводителемъ на самомъ большомъ изъ двухъ кораблей, что отправлены изъ Амстердама, и въ помощники ему данъ Яковъ Гемскеркъ.

Сей флотъ выступилъ изъ Текселя 2 числа Іюня и миновалъ Норвежскій берегъ въ близость Вайгаческаго пролива на 70 градусѣ ширины, гдѣ встрѣтилъ ихъ мелкій ледъ безопасный; но въ самомъ проливѣ былъ столь густъ, что не позволялъ отнюдь проходу. Для того зашли въ губу, по ихъ называемую Квербухтъ; изъ оной по сухому пути ходили нѣкоторые на востокъ нѣсколько миль, усмотрѣвъ чистое мѣсто на морѣ, чаяли, что Сибирскій океанъ открытъ, и для того всячески стали сквозь Вайгачъ пробиваться, а особливо, что видѣли Россійскихъ промышленниковъ съ моржовымъ саломъ, зубами и съ солеными гусями, вышедшихъ изъ Карскаго моря, у коихъ выспросили нужныя обстоятельства. Сверхъ сего, случившіеся на берегу самоѣды обнадежили ихъ, что ежели кто обойдетъ мысъ, лежащій къ нордъ-осту, на пять дней ходу, то найдетъ широкое открытое море, склоняющееся къ полудни. Не смотря на сіи благонадежныя ободренія, раченіе ихъ было безполезно, ибо множество льдовъ, подводныхъ камней въ Карскомъ морѣ, также и худая погода осенняя, затѣмъ что уже Сентябрь застигъ, не допустили ихъ за Вайгачъ къ востоку больше ста верстъ, откуда, не получа желаемаго успѣха, въ Голландію возвратились.

Сія неудача не могла умалить охоты у Голландцевъ къ тому же предпріятію. Амстердамское правительство, съ позволенія Генеральныхъ статовъ, 1596 г. отправило въ нордъ-остъ два корабля, которыхъ прежніе: Баренсъ, Гемскеркъ, и съ ними Корнелій Рипъ отпущены главными. Въ море вышли 18-го Мая. 9-го числа Іюня въ 74 градусахъ широты увидѣли островокъ и множество льда, который для многихъ бѣлыхъ медвѣдей назвали Медвѣжьимъ. Минувъ южный конецъ сего острова и простираясь далѣе, того жъ мѣсяца 19 дня, на 80 градусахъ 11 минутахъ землю открыли, которая далече протянулась, имѣетъ изрядные заливы для пристанища и хотя ни лѣсомъ, ни травою не покрыта, кромѣ мху и нѣкоторыхъ голубыхъ цвѣтковъ не показываетъ, однако преизобилуетъ великимъ множествомъ дикихъ гусей, также довольствомъ бѣлыхъ медвѣдей, оленей, лисицъ бѣлыхъ и сѣрыхъ. Отчего съ берега возвратясь оба корабля къ полудни до Медвѣжья острова, учинили общій совѣтъ о дальнѣйшемъ своемъ мореплаваніи и изысканіи, гдѣ положили, что всякъ по своему благоизобрѣтенію путь предпріять можетъ. И такъ, Корнелій Рипъ, не перемѣнивъ своего намѣренія, пошелъ искать прохода сѣверомъ на старое мѣсто, гдѣ, бывъ около 80 градусовъ ширины, Баренсъ положилъ идти нѣсколько къ полудни.

Іюля 17 дня, на ширинѣ 74 градусовъ 40 минутъ увидѣлъ въ полудни Новую Землю, подлѣ коей въ виду пошелъ на лѣвую руку, къ остъ-нордъ-осту, между льдомъ падуномъ мелкимъ и крутымъ, съ немалою опасностію, гдѣ до Сентября мучившиеся, увидѣли себя льдомъ затертыхъ, такъ что потеряли надежду прежде будущей весны домой возвратиться; для того положили на семъ суровомъ мѣстѣ зимовать. На берегъ стали выходить Сентября перваго числа; на берегу сыскали рѣчку прѣсной воды и довольно плавника для постройки хоромины и для топленія, что имъ не мало служило къ ободренію, какъ бы отъ лютыхъ морозовъ и медвѣдей оборониться. Для слѣдующихъ нашихъ предпріятій, должно зимовье сихъ Голландцовъ на Новой Землѣ описать нѣсколько обстоятельнѣе.

Изъ плавнику, который лежалъ по заплескамъ, построена была одна большая изба и, сколько возможно, обшита досками изъ разбитаго корабля, покрыта досками же, и сверхъ того парусами, такъ что снѣгъ въ сію хижину проходить не могъ; отъ мороза глубокій снѣгъ, коимъ ихъ съ осени занесло, защищалъ довольно. Не имѣя ни печи, ни трубы, порядочно сдѣланныхъ, не могли сей хижины нагрѣть по надлежащему и отъ перваго опыта употребленія каменнаго уголья для лучшей теплоты всѣ такъ угорѣли, что чуть живы остались и, въ сукнахъ, кои раздѣлены были отъ командировъ, завиваясь, отъ стужи весьма недостаточно закрывались, и если бы по закрытіи вовсе солнца не нашло къ нимъ множества лисицъ, коихъ мясо въ пищу, а кожи на шапки, на чулки и на другую нужду не послужили, то бы совершенно пропасть имъ было съ голода и холода, который былъ иногда такъ крѣпокъ, что при мытьѣ рубашки, вынутыя изъ кипятка, замерзали прежде, нежели могли быть выжаты, и къ рукамъ приставали. Весьма умѣренное количество виноградного вина и водки нарочито ихъ въ томъ подкрѣпляло; также и сухари, хотя не безъ скудости, до весны не исходили. Много боролись съ наглыми бѣлыми медвѣдями, пока день былъ съ осени и какъ опять насталъ весною; въ отсутствіи дневнаго свѣта, вмѣсто медвѣдей было лисицъ множество. Примѣчанія достойно, что середи зимы видали вдали море открытое и въ самомъ концѣ Декабря мѣсяца, когда было нѣсколько отъ полуденной зари свѣтло. Въ морѣ слыхали ужасные трески, или лучше несказанные—громовымъ подобные звуки, когда ледъ ломался. Апрѣля 15-го числа море вездѣ открылось, а по стоячимъ у береговъ торосамъ на краяхъ

стояли, на подобіе высокихъ домовъ и башенъ, великія взломанныя льдины; корабль нашли въ такомъ же состояніи, какъ осенью былъ взломанный оставленъ.

Во второе число Апрѣля сильнымъ полуденнымъ вѣтромъ море все очистилось, что ни единой большой плавающей льдины не осталось. Съ того времени починили шлюпку и шкуну, съ великимъ трудомъ по льду протянули къ морю и 14-го числа Іюля пустились въ море съ немалою опасностію. Въ хижинѣ, гдѣ зимовали, оставилъ Баренсъ описаніе несчастливаго ихъ приключенія, для того, что ежели ихъ судьбина въ волнахъ постигнетъ, кому нибудь впредь достанется оное въ руки, дабы то хотя когда нибудь на свѣтѣ увѣдали, сколько они претерпѣли бѣдствія. Обходя Полуночный мысъ Новыя земли и пробираясь къ западу, отъ многихъ очевидныхъ погибелей избавились. Между тѣмъ Баренсъ отъ понесенныхъ великихъ трудовъ умеръ, къ великой печали всѣхъ, для его разума и честности. Послѣ того еще многократно льдами окружены и утѣснены были, и шлюпка отъ шкуны отлучилась. Видѣли на дорогѣ промышленниковъ Россійскихъ и освѣдомлялись у нихъ о дорогѣ неоднократно, покупая отъ нихъ притомъ съѣстные припасы. Наконецъ, недалече отъ Колы соединясь, пришли въ самый оный острогъ, и къ немалому удивленію, нашли тамъ Корнелиса Рипа, который другимъ путемъ, около 80 градусовъ, ходилъ искать прохода. Изъ Колы въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1597 года домой возвратились. О приключеніяхъ Корнелиса Рипа нѣтъ описанія.

Путешествіе Дежнева и другихъ русскихъ людей.

Холмогорецъ Ѳедотъ Алексѣевъ, съ позволенія государева прикащика, что былъ тогда на Ковымѣ, съ казакомъ Иваномъ Дежневымъ предпріяли путешествіе изъ рѣки Ковыми на востокъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1647 года, въ томъ мнѣніи, чтобы дойти Анадира, о которой думали, что впала въ то же Ледовитое море; однако за льдами походъ ихъ былъ безъ успѣха. Первая сія неудача не отняла у нихъ ни надежды, ни смѣлости, и потому, слѣдующаго 1648 года, Іюня 20-го дня тѣ же Алексѣевъ и Дежневъ, и еще нѣкто Герасимъ Анкудиновъ, пошли на семи кочахъ*) съ немалымъ числомъ

*) Кочъ или коча большое судно съ одною мачтою, употребляемое въ Сибири.

народа, на каждомъ суднѣ около тридцати человѣкъ. О четырехъ судахъ нѣтъ извѣстія, гдѣ дѣвались. Служиваго Анкудинова кочъ разбило у Чукотскаго носа, гдѣ онъ на прочія два къ товарищамъ перебрался. Сентября 20-го дня, Алексѣевъ и Дежневъ будучи на берегу, дали съ Чукчами бой, на коемъ Дежневъ раненъ; потомъ носило ихъ долго по морю; и наконецъ, Дежневъ выкинутъ за устье рѣки Анадира далѣ къ полудню, къ сѣвернымъ Камчатскимъ предѣламъ, около рѣки Олюторки. Ѳедотъ Алексѣевъ и Герасимъ Анкудиновъ въ корякцихъ жилищахъ пристали къ берегу, на коемъ, нѣсколько поживъ, померли цынгою. Многіе изъ товарищей ихъ побиты; достальные, въ маломъ числѣ, убѣжали въ лодкахъ на Камчатку и первые изъ Россіянъ въ сей землѣ поселились за долго до прихода пятисотника Володиміра Атласова. И хотя они тамъ отъ Камчадаловъ убиты, кои увѣдали, что русскіе—люди, а не боги, затѣмъ что кровь ихъ увидѣли, когда они подрались между собою; однако имя ихъ и остатки жилища были свидѣтелями. О смерти Алексѣя и Анкудинова сказывала послѣ Дежневу якутская баба. Дежневъ, возвращаясь съ двадцатью пятью человѣками, нашелъ Анадиръ рѣку и, по ней ходя, основалъ Анадирскій острогъ; наконецъ, съ великимъ трудомъ отъ вершинъ перешедъ горы, достигъ на устье рѣки Ковыми, откуда пошелъ, сперва на судахъ, по Сибирскому берегу къ востоку.

Сею поѣздкою несомнѣнно доказанъ проходъ морской изъ Ледовитаго океана въ Тихій, къ чему наше главное намѣреніе здѣсь простирается. При семъ Дежневъ слышалъ, что море около Чукотскаго носу не повсягодно бываетъ ото льду чисто; о картахъ и о прочемъ, что до промысломъ надлежитъ, не упоминаю. Остается объявить о прочихъ берегахъ Сибирскаго океана, отъ Вайгача до Ленскаго устья, кои хоть по большой части промышленниками обойдены издавна, однако полное доказательство представить должно изъ нарочныхъ отправленій морскихъ офицеровъ, кои по Высочайшимъ Монаршескимъ повелѣніямъ посыланы для описанія сѣверныхъ береговъ Сибирскихъ.

Объ оныхъ посылкахъ обстоятельныя извѣстія хранятся въ Государственной Адмиралтейской Коллегіи. Сколько же мнѣ свѣдомо, то отъ города Архангельскаго сквозь Вайгачъ изслѣдованъ хотя трудный ходъ для многихъ льдовъ морскими офицерами: Малыгинымъ, Скуратовымъ, Мининымъ, далѣе Обской губы, даже до устьевъ рѣки

Пясиги. Отъ устья Пясиги до устья Тамуры рѣки, хотя для множества льдовъ судовой ходъ почитается невозможнымъ, и штурманъ Мининъ, идучи съ запада отъ устьевъ Енисейскихъ, остановился на ширинѣ $73\frac{1}{2}$ градусовъ, а съ востока, отъ устья рѣки Вены, поручикъ Харитонъ Лаптевъ могъ дойти до 77 градусовъ, а всего мысу водянымъ ходомъ не окружили; однако по краямъ стоячаго льду прошелъ при ономъ мысу мичманъ Челюскинъ и вездѣ видѣлъ стоячій ледъ окруженъ торосомъ, т. е. ходячимъ льдомъ, который тогда зимнимъ временемъ примерзъ къ стоячему. Что же оный въ лѣтнюю пору ходилъ, то показывали взломанные треніемъ бугры ледяные. Отъ рѣки Тамуры до устьевъ Ковымскихъ судовой ходъ извѣданъ флота поручикомъ Дмитріемъ Лаптевымъ; достальной берегъ, отъ Ковыми до устья рѣки Анадира, около Чукотскаго носу, изслѣдованъ извѣстіями отъ тамошнихъ жителей чрезъ капитана Павлуцкаго;— чему извѣстіе о морскомъ пути Федота Алексѣева съ товарищи весьма соотвѣтствуетъ, и сомнѣнія о морѣ, всю Сибирь окружающемъ, не остается.

Отъ Чукотскаго носу на Камчатку морской свободный ходъ отнюдь не сомнителенъ и доказанъ путешествіемъ Беринговымъ, который 1728 года, Іюля 20-го дня вышелъ изъ устья рѣки Камчатки и пустился въ сѣверъ къ востоку при Камчатскихъ берегахъ, дѣлая онымъ по возможной точности описаніе. На $64\frac{1}{2}$ и 67 градусахъ 18 минутъ пріѣзжали къ нему на байдарахъ Чукчи, у коихъ онъ спрашивалъ черезъ толмача Корячанина о положеніи земли далѣе къ сѣверу; на что отвѣтствовали, что она послѣ того простирается къ западу. Губу ли они, послѣ носу слѣдующую, или главный поворотъ разумѣли, сомнительно; только въ самомъ дѣлѣ правда, и Берингъ не напрасно думалъ, что онъ по данной себѣ инструкціи исполнилъ. Одного жаль, что, идучи обратно, слѣдовалъ тою же дорогою и не отошелъ далѣе къ востоку, которымъ ходомъ конечно бы могъ примѣтить берега сѣверозападной Америки.

Уже довольно показано, что сѣверный Сибирскій океанъ съ Атлантическимъ и съ Тихимъ безпрерывное соединеніе имѣетъ, и что Азія отъ Сѣверной Америки отдѣлена водами, кои коль широки, то есть, коль далече отстоятъ самыя сѣверныя берега Сѣверной Америки отъ Сибирскихъ, о томъ еще мало, или почти ничего не извѣстно, за невозможностію по нынѣ свободнаго мореплаванія; однако, сколько есть извѣстій, здѣсь пропустить не должно. Что противъ Чукотскаго

носу есть земля, острова или матерая, о томъ увѣряютъ извѣстія геодезиста Гвоздева и объявленія тамошнихъ жителей; и неоспоримо, что все оное принадлежитъ къ Америкѣ; ибо по сказкамъ Чукчей и людей, на оной землѣ пойманныхъ, извѣстно, что земля оная велика, въ которой множество народу, лѣсовъ и звѣрей, и втекаютъ въ море великія рѣки, и многія притомъ обстоятельства. Съ западнаго конца Ледовитаго океана простирается Гренландія, которая, по крайней вѣроятности, соединена сухимъ путемъ съ землями, отъ Калифорніи къ сѣверу лежащими, гдѣ полагаются моря и рѣки, открытыя де-Фукою и де-Фонтомъ, и куда ходили изъ Камчатки Чириковъ и Берингъ; ибо восточные, южные и западные берега Сѣверной Америки суть довольно извѣстны; слѣдовательно надлежитъ быть и четвертому на сѣверъ, который хотя для великихъ заливовъ и острововъ идетъ чаятельно излучинами, какъ вездѣ почти бываетъ, однако однимъ кряжемъ безпрерывнымъ.

Путешествіе морское съ Россійской стороны изъ Камчатки на востокъ хотя и не надлежитъ до мореплаваній для поиску проходу въ Индію нордъ-остомъ, однако въ разсужденіи острововъ, между Америкою и Камчаткою и Чукотскими берегами лежащихъ, также и самыхъ дальнихъ мѣстъ къ полюсу склоняющейся Сѣверной Америки, служитъ къ нашему главному дѣлу. Онымъ ходомъ, подъ Беринговою и Чирикова командою, извѣдано: 1) что западные берега Сѣверной Америки лежатъ далѣе къ полюсу, нежели какъ прежде думали; а изъ того слѣдуетъ, по взятымъ наблюденіямъ, что оные отъ земли, противъ Чукотскаго носу лежащей, отстоятъ не весьма далече, напримѣръ, Долматовъ островъ отъ ней около осьми сотъ верстъ. 2) Что Америка, противъ Камчатки лежащая, начинается островами, каковъ есть Беринговъ и его сосѣдственные, и потому не безъ основанія утвердить можно, что видѣнныя мѣста, мимо коихъ шли помянутые мореплаватели, суть острова и составляютъ Архипелагъ; ибо они шли дѣйствительно между островами, хотя ихъ и не видали, изъ коихъ одинъ пресѣченіемъ волнъ знать себя далъ, ночью во время сильнаго вѣтра отъ полудни, что онъ не былъ изъ числа малыхъ, какіе тамъ многіе примѣчены. 3) А посему явствуетъ, что противъ сѣверной части Камчатки и противъ Анадирскихъ устьевъ, можетъ быть довольное пространное море, а особливо потому, что отъ нордъ-оста приноситъ зимою ледъ даже до Курильскаго мыса. 4) Что въ оныхъ мѣстахъ есть множество жителей, и потому весьма

вѣроятно, что они, по не весьма дальнему разстоянію отъ обитателей земли, коя лежитъ противъ Чукотскаго носу, съ ними сродны и одного языка, или немного отмѣннаго; либо конечно по сосѣдству есть у нихъ такіе люди, кои между ними служатъ вмѣсто переводчиковъ, такъ что если бы достать жителя земли, что лежитъ противъ Чукотскаго носу, то бы весьма уповательно было получить извѣстіе о тѣхъ Россіянахъ, кои на западномъ Американскомъ берегу Чириковымъ потеряны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О возможности мореплаванія Сибирскимъ океаномъ въ Остъ-Индію, признаваемыя по натуральнымъ обстоятельствамъ.

Нынѣ слѣдуетъ о трудности отъ льдовъ разсудить и для того сперва должно о нихъ имѣть обстоятельное и подробное понятіе и объ ихъ происхожденіи. Порожденія суть двоякаго рода: ледяныя горы на сушѣ и льды, плавающіе по морю. Горы, что на сушѣ, также раздѣляются на два рода: однѣ подобно Альпійскимъ, покрытыя вѣчнымъ льдомъ и снѣгомъ, выше облаковъ восходятъ, по большей части отъ береговъ въ нѣкоторомъ отдаленіи; другія суть самые берега, состоящіе въ крутыхъ утесахъ, со льдами соединенныхъ. О происхожденіи первыхъ разсудить можно, что онѣ послѣ самаго начала горъ отъ паровъ намерзли и снѣгомъ нанесены изъ древнихъ лѣтъ и, простираясь въ верхнюю холодную атмосферу, никогда не стаиваютъ; вторыхъ рожденіе обстоятельно примѣчено: стекающіе ручьи и рѣчки изъ озеръ и отъ снѣговъ, лежащихъ по горамъ высокимъ, кои лѣтомъ нѣсколько таютъ, сливаются въ море ущелинами, между крутыми утесами; а какъ осень и зима придетъ, рѣчки отъ сильныхъ морозовъ до дна промерзаютъ, вода нажимается сверхъ перваго льду, не имѣя подъ нимъ теченія, и, налившись на немъ, въ ледъ же обращается. И такимъ образомъ слой на слой садится, и въ одну зиму подымается на нѣсколько саженъ толщиною, а въ десять и въ двадцать зимъ равняется ледъ съ высокими каменными берегами, затѣмъ что лѣтомъ несравненно въ ущелинахъ меньше таетъ, нежели какъ зимою нарости можетъ.

Ходячіе по морю льды трoякій видъ показываютъ: 1) Мелкое сало, которое подобно какъ снѣгъ плаваетъ въ водѣ, иногда игловатъ, или хотя и связь имѣетъ, однако гибокъ, и судамъ не вре-

денъ. 2) Горы нерегулярной фигуры, которыя глубиною въ водѣ ходятъ отъ 30 до 50 саженъ, выше воды стоятъ на десять и больше, безпрестанно трещатъ, какъ еловыя дрова въ печи; почему узнать можно такихъ плавающихъ горъ приближеніе въ туманъ и ночью, и взять предосторожность, ибо онѣ во время волненія опасны, а особливо когда на мель становятся и обарачиваясь разламываются съ великимъ шумомъ и трескомъ. 3) Стамухи, или ледяныя поля, кои нерѣдко на нѣсколько верстъ простираются, смѣшанныя съ мелкимъ льдомъ. Таковые льды плаваютъ въ большомъ количествѣ и суда удобнѣе затираютъ. Здѣсь различить должно плавающія ледяныя горы отъ тѣхъ, кои состоятъ изъ взломанныхъ стамухъ взаимнымъ сраженіемъ.

Сало родится на самомъ морѣ отъ великихъ морозовъ и примѣчается весною и осенью, а лѣтомъ рѣдко. Крѣпости разность бываетъ по разной солености воды и по силѣ морозовъ. Гдѣ вода прѣснѣе и морозъ сильнѣе, тутъ и море такъ замерзаетъ, что по немъ ходить и на нартахъ ѣздить можно. Въ поморьѣ называется оное *ночемержа*, затѣмъ что въ Мартѣ мѣсяцѣ, ночными морозами, въ тихую погоду, Бѣлое море на нѣсколько верстъ гибкимъ льдомъ покрывается, такъ что по немъ за тюленями ходятъ и лодки торосовыя за собою волочатъ; и хотя онъ подъ людьми гнется, однако не скоро прорывается, около полудни отъ солнца пропадаетъ и отъ вѣтру въ чепуху разбивается.

Происхожденіе падуна уже и по имени явствуетъ, ибо когда лѣтнею порою поверхность Новой Земли отъ снѣгу свободится и потекутъ ручьи и рѣчки въ море, тогда подъ намерзлыя въ ущелинахъ крутыхъ береговъ ледяныя горы прѣсная вода съ земли въ море путь находитъ и оныя подмываетъ; также и волны морскія подплескиваютъ; отъ краевъ ущелинъ дожди и ручейки отполаскиваютъ; а больше всего, когда тягость столь великія громады, преодолѣвъ связь съ каменною горою, обрушивается въ море и производитъ ужасный громъ и шумъ, какъ бы изъ цѣлой артиллеріи и многаго мелкаго ружья вдругъ выпалить. Безпрестанная трескотня сихъ ледяныхъ горъ происходитъ оттого, что онъ, будучи много студенѣе морской воды, отогрѣваясь въ ней, безпрестанно лопается и отрываетъ отъ себя мелкій щебень, пока весь со временемъ изчезнетъ.

Прѣсная вода замерзаетъ съ верху къ низу, и чѣмъ морозъ сильнѣе и долѣе дѣйствуетъ, тѣмъ ледъ становится толще. Въ Сибири

малыя рѣки нерѣдко до дна промерзаютъ, а въ большихъ ледъ бываетъ толщиною до трехъ саженъ. Представимъ же себѣ великія губы при устьяхъ великихъ рѣкъ Сибирскихъ, наполненныя прѣсною водою, которая до столь знатной толщины замерзаетъ, что въ лѣто растаять не можетъ. Полуденные вѣтры весною относятъ оныя великія льдины въ море, по которому онѣ, плавая свое время, изчезаютъ то отъ волнъ морскихъ, то ломаясь о берега или другъ о друга, то будучи движеніемъ моря отнесены въ моря, лежащія южнѣе, изчезаютъ; а на ихъ мѣсто каждая зима производитъ новый ледъ въ оныхъ заливахъ. И сіи суть такъ называемыя стамухи или поля леданыя. Что оныя дѣйствительно изъ заливовъ при устьяхъ рѣкъ великихъ, то явствуетъ: 1) что состоятъ изъ воды прѣсной; 2) что обыкновенная трехсаженная толщина сходствуетъ съ толщиною льдовъ на рѣкахъ Сибирскихъ; 3) что отъ падуна разнится не токмо плоскою фигурою, но и твердостію и прозрачностію, затѣмъ что падунъ не прозраченъ, пузыреватъ и трещиноватъ, какъ на слѣду быть должно.

Разсмотрѣвъ различіе и качества льдовъ, должно обозрѣть ихъ движеніе по Сибирскому океану. Но сего видѣть ясно не возможно, безъ познанія въ немъ теченія водъ и приливовъ и отливовъ, которымъ по большой части великіе льды послѣдуютъ. Вѣтрамъ мелкіе только и тонкіе удобнѣе повинуются; а падунъ и стамухи больше нижняя часть воды движетъ, такъ что нерѣдко противныя движенія мелкаго и крупнаго льду примѣчаются на одномъ мѣстѣ. Того ради неотмѣнно должно по возможности, вникнуть въ изысканіе оныхъ Ледовитаго океана движеній, сколько показываютъ наблюденія и сколько позволяетъ по онымъ заключить теорія; а какъ движенія морей много зависятъ отъ положенія береговъ, потому неотмѣнно должно здѣсь разсуждать о положеніи оныхъ у Ледовитаго моря. Сибирскія довольно для сего дѣла извѣстны; Американскихъ должно досягать основательными догадками, когда практическое испытаніе оныхъ понынѣ не было дозволено.

Главное теченіе океана повсюду, гдѣ человѣческое раченіе достигло, примѣчено отъ востока на западъ; слѣдовательно и въ Сибирскомъ океанѣ тому же быть должно. И самое искусство подтверждаетъ сіе неоспоримыми доводами. Правда, что на самомъ ономъ Ледовитомъ морѣ, въ дальнихъ разстояніяхъ отъ береговъ Сибирскихъ, того примѣтить понынѣ возможности не было; но однако

движеніе водъ въ соединенномъ съ нимъ Нормандскомъ и Атлантическомъ океанѣ есть не ложный свидѣтель, которое увѣряетъ, что нельзя бы тамошнимъ водамъ было простираться теченіемъ на западъ, если бы на ихъ мѣсто другія воды отъ востока, то есть изъ Ледовитаго моря, не наступали; и сами льды согласнымъ оттуду движеніемъ сему соотвѣтствуютъ.

Воды океанскія текутъ отъ востока къ западу (какъ выше объявлено), а вода, истекающая изъ Сибирскаго океана, течетъ: 1) между Норвежскимъ Сѣвернымъ носомъ и Шпицбергеномъ, что показываютъ и приливы при Исландіи, кои идутъ отъ востока, и наносный ледъ къ Медвѣжьему острову и къ Шпицбергену отъ Новой Земли. Сіе теченіе простирается наконецъ Атлантическимъ океаномъ, между Африкою и Америкою, и обходитъ около Южной Америки Магеллановымъ, Делямеровымъ и другими проливами и южными морями въ Тихій океанъ. Увѣряютъ въ томъ великія льдины падуна въ Ишпанскомъ морѣ, около мыса Финистерскаго примѣченныя. 2) Вода между Гренландомъ и Шпицбергеномъ, въ сѣверъ протекающая, такъ же имѣть должна ходъ оборотный; да кудажъ? Не инуда, какъ около полюса въ Сибирскій океанъ обратно. Ибо довольно ей на оборотъ параллельныхъ линій отъ полюса на 20 и на 10 градусовъ, подобно какъ на другой половинѣ свѣта между мысами Горномъ и Добрыя Надежды, Новой Голландіи и между невѣдомыми землями южнаго полукружія. Когда великихъ морей: Индѣйскаго, Атлантическаго и Тихаго, многія воды не имѣютъ вольнаго теченія подъ жаркимъ поясомъ для препятствованія великихъ частей свѣта и для того принуждены искать проходу въ приближеніи къ полярнымъ странамъ, то самымъ ли сѣвернымъ водамъ искать должно какого дальнаго для себя окружнаго проходу?

И такъ, по всему видно, и на самомъ высочайшемъ степени вѣроятности поставлено, что, считая отсюду, за полюсомъ есть великое море, которымъ вода Сѣвернаго океана обращается, по силѣ общаго закона, около полюса отъ востока къ западу; далѣе ей идти некуда какъ въ Бафинскій заливъ, въ который однако толь широкаго проходу, или еще и никакого, быть нечаятельно: къ тому же было бы то не по теченію отъ востока къ западу, но въ противную сторону, что несогласно общимъ законамъ.

И такъ, когда около полюса кругомъ море, то остается еще вопросъ, есть ли оно въ самомъ полюсѣ, или занимаетъ оный суша?

Сего рѣшеніе здѣсь хотя не нужно, однако вниманія достойно. Мнѣ кажется, хотя можетъ быть и не въ самой полярной точкѣ, однако близъ оной, должно быть не малому острову, или еще и многимъ: 1) для того что окружному теченію океана натуральнѣе обходить около острова, какъ и на другихъ моряхъ бываютъ водовороты; 2) открытые Баренсомъ и Корнелисомъ Рипомъ берега, далече простирающіеся, суть южные, слѣдовательно показываютъ великій островъ, который лежитъ къ сѣверу, далѣе 80 градусовъ и 11 минутъ, склоняясь отъ Шпицбергена къ востоку; 3) а какъ Шпицбергенъ одинъ состоитъ изъ трехъ главныхъ острововъ и изъ мелкихъ весьма многихъ, и помянутый Корнелисовъ островъ лежитъ въ близости оныхъ, то весьма вѣроятно, что самая полярная часть свѣта наполнена многими островами и занята Архипелагомъ, за которымъ лежатъ полуночные берега Сѣверной Америки.

Знаніе оныхъ положенія много надлежитъ къ нашему изысканію; того ради, лишаясь всякаго о томъ практикою свѣдѣнія, должны прибѣгнуть къ однимъ разсужденіямъ, кои основаніе свое имѣютъ на подобіи дѣйствій постоянныя натуры и на примѣрахъ географическихъ, на коихъ опираясь, посмотримъ мыслями: 1) на положеніе противнаго Сибирскому матераго берега, заключающаго въ сѣверѣ Америку, простирающагося отъ Гренландіи до матерой земли, противъ Чукотскаго носу лежащей, и потому 2) на обширность всего Сибирскаго океана; 3) на онаго же берега натуральное состояніе и качества.

Разсматривая весь шаръ земной, не безъ удивленія видимъ въ морѣ и въ сушѣ нѣкоторое аналогическое, взаимно соотвѣтствующее положеніе, яко бы нарочнымъ смотрѣніемъ и распорядкомъ учрежденное. И во-первыхъ двѣ великія суши земной поверхности, старый и новый свѣтъ составляющія, много фигурою сходствуютъ: 1) обѣихъ южныя части, то есть Африка и полуденная Америка, суть треугольники; 2) берега ихъ не столь много изрѣзаны глубокими излучинами, какъ сѣверныя половины; 3) не окружены многими островами, какъ оныя; 4) присоединены обѣ къ сѣвернымъ частямъ узкими перешейками одинъ въ Египтѣ, другой въ королевствѣ Мексиканскомъ. Сверхъ сего, Зеленый мысъ соотвѣтствуетъ мысу Бразильскому, Мексиканское море Посредиземному; острова Кипръ, Критъ, Сицилія и другіе, островамъ Кубѣ, Испаніолѣ и прочимъ; Мадагаскаръ острову Огненному. Сѣверныя сихъ сушей половины соотвѣтствуютъ, чрезъ Западный океанъ: Балтійскимъ моремъ—Гудсонскому, Ботничес-

кимъ заливомъ—Баффинскому, Англіею—Новой Землѣ острову (Terre neuve), Гренландіею—Швеціи и Норвегіи, Новою Землею—Шпицбергену. На другой сторонѣ, чрезъ Тихое море: Индѣйскіе острова и полуострова стоятъ противъ Калифорніи и противъ недовольно извѣданныхъ великихъ заливовъ и перерѣзовъ Дефуковыхъ и Дефонтовыхъ; великіе озера въ Новой Франціи изображаютъ моря: Каспійское, Аральское, Байкалъ, Ладогу, Онегу и другія соленыя и свѣжія воды, землями окруженныя; противъ Камчатки простирается мысъ сѣверозападный Сѣверной Америки, который не безъ основанія нѣкоторые новые географы полуостровомъ на картахъ изображаютъ.

По таковой великой аналогіи заключаютъ, что лежащій противъ Сибирскаго берега, на другой сторонѣ, сѣверный Американскій берегъ Ледовитаго моря протянулся вогнутою излучиною, такъ что сѣверную полярную точку кругомъ обходитъ и въ ширинѣ имѣетъ пространство около полутретьихъ тысячъ верстъ. * И понеже долгота онаго, считая отъ Шпицбергена до Чукотскаго носу, на 3,000 верстъ простирается чрезъ полюсъ, то имѣетъ оно видъ нѣсколько овальный. Сіе согласуется съ положеніемъ сего моря, по вѣроятности представленной въ § 62: ибо когда за Шпицбергеномъ есть пространное море, въ которое проливомъ на 700 верстъ шириною происходитъ теченіе отъ полудни, то неотмѣнно должно быть таковой излучинѣ, какова слѣдуетъ изъ помянутой географической аналогіи.

Вообразивъ себѣ величину и фигуру Сибирскаго океана, представимъ мысленнымъ зрѣніемъ главныя качества сѣвернаго Американскаго берега, лежащаго насупротивъ Сибирскаго, къ чему за основаніе положимъ подобную выше описанной аналогію. Когда теченіе знатныхъ рѣкъ разсмотримъ, вездѣ почти найдемъ, что одна сторона у нихъ нагорная, другая луговая, то есть одна состоитъ изъ береговъ крутыхъ и высокихъ, другая изъ низкихъ, песчаныхъ и луговыхъ мѣстъ; а слѣдовательно оныя рѣки съ одной стороны приглубы, съ другой отмелы. Сіе же натура по большей части наблюдаетъ и въ разсужденіи береговъ морскихъ и другихъ знатныхъ водъ. Такъ, напримѣръ, южные берега Балтійскаго моря по большой части отмелы и наполнены коргами; ** сѣверные, напротивъ того лежащіе, суть каменные,

* Около 2,500 верстъ.

** Каменистая банка, открывающаяся при отливѣ, также небольшіе каменистые островки.

приглубые. Сіе жъ видимъ и въ Ладожскомъ озерѣ, кое съ южной стороны, отъ Шлиссельбурга до Сяси, при низкихъ берегахъ весьма отмело, а сѣверная Карельская сторона глубока и заключается каменными горами. Не иначе состоитъ и Бѣлое море, котораго лѣтній берегъ къ югу и зимній—къ зюйдъ-осту песчанъ и не такъ приглубъ, какъ Терскій, противъ его въ сѣверѣ и въ сѣверо-западѣ лежащій. Изъ сего натуральнаго закона, который хотя не безъ всякаго изъятія, однако же весьма общъ, по великой вѣроятности, заключить можно, что противъ весьма отмелаго Сибирскаго берега, низкими тундристыми мысами простирающагося, лежитъ крутой и приглубый берегъ Сѣверной Америки.

Другая подобная аналогія показываетъ намъ слѣдующее: Крутые морскіе берега рѣдко вливаютъ въ море великія рѣки; но оныя обыкновенно протекаютъ въ моря съ краевъ отлогихъ. Такъ, изъ Африки низменный Египетъ даетъ путь Нилу въ Средиземное море; на южной сторонѣ сея части, къ крутому мысу Доброй Надежды лежащей, такихъ рѣкъ не произвела натура. Южная Америка по великимъ, ровнымъ и низкимъ плоскостямъ Бразильскимъ и Парагуйскимъ сливаетъ въ Атлантическій океанъ великій Мараньонъ и Делаплату; но высокія и крутобрегія Перу и Хили малыя весьма воды сообщаютъ Тихому морю. Изъ Азіи хотя великія быстрины въ полдень стремятся между высокими мѣстами: Евфратъ, Гангесъ, Индъ; но онъ только нашимъ сѣвернымъ посредственнымъ рѣкамъ: Ковымѣ, Индигиркѣ, Янѣ, Печорѣ, довольно величиною соотвѣтствуютъ, а съ Леною, Енисеемъ и Обью отнюдь въ сравненіе не могутъ быть поставлены. Европа на востокъ изливаетъ Дунай и Волгу, по мѣстамъ пологимъ; на западъ протекающія рѣки въ гористыхъ мѣстахъ весьма предъ оными малы. И такъ, разсудивъ: 1) что изъ Сѣверной Америки протекаютъ на полдень и на востокъ рѣки Миссисипи и Святаго Лаврентія; 2) что Сѣверный берегъ Америки, лежащій насупротивъ Сибирскаго, крутъ и приглубъ то слѣдуетъ, что съ него въ Сибирскій океанъ не протекаютъ толь великія рѣки, каковы суть Миссисипи и Святаго Лаврентія, и потому въ сравненіи съ Сибирскими должны быть весьма малы.

По таковымъ обстоятельствамъ и по толь многимъ, вѣроятнымъ и согласно показующимъ догадкамъ, едва остается сомнѣніе, что берегъ Сѣвернаго океана, насупротивъ Сибирскому лежащій, долженъ быть крутъ, приглубъ и много меньше прѣсной воды изливаетъ, не-

жели Сибирскій. А потому на оной глубинѣ океанская вода много солонѣе, нежели при отмелыхъ краяхъ Сибирскихъ, куда величайшія на свѣтѣ рѣки собранную съ половины Азіи воду прѣсную приводятъ, съ россоломъ мѣшаютъ и онаго крѣпость весьма ослабляютъ. Морозы соленаго россолу не могутъ претворить удобно, какъ одолѣваютъ прѣсную. Сіе показываетъ опытъ, что океанская вода, взятая отъ сѣвернаго Норвежскаго мыса, здѣсь не замерзла, но только сгустилась въ стужу 180 градусовъ, будучи въ маломъ сосудѣ и со всѣхъ сторонъ окружена студенымъ воздухомъ. И такъ, можетъ ли такой россолъ, въ цѣломъ морѣ подверженный морозу только съ верху, всегда находящійся въ движеніи, замерзнуть крѣпко? То совершенно явствуетъ, что Сибирскій берегъ несравненно больше льдовъ плоскихъ, то есть стамухъ, производитъ, нежели Американскій.

Изъ всего вышеписаннаго, по натуральнымъ законамъ и по согласнымъ съ ними извѣстіямъ, не обинуясь заключаю: 1) что въ отдаленіи отъ береговъ Сибирскихъ, на пять и на семь сотъ верстъ, Сибирскій океанъ въ лѣтніе мѣсяцы отъ такихъ льдовъ свободенъ, кои бы препятствовали корабельному ходу и грозили бы опасностью быть мореплавателямъ затертымъ; 2) что самый лучшій проходъ упователенъ мимо восточно-сѣвернаго конца Новой Земли къ Чукотскому носу, сперва пустясь въ нордъ-остъ, потомъ склонясь къ осту и зюйдъ-осту, какъ слѣдуетъ, держась дуги величайшаго на сферѣ земной круга; 3) что возможенъ проходъ между Гренландіею и Шпицбергеномъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ Сѣверной Америки, для меньшаго множества льдовъ, какъ выше означено, который путь хотя и отдаленнѣе, однако тѣмъ кажется быть способнѣе, ежели, какъ чаятельно, тамошній океанъ, обращаясь около полюса, способенъ будетъ теченіемъ въ пути къ Чукотскому носу. 4) Когда Богъ благоволитъ споспѣшествовать открытію сего невѣдомаго и почти нечаемаго донынѣ мореплаванія, то уповательно обратный ходъ будетъ способнѣе около Новой Земли, въ надлежащемъ отдаленіи отъ береговъ Сибирскихъ, по водѣ и по вѣтрамъ, какъ, напротивъ того, по за Шпицбергеномъ и по за полюсомъ мореплаваніе къ Чукотскому носу и далѣе въ Индію и Америку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О пріуготовленіи къ мореплаванію Сибирскимъ океаномъ.

Въ судахъ требуется, чтобы они были не велики, легки, крѣпки, поворотливы, притомъ не совсѣмъ новы, для того, чтобы оныхъ въ ходу удобность и свойства нѣсколько искусствомъ извѣданы были, что въ одно лѣто освидѣтельствовано быть можетъ; и для того можно къ сему выбрать и купить изъ готовыхъ купецкихъ и промышленныхъ судовъ у Архангельскаго порта. Такія суда кажутся потому быть довольны, что артиллерійскій снарядъ въ семъ предпріятіи не нуженъ, кромѣ сигнальныхъ небольшихъ пушекъ.

Главныхъ судовъ число больше трехъ не нужно. Одно, больше двухъ прочихъ, для главной команды; да два, легче и меньше, для разсылки съ главнаго пути въ стороны, для наблюденія земель, льдовъ и другихъ обстоятельствъ. Суда обшить должно досками противъ льдовъ, какъ обороняются въ Индіи отъ червей.

Сверхъ надлежащаго числа матросовъ и солдатъ, взять на каждое судно около десяти человѣкъ лучшихъ торосовщиковъ отъ города Архангельскаго, съ Мезени и изъ другихъ мѣстъ поморскихъ, которые для ловли тюленей на торосъ ходятъ, употребляя помянутыя торосовыя карбаски или лодки, по водѣ греблею, и по льду тягою, а особливо, которые бывали въ зимовьяхъ и въ заносахъ и привыкли терпѣть стужу и нужду; притомъ и такихъ имѣть, которые мастера ходить на лыжахъ, бывали на Новой Землѣ и лавливали зимою бѣлыхъ медвѣдей. Наконецъ, взять два или три человѣка, знающихъ языки тѣхъ народовъ, которые живутъ по восточно-сѣвернымъ берегамъ Сибирскимъ, а особливо умѣющихъ языкъ Чукоцкій. При семъ всемъ смотрѣть, сколько можно, чтобы выбирать людей, которые бы мало причины имѣли назадъ оглядываться и попеченіе имѣть объ оставшихся домашнихъ.

Хотя всего путешествія успѣховъ ожидать должно отъ людей бывалыхъ, знающихъ мореплаваніе, мужественныхъ, терпѣливыхъ, и въ семъ предпріятіи непоколебимыхъ, однако и безсловесныя животныя въ томъ помощь дать могутъ, что примѣрами доказать можно. Между прочими слѣдующій примѣчанія достоинъ: нѣкто морской раз-

бойникъ, родомъ норвежанинъ, именемъ Флокко, желая сыскать Норвегію, пустился отъ Аркадскихъ островъ въ море. При отъѣздѣ взялъ три ворона, и когда онъ въ знатномъ разстояніи отошелъ отъ берега, то пустилъ одного на волю, который тотчасъ полетѣлъ къ Аркадскимъ берегамъ обратно и тѣмъ показалъ, что они отъ оныхъ не такъ далече, какъ казалось. Продолживъ нѣсколько времени свое плаваніе, пустилъ на волю другаго, который, полетавъ кругомъ не мало времени, къ судну возвратился, затѣмъ что кромѣ онаго не нашелъ къ успокоенію мѣста. По нѣсколькомъ времени, выпускомъ третьяго ворона былъ счастливѣе, затѣмъ что онъ увидѣлъ Исландію, полетѣлъ прямо къ оной, и далъ поводъ себѣ послѣдовать и открыть землю, для которой Флокко въ море пустился.

По сему примѣру, не почитаю излишнимъ дѣломъ, чтобы взять на всякое главное судно по нѣскольку птицъ хищныхъ, которыя къ плаванію на водѣ неспособны, а къ подобному опыту служить могутъ, и близость льдовъ показывать...

Способы, въ исканіи полезные, нахожу слѣдующіе: 1) Приливы и отливы, или теченіе моря показываетъ въ тѣхъ румбахъ ходъ, по которымъ оно движется. 2) Когда воды, то есть приливы и отливы, теченіе свое перемѣнятъ, показываютъ въ той сторонѣ берегъ, отъ котораго отвращаются. 3) Чѣмъ воды несходнѣе съ теченіемъ луны, тѣмъ земля и острова ближе; напротивъ того, чѣмъ больше съ нею сходствуютъ, тѣмъ больше пространство моря показывается. 4) Разная солоность воды показываетъ, прибавляяся,—отдаленіе отъ береговъ и льдовъ; убывая,—къ нимъ приближеніе; внезапно чувствительная воды прѣсность значитъ вблизости великой рѣки устья. 5) Приращеніе стужи—близкіе льды, приращеніе теплоты — близкіе берега; постоянная вода — пространство моря покажетъ. Но все сіе должно разсуждать осторожно, по вѣтру, съ которой стороны вѣетъ; на восточный и западный въ семъ случаѣ больше положиться можно. Откуду валы идутъ велики и пологи, тамъ великое и глубокое и отъ льдовъ чистое море. Здѣсь должно разсудить и о старыхъ великихъ валахъ, кои новымъ, противнымъ или поперечнымъ долго не уступаютъ. Когда жъ съ которой стороны сильный вѣтеръ сутки тянетъ, а не подыметъ большаго вала, въ той должно быть близкому берегу, или льду стоячему. 6) Чѣмъ море глубже, тѣмъ берегъ далѣе, выключая банки и корги песчаныя. 7) Разныя животныя и птицы могутъ служить вѣстниками или и путипоказателями; напримѣръ, когда

покажется рыба или птица, при Камчатскихъ берегахъ или около Чукотскаго носу обыкновенная, а въ Сѣверномъ океанѣ рѣдкая или и неизвѣстная, знакомъ служить будетъ близости къ Чукотскому носу; для сего полезно будетъ профессора Крашенинникова описаніе Камчатки...

ПИСЬМА.

Къ И. И. Шувалову.

I.

Милостивый Государь,
Иванъ Ивановичъ!

Поздравляю васъ съ благополучнымъ выѣздомъ въ тѣ прекрасныя мѣста *, въ которыхъ холодноватые Россійскіе зефиры не могутъ препятствовать натуры и искусства силѣ въ произведеніи красотъ, обыкновенныхъ въ благорастворенномъ теплотою климатѣ. Дай Боже, чтобы прежестокая минувшія зимы стужа и тяжелый продолжительныя весны холодъ награжденъ вамъ былъ прекраснаго лѣта пріятною теплотою. А чтобы въ оныхъ дняхъ ясность и тихость еще показалась вамъ пріятнѣе, то должно вамъ представлять въ умѣ противное время. Но какъ лѣто и зима вдругъ быть не могутъ, чтобы выличивъ одно съ другимъ, при строгости и скучномъ видѣ одного, могли яснѣе видѣть и выше почесть другаго красоту, нѣжность и пріятность, для того имѣю честь прислать вамъ зиму стихотворную въ эклогѣ, сочиненной студентомъ Поповскимъ ** Я въ

* Въ маѣ 1751 года И. И. Шуваловъ удалился отъ двора и уѣхалъ куда-то надолго.

** Николай Никитичъ Поповскій, одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ учениковъ Ломоносова, былъ профессоромъ краснорѣчія въ Московскомъ университетѣ. Изъ его литературныхъ трудовъ замѣчателенъ стихотворный переводъ поэмы Поппе: „Опытъ о человѣкѣ“.

ней не поправилъ ни единаго слова, но какову онъ прошедшей зимы далъ, такъ къ вамъ и вручить честь имѣю. Съ должнымъ почтеніемъ непремѣнно пребывая

Вашего Высокородія

всепокорный слуга

Михайло Ломоносовъ.

(Петерб. 8 мая, 1751 г.).

II.

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Его сіятельство графъ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ по своей высокой ко мнѣ милости изволилъ взять отъ меня пробы мозаичныхъ составовъ для показанія ея. Величеству; при которомъ случаѣ, ежели вашему превосходительству непротивно, всепокорно прошу постараться о моемъ нижайшемъ прошеніи, чтобы мнѣ, имѣя случай и способы, удобнѣе было производить въ дѣйствіе мои въ наукахъ предпріятія. Ибо хотя голова моя и много зачинаетъ, да руки однѣ, и хотя во многихъ случаяхъ можно бы употребить чужія, да приказать не имѣю власти. За бездѣлицею принужденъ я много разъ въ канцелярію бѣгать и подьячимъ кланяться, чего я право весьма стыжусь, а особливо имѣя такихъ, какъ вы, патроновъ. Нѣтъ ни единаго дня, въ который бы я не упоминалъ о вашей ко мнѣ милости и ею бы не радовался. Однако нѣтъ ни единаго моего въ Академію пріѣзда, въ который бы я не удивлялся, что она, имѣя въ себѣ сына отечества, котораго вы любите и жалуете, не можетъ того дожить, чтобы онъ отвратилъ отъ ней всѣ чрезъ 25 лѣтъ бывшія всѣмъ успѣхамъ и должнымъ быть пользамъ препятствія. Заключая сіе послѣднее мое о семъ прошеніи, съ великою надеждою ожидаю желаемаго и съ искреннимъ почтеніемъ пребываю и проч.

(Петерб. 15 а[illegible]. 1751 г.).

III.

Милостивый Государь,
Иванъ Ивановичъ!

Не могу преминуть, чтобы вашему превосходительству не сообщить сочиненныхъ мною послѣ спуску корабля за обѣдомъ краткихъ стиховъ, вѣдая вашу къ наукамъ, а особливо къ словеснымъ охоту.

Сойди къ намъ Златоустъ, оставивъ небеса;
Достойна твоего здѣсь зрѣнія краса:
Петрова дщерь тебѣ корабль сей посвящаетъ,
И именемъ твоимъ и море наполняетъ,
Какъ будешь ты ходить на немъ промежъ валовъ,
Греми противъ ея завистливыхъ враговъ.
Златыми прежде ты гремѣлъ въ церквахъ устами,
Но пламенными нынь звучи въ водахъ словами.

При семъ доношу, что я нынѣ *Демофонта* докончать стараюсь; и притомъ дѣлаю планъ Россійской исторіи, который по возвращеніи вашемъ въ Санктпетербургъ показать честь имѣть буду.

Съ глубокимъ почтеніемъ пребываю и проч.

(Петерб. 10 сент. 1751 г.).

IV.

Милостивый Государь,
Иванъ Ивановичъ!

Милостивое вашего превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ, къ великой моей радости, о непремѣнномъ вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я вашимъ отеческимъ представительствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите ваше превосходительство мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣ-

ли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники, малые ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться! Послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованіе получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило, но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго лорда Боила *, который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа, который лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана ** въ Англіи, который послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ штерлинговъ. По приказанію вашему все

* Лордъ Boyle (1626—1691), весьма богатый человѣкъ, посвятилъ большую часть своихъ богатствъ на изслѣдованія въ области наукъ естественныхъ. Онъ былъ основателемъ „Философской коллегіи", которая впослѣдствіи преобразовалась въ Лондонское „Королевское Общество."

** Слоанъ знаменитый ирландскій медикъ и ботаникъ (1660—1752).

исполнить не премину. Съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая и проч.

(Петерб. 10 мая 1753 г.).

V.

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Полученное вчерашняго числа отъ 24 Мая письмо вашего превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнный знакъ особливой вашей во мнѣ милости, премного меня обрадовало, особливо тѣмъ, что вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія, затѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ наукъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не какъ ваше превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однимъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакого знанія больше не присовокупили. Я, напротивъ того, (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истину) имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами; для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы. Нынѣ имѣя къ тому по высочайшей ея Императорскаго Величества милости совершенное довольство, вашимъ отеческимъ предстательствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе и наконецъ уже не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать

себя посрамить передъ моимъ дѣтствомъ. Однако перестаю сими представленіями утруждать вашу терпѣливость, вѣдая ваши справедливыя мнѣнія. И ради того доношу вашему превосходительству о томъ, что похвальная ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во-первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыты весьма недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ; первый, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты, чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе примѣтилъ я у своей громовой машины, 25 числа сего Апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ, издалека слышнымъ, что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею о электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оный актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ: онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу, отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюсь *). Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то оная уже нарочито далече и въ концѣ Октября мѣсяца уповаю изъ печати выйдетъ, о ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а письменнаго не присылаю, затѣмъ, что ваше превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской исторіи, по обѣщанію моему, стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменный изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось. Впрочемъ удостовѣрясь многократно,

---

* 26 ноября 1753 г. Ломоносовъ говорилъ слово „О явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ“.

коль охотно слушаете ваше превосходительство разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданія, чтобы вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіи сообщить не возможно. Въ домѣ вашего превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, затѣмъ что еще нѣтъ ни половъ, ни потолковъ, ни лѣстницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Электрическіе шарики по вашему желанію пришлю вамъ, не умедливъ какъ, возможно. Я могу увѣрить ваше превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость, такъ что я для дѣланія себѣ электрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины, служатъ мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шестъ выставилъ. Какіе вашему превосходительству инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ канцелярію академическую именемъ вашимъ, для приказанія мастерамъ, затѣмъ что они по шабашамъ долго протянутъ дѣло. Заключая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю и проч.

(Петерб. 31 мая, 1753 г.)

VI.

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Что я нынѣ къ вашему превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или, по послѣдней мѣрѣ, сомнѣваюсь, живъ ли я, или мертвъ. Я вижу, что господина профессора Рихмана громомъ убило въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего Іюля въ 26 число въ первомъ часу по полудни поднялась громовая туча отъ норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ электрическихъ изъ проволоки искоръ, и къ тому пришла моя жена и другія, и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались, затѣмъ что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ

покойный профессоръ Рихманъ со мною спаривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила, чтобы я прочь шелъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что шти простынутъ, а притомъ и электрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и въ срахѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: *профессора громомъ зашибло*. Въ самой возможной скорости, * какъ силъ было много, пріѣхавъ увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ блѣдны. Мнѣ и минувша въ близости моя смерть, и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачъ его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на того лице, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ конференціи и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣшенной линіи съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно, на лбу; а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить, затѣмъ что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена, и больше нѣтъ надежды. И такъ, онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно; однако на шестъ съ желѣзомъ, который долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ, сколько хочетъ. Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради ваше превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лучшаго профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ.

* Въ другихъ изданіяхъ напечатано: страсти.

Ему жалованья было 860 руб. Милостивый государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки и вашего превосходительства всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ *М. Л.*

(Петерб. 26 іюля, 1753 г.)

VII.

Милостивый Государь,
Иванъ Ивановичъ!

Получивъ отъ студента Поповскаго переводъ перваго письма Попіева «Опыта о человѣкѣ,» не могу преминуть, чтобы не сообщить вашему превосходительству. Въ немъ нѣтъ ни единаго стиха, который бы мною былъ поправленъ. Я весьма опасаюсь, чтобы его въ закоснѣніи не оставили. Онъ давно уже достоинъ произведенія. Нынѣ есть мѣсто ректорское въ гимназіи, послѣ ректора Ратгаккера, которое онъ весьма способно управлять можетъ, зная Латинскій языкъ совершенно, и при томъ изрядно разумѣя Греческій, Французскій и Нѣмецкій; а о искусствѣ въ Россійскомъ сей примѣръ объ немъ свидѣтельствуетъ. Для того и профессоръ Фишеръ, который самъ былъ долго ректоромъ, весьма его къ сей должности одобряетъ. Ш... хотя кажетъ видъ, что то же хочетъ дѣлать однако, отнюдь вѣрить нельзя, и больше, чаю, противное сдѣлать намѣренъ. Публичное дѣйствіе послѣ Рихмановой смерти обѣщалъ неоднократно произвести въ дѣло, и часто ко мнѣ присылалъ о поспѣшеніи: а какъ я нынѣ читалъ, то онъ сказалъ, что изъ Москвы не имѣетъ извѣстія, будетъ ли актусъ. Между тѣмъ слышалъ я отъ профессора Гришова*, которому онъ сказалъ, что актусъ будетъ отложенъ. Академическое собраніе послѣ смерти Рихмановой и послѣ отъѣзда Краценштейнова весьма мало осталось, состоя въ четырехъ профессорахъ, изъ которыхъ я съ неизмѣннымъ глубокопочитаніемъ пребываю до смерти и проч.

(Петерб. 23 авг. 1753).

---

* Гришау—профессоръ астрономіи.

VIII.

Милостивый Государь,
Иванъ Ивановичъ!

Переписанную рѣчь мою къ вашему превосходительству переслать принимая смѣлость, еще васъ, милостиваго государя, прошу, чтобы о произведенiи оной къ 25 Ноября постараться, ибо мнѣ даютъ навѣтки, что ее въ комментарiи напечатать; однако я тѣмъ отнюдь не могу быть доволенъ и за прямой отказъ почесть долженъ. Она такимъ образомъ сочинена, чтобы говорить въ собранiи, и послѣ особливаго случая. Въ другихъ обстоятельствахъ долженъ я буду много перемѣнить и выкинуть, что мнѣ много труда стоитъ. Сверхъ того, съ комментарiями выдетъ она весьма поздно. При семъ ваше превосходительство всепокорнѣйше прошу не забыть вашего милостиваго обѣщанiя, чтобы меня доставить вторымъ томомъ Татищева исторiи, затѣмъ что онъ въ первомъ много на второй ссылается. Ожидая милостиваго въ семъ неоставленiя, съ усерднымъ высокопочитанiемъ завсегда пребываю и проч.

(Петерб. 7 окт. 1453 года).

IX.

Милостивый Государь,
Иванъ Ивановичъ!

Во исполненiе приказанiя, отъ вашего превосходительства въ нынѣшнемъ письмѣ присланнаго, не могу ни коимъ образомъ отказаться, по вашему убѣжденiю, почитая вашу неоднократно объявленную мнѣ волю. И такъ, хотя учинить отпоръ моимъ ненавистникамъ, не знаю и весьма сомнѣваюсь, не больше ли я имъ благодарить и ихъ хвалить, нежели мстить и уничтожать, долженъ; благодарить за то, во-первыхъ, что они меня своей хулой хвалятъ и къ большему приращенiю малой моей славы не пожалѣли себя опредѣлить въ Зоилы, что я не за меньшую услугу себѣ почитаю; второе, за то, что они подали причину вашему превосходительству къ составленiю нынѣшняго вашего ко мнѣ письма, съ разными разсужденiями, до словесныхъ наукъ касающимися, которое бывшихъ, настоящихъ и буду-

щихъ Зоиловъ злобу въ ничто обращаетъ, и въ которомъ я не столько заслуги, сколько свою должность вижу. Они стихи мои осуждаютъ и находятъ въ нихъ надутыя изображенія, для того что они самихъ великихъ древнихъ и новыхъ стихотворцевъ высокопарныя мысли, похвальныя во всѣ вѣки и отъ всѣхъ народовъ почитаемыя, унизить хотятъ. Для доказательства предлагаю вашему превосходительству примѣры, которыми основательное оправданіе моего имъ возможнаго подражанія показано быть можетъ. Изъ Гомеровой Иліады к. 5:

Внезапно всталъ Нептунъ съ высокія горы,
Пошелъ и тѣмъ потрясъ и лѣси и бугры;
Трикраты онъ ступалъ, четвертый шагъ достигнулъ
До мѣста, въ кое гнѣвъ и духъ его подвигнулъ.

Изъ Виргил. Энеиды кн. 3:

Едва онъ рѣчь скончалъ, великая громада
Съ горы къ водамъ идетъ, среди овечья стада,
Ужасный Полифемъ, прескверный изувѣръ,
Исполненъ ярости и злобы выше мѣръ,
Лишася зрѣнія, онъ дубъ несетъ рукою,
Какъ трость, и ищетъ тѣмъ дороги предъ собою.
Зубами заскрипѣлъ и моремъ побѣжалъ,
Едва во глубинѣ до бедръ касался валъ.

Какъ сему Камоенсъ подражаетъ, можно видѣть въ моей Риторикѣ § 158. Кромѣ сихъ героическаго духа стихотворцевъ, и нѣжный Овидій исполненъ высокопарными мыслями

Изъ Превращеній кн. 1:

Трикраты страшные власы встряхнулъ Зевесъ,
Подвинулъ горы тѣмъ, моря, поля и лѣсъ.

И изъ книги 15:

Я таинства хочу невѣдомыя пѣть:
На облакѣ хочу я выше звѣздъ взлетѣть,
Оставивъ низъ, пойду небесною горою,
Атланту наступлю на плечи я ногою.

Симъ подобныхъ высокихъ мыслей наполнены всѣ великіе стихотворцы, такъ что изъ нихъ можно составить не одну великую книгу. Того ради я весьма тому радъ, что имѣю общую часть съ толь великими людьми, и за великую честь почитаю съ ними быть опороченъ неправо; напротивъ того, за великое несчастіе, ежели Зоилъ меня похвалитъ. Я весьма не удивляюсь, что онъ въ моихъ одахъ ни Пиндара, ни Малгебра не находитъ: для того что онъ ихъ не

знаетъ и говорить съ ними не умѣетъ, не разумѣя ни погречески ни по французски. Не къ поношенію его говорю, но хотя ему доброе совѣтовать за его ко мнѣ усердіе, чтобы хотя одному поучился. Заключая сіе, увѣряю ваше превосходительство, что я съ Перфильевичемъ * переписываться никогда намѣренъ не былъ и нынѣ, равно какъ прежде сего, пародію его на Тамиру **, всѣ противъ меня намѣренія и движенія пропустилъ бы я безпристрастнымъ молчаніемъ безъ огорченія, какъ похвалу отъ его учителя *** безъ честолюбиваго услажденія; если бы я не опасался произвести въ васъ неудовольствіе ослушаніемъ. Но и еще при томъ прошу, ежели возможно, удовольствоваться тѣмъ, что сочинилъ г. Поповскій, почетшій за свою должность по справедливости, что Перфильевичъ себѣ несправедливо присвояетъ. Данный мнѣ отъ него титулъ никогда бы я не оставилъ въ его стихахъ, если бы я хвастовствомъ моихъ завистниковъ не принужденъ былъ разсудить, что тѣмъ именемъ нынѣ ученику меня назвать можно, которымъ меня за двацать лѣтъ учители мои называли. Всепокорнѣйше прошу извинить тѣсноту строкъ. Съ усерднѣйшимъ высокопочитаніемъ пребываю и проч.

(Петерб. 16 окт. 1753 г.)

---

* Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.

** Трагедія Ломоносова.

*** Отъ учителя, т. е. отъ Сумарокова, котораго Елагинъ въ своей сатирѣ на петиметра называетъ своимъ благимъ учителемъ; Елагинъ говоритъ:

Открытель таинства любовныя намъ лиры,
Творецъ преславныя и пышныя Семиры,
Изъ мозгу рождщія богини мудрый сынъ,
Наперсникъ Буаловъ, Россійскій нашъ Расинъ
Защитникъ истины, гонитель, бичъ пороковъ
Благій учитель мой, о Сумароковъ,
Гдѣ риѳмы ты берешь, ты мнѣ не объявилъ,
Хоть къ стихотворству мнѣ охоту въ сердце влилъ.

Здѣсь же есть намекъ на Ломоносова:

Или какъ нашъ поэтъ, вписавъ въ свой стихъ Россію,
Любуется сыскать къ ней риѳмою Индію.

(Отвѣтъ Ломоносова на это см. ниже въ письмѣ къ неизвѣстному)

X.

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Что я письмами вашего превосходительства нынѣ не оставленъ, сіе служитъ мнѣ къ великому утѣшенію въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Совѣтникъ Шумахеръ, пренебрегая то, что онъ отъ его сіятельства господина президента присланнымъ ордеромъ о произведеніи публичнаго акта изобличенъ былъ въ своихъ неправедныхъ поступкахъ въ разсужденіи моей рѣчи, употребилъ еще всѣ коварные свои происки для ея остановленія. Правда, что онъ всегда былъ высокихъ наукъ, а слѣдовательно и мой ненавистникъ и всѣхъ профессоровъ гонитель и коварный и злохитростный приводчикъ въ несогласіе и враждованіе; однако нынѣ сталъ еще вдвое, имѣя двойные интересы, то есть прегордаго невѣжду, высокомысленнаго фарисея, зятя своего Тауберта. Всѣ нынѣ упражняющіеся въ наукахъ говорятъ: «не дай Богъ, чтобъ Академія досталась Тауберту въ приданое за дочерью Шумахеровой: обоихъ равна зависть и ненависть къ ученымъ, которая отъ того происходитъ, что оба не науками, но чужихъ рукъ искусствомъ, а особливо профессорскимъ попраніемъ подняться ищутъ и нынѣ профессоровъ одного на другаго подущать и ихъ несогласіемъ пользоваться стараются». Я о всемъ писалъ къ его сіятельству господину президенту нарочито пространно и всепокорнѣйше просилъ, чтобъ сдѣлать конецъ двадцатилѣтнему бѣдному Академіи состоянію и избавить отъ приближающагося конечнаго разоренія. Между тѣмъ васъ, милостиваго государя и отца, слезно прошу учинить съ науками въ Россіи великую милость, чтобы, какимъ вамъ заблагоразсудится образомъ, сіе общее благополучія ученыхъ препятствіе окончалось и воспослѣдовали бы уже давно отъ всѣхъ желаемая тишина и радость. По вашего превосходительства письмамъ разсуждаю, что вы графу Кириллу Григорьевичу пристойнымъ образомъ о моемъ къ нему письмѣ знать дать можете, которое на прошлой почтѣ къ нему послано. Сила и важность вся въ томъ состоитъ, чтобъ безъ вѣдома профессорскаго никакія ученыя дѣла не отправлялись и его бы сіятельство ничего не аппробовалъ, что канцелярія безъ согласія собраній о томъ представитъ. Ибо кромѣ сего на что профессорскія собранія? На что ихъ голосъ, когда Шумахеръ все смыс-

лить, когда ему все повѣрить можно? *Все смыслить?* Боже мой! но онъ и въ главной своей охотѣ, въ рисованіи, толку не знаетъ. Посмотрите на изображеніе ея Императорскаго Величества, что на Петербургскомъ планѣ. *Ему все повѣрить можно?* Правда, козлу—капусту, овецъ—волку! На него просили первые профессоры, призванные въ Россію Петромъ Великимъ, которыхъ онъ своими коварствами отсюду вытѣснилъ, и наше отечество лишилъ великія пользы; на него просили студенты въ правительствующемъ сенатѣ, какъ я былъ за моремъ, за что ему былъ жестокій выговоръ; на него просили снова студенты и канцелярскіе служители съ Нартовымъ въ испроверженіи наукъ и въ расточеніи казны, гдѣ онъ во многомъ изобличенъ и только знатнымъ предстательствомъ избавился. Наконецъ, просили на него и всѣ профессоры обще, и для того поручено было имъ правленіе ученыхъ дѣлъ до призедента. При толь великихъ примѣрахъ его злости, при толь великомъ множествѣ свидѣтелей разнаго состоянія, разныхъ народовъ и въ толь разныя времена и обстоятельства возможно ли сомнѣваться о безсовѣстномъ его поведеніи? Возможно ли ожидать цвѣтущаго наукъ состоянія? Возможно ли подумать, что все на него напрасно солгано, затѣмъ что онъ не повѣшенъ? Сіе столько же его оправдать можетъ, какъ публикованнаго бездѣльника князя Хованскаго, который многократно судей и права умѣлъ употребить къ своему закрытію и избавленію отъ петли. Не довольно ли о семъ увѣряетъ внѣшнее и внутреннее Академіи бѣдное состояніе. Извнѣ почти однѣ развалины; внутрь нѣтъ ничего, что бъ Академіею и университетомъ могло назваться по примѣру иностранныхъ и по несравненному великодушію Монархини нашей. Я ожидаю какъ отъ его сіятельства господина президента, такъ и отъ вашего превосходительства скорой наукамъ помощи и за должность мою къ отечеству и за несказанныя щедроты всемилостивѣйшія Государыни положилъ твердое и непоколебимое намѣреніе, чтобы за благополучіе наукъ въ Россіи, ежели потребуютъ, не пожалѣть всего моего временнаго благополучія. Съ чѣмъ остаюсь непремѣнно и пр.

(Петерб. 1 ноябр. 1753 г.)

XI.

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Неоднократное вашего превосходительства къ сочиненію Россійской исторіи ободреніе хотя я всегда принималъ за истинный знакъ вашего обо мнѣ милостиваго мнѣнія, однако вашего превосходительства полученнымъ отъ 28-го числа Декабря ко мнѣ письмомъ, преисполненнымъ природнаго вашего снисхожденія и склонности къ наукамъ, столько я объ ономъ удостовѣрился, что въ крайней моей къ вамъ благодарности погруженъ, почитаю ваше справедливое желаніе, которое соединено съ пользою и славою отечества. Я бы отъ всего сердца желалъ имѣть такія силы, чтобы оное великое дѣло совершеніемъ своимъ скоро могло охоту всѣхъ удовольствовать; однако оно само собою такого есть свойства, что требуетъ времени. Коль великимъ счастіемъ я себѣ почесть могу, ежели моею возможною способностію древность Россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ Государей свѣту откроются, то весьма чувствую. И читая отъ вашего превосходительства ко мнѣ писанныя похвалы, которыя мое достоинство далече превосходятъ, благодарю отъ всего сердца; и радуясь, по предпріятому моему намѣренію, со всякою ревностію въ собраніи нужныхъ извѣстій стараюсь, безъ которыхъ отнюдь ничего въ исторіи предпріять не возможно. Могу васъ, милостиваго государя, увѣрить въ томъ заподлинно, что первый томъ въ нынѣшнемъ году съ Божіею помощію совершить уповаю. Что жъ до другихъ моихъ въ физикѣ и въ химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ упокоенія: для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ, отъ чего я уже давно отказался, затѣмъ что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ, уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ вмѣсто бильяру употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лѣкарства служить имѣютъ, и сверхъ сего, пользу и

честь отечеству, конечно, принести могутъ, едва меньше ли первой. Когда ваше превосходительство меня удостовѣрить изволите, что мои сочиненія въ прозѣ не противны, то можете имѣть въ томъ новый опытъ, ежели мнѣ въ будущій 1754 годъ повелѣно будетъ говорить похвальное слово Петру Великому въ публичномъ академическомъ собраніи, на что я готовъ положить всѣ свои силы. Что жъ до кончанія моего всепокорнѣйшаго прошенія надлежитъ о фабрикѣ, то не думайте, милостивый государь, чтобы она могла мнѣ препятствовать: ибо тѣмъ окончаются всѣ мои великіе химическіе труды, въ которыхъ я три года упражнялся, и которые безплодно потерять мнѣ будетъ несносное мученіе, и много большее препятствіе, нежели отъ самихъ оныхъ опасаться должно. И такъ, уповая чрезъ милостивое ваше предстательство прошенію моему скораго рѣшенія достигнуть, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю и проч.

(Петерб. 4 янв. 1753 г.)

XII.

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

По приказу вашего превосходительства старался я достать примѣчанія на вѣдомости, но получить ихъ не могъ. Уже многіе и за нѣсколько лѣтъ ихъ спрашиваютъ; однако сыскать не могли, затѣмъ что ихъ по малу было печатано и не по мѣрѣ Россійскаго государства; а особливо нынѣ, узнавъ нашъ народъ пользу наукъ, больше такія книги хранитъ для ихъ рѣдкости. Господинъ совѣтникъ Нартовъ сказалъ, что у него есть, только не переплетенныя и не въ одномъ мѣстѣ между политическими разсѣянныя, и обѣщался собрать для вашего превосходительства; однако не могу знать, сдѣлаетъ ли. Я уповаю, не лучше ли поискать у приватныхъ охотниковъ въ Москвѣ на время, пока для вашего превосходительства собственно здѣсь пріищутся. Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы въ Академіи начались подобныя симъ періодическія сочиненія: * только не на такихъ бумажкахъ по одному листу, но повсямѣсячно, или по

---

* Желаніе Ломоносова осуществилось въ концѣ того же 1754 года. При Академіи стали выходить „Ежемѣсячныя сочиненія".

всякую четверть или треть года, дабы одна или двѣ три матеріи содержались въ книжкѣ, и въ меньшемъ форматѣ, чему много имѣемъ примѣровъ въ Европѣ, изъ которыхъ лучшимъ послѣдовать, или бы свой примѣнясь выбрать можно. Исполни Господь Богъ намѣренія и желанія любителей наукъ, чего я всегда, а особливо въ начатіи новаго года, прошу, поздравляя съ тѣмъ ваше превосходительство отъ истиннаго усердія, и желая благополучнаго теченія и радостнаго окончанія, съ глубокимъ высокопочитаніемъ завсегда пребываю и проч.

Изъ Устьрудицы съ бисерныхъ заводовъ, 3 янв. 1754.

XIII.

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Получивъ отъ вашего превосходительства милостивый, свыше моихъ заслугъ впрочемъ, на мое письмо отвѣтъ, только о томъ сожалѣю, что оно почтено ласкательнымъ, въ чемъ мнѣ природа сама совсѣмъ почти отказала, и ежели гдѣ нѣкоторое подобіе покажется, то конечно не мои вымыслы, но только какихъ нибудь обстоятельствъ внезапная буря принуждаетъ. Всепокорнѣйшее мое прошеніе къ вашему превосходительству только ту силу имѣетъ и намѣреніе, чтобы я вашимъ милостивымъ благодѣяніемъ предостереженъ былъ въ разсужденіи тѣхъ должностей, которыя наблюдать должно въ разсужденіи толь великой особы, къ которой мое сочиненіе простирается; штиля моего и другихъ хотя никто больше и лучше судья васъ быть не можетъ, что я собственнымъ искусствомъ всегда могу засвидѣтельствовать; однако все мое къ вашему превосходительству прошеніе состоитъ въ разсужденіи перваго. Господинъ Поповскій свой переводъ всѣхъ стиховъ Попіевыхъ нѣсколько еще исправленныхъ, сего дня чрезъ меня въ канцелярію для посылки къ его сіятельству отдалъ*.

При семъ вашему превосходительству принимаю смѣлость донести, что. . . . .

(Здѣсь въ подлинникѣ нѣсколько строкъ отодрано).

---

* Далѣе Ломоносовъ говоритъ о коммиссіи, составленной изъ Шумахера, Ломоносова, Штелина и Миллера, „для отрѣшенія излишествъ отъ Академіи". Объ этой коммиссіи въ своей исторіи о поведеніи академической канцеляріи Ломоносовъ говоритъ: „Въ начала сея коммиссіи дѣло зачалось было изрядно; однакожъ можно увѣриться, что Шумахеръ, будучи

Однако мы господа въ коммисіи, иной боится отрѣшить. . . . чтобы не раздражить какого нибудь знатнаго господина; иной говоритъ, что онъ бѣденъ. Однако прошу меня извинить, не могу всѣхъ пристрастій и всѣхъ обстоятельствъ изобразить. Словомъ, съ одного конца Академію хотятъ починивать, а съ другаго портятъ. Все сносно, только того нѣтъ тяжелѣе. . . . .

. . . . . окончаніе сего дѣла ясно покажетъ; и я никогда по чистой моей совѣсти не останусь лживымъ человѣкомъ. Мое истинное желаніе въ томъ состоитъ, чтобы мнѣ Богъ судилъ съ вашимъ превосходительствомъ во всякомъ благополучіи видѣться и засвидѣтельствовать, что я съ глубокимъ почтеніемъ безпрестанно пребываю и проч.

(Петерб. 28 марта, 1754 г.)

XIV.

Милостивый Государь
Иванъ Ивановичъ!

Полученнымъ отъ вашего превосходительства черновымъ доношеніемъ Правительствующему Сенату, къ великой моей радости, я увѣрился, что объявленное мнѣ словесно предпріятіе подлинно въ дѣйство произвести намѣрились къ приращенію наукъ, слѣдовательно къ истинной пользѣ и славѣ отечества. При семъ случаѣ довольно я вѣдаю, сколь много природное ваше несравненное дарованіе служить можетъ, и многихъ книгъ чтеніе способствовать. Однако и тѣхъ совѣтъ вашему превосходительству не безполезенъ будетъ, которые сверхъ того университеты не токмо видали, но и въ нихъ нѣсколько лѣтъ обучались, такъ что ихъ учрежденія, узаконенія, обряды и обыкновенія въ умѣ ихъ ясно и живо какъ на картинѣ представляются. Того ради ежели Московскій университетъ по примѣру иностранныхъ учредить намѣряетесь, что весьма справедливо, то желалъ бы я видѣть планъ, вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени, или ради другихъ какихъ причинъ того не удостоюсь, то, уповая на оте-

---

членомъ въ той коммиссіи, которая учреждена для разбору его же непорядковъ, во всемъ доброму успѣху препятствовалъ. И надворный совѣтникъ Штелинъ за художества (т. е. за ремесла) стоялъ больше, нежели за науки". Коммисія эта подала президенту рапортъ, который однако оставленъ былъ безъ вниманія.

ческую вашего превосходительства ко мнѣ милость и великодушіе, принимаю смѣлость предложить мое мнѣніе о учрежденіи Московскаго университета кратко вообще.

1) Главное мое основаніе, сообщенное вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы планъ университета служилъ во всѣ будущіе роды. Того ради, не смотря на то, что у насъ нынѣ нѣтъ довольства людей ученыхъ, положить въ планѣ профессоровъ и жалованныхъ студентовъ довольное число. Сначала можно проняться тѣми, сколько найдутся. Со временемъ комплектъ наберется. Осталую съ порожнихъ мѣстъ сумму полезнѣе употребить на собраніе университетской библіотеки, нежели сдѣлавъ нынѣ скудный и узкій планъ по скудости ученыхъ, послѣ, какъ размножатся, оный снова передѣлывать и просить о прибавкѣ суммы.

2) Профессоровъ въ полномъ университетѣ меньше двѣнадцати быть не можетъ, въ трехъ факультетахъ.

Въ Юридическомъ три.

I. Профессоръ всей юриспруденціи вообще, который учить долженъ натуральныя и народныя права, также и узаконенія Римской древней и новой имперіи.

II. Профессоръ юриспруденціи Россійской, который, кромѣ вышеписанныхъ, долженъ знать и преподавать внутреннія государственныя права.

III. Профессоръ политики, которой долженъ показывать взаимныя поведенія, союзы и поступки государствъ и государей между собою, какъ были въ прошедшія вѣки и какъ состоятъ въ нынѣшнее время.

Въ Медицинскомъ 3-же.

I. Докторъ и профессоръ химіи.
II. Докторъ и профессоръ натуральной исторіи.
III. Докторъ и профессоръ анатоміи.

Въ философскомъ шесть.

I. Профессоръ философіи. } *
II. » физики. }
III. » ораторіи. } **
IV. » поэзіи. }

* Здѣсь (кажется, рукою Шувалова) поставлено противъ обѣихъ стр.: 1.
** Противъ обѣихъ строкъ также написано: 1.

V. Профессоръ исторіи. } *
VI. » древности и критики. }

3) При университетѣ необходимо должна быть гимназія, безъ которой университетъ, какъ пашня безъ сѣмянъ. О ея учрежденіи хотѣлъ бы я кратко здѣсь вообще предложить, но времени краткость возбраняетъ.

Не въ указъ вашему превосходительству совѣтую не торопиться, чтобы послѣ не передѣлывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то цѣлый полный планъ предложить могу. Непремѣнно съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая и проч.

XV.

Милостивый Государь,
Иванъ Ивановичъ!

Изъ вчерашняго вашего превосходительства милостиваго разговора примѣтилъ я, что злоба преодолѣваетъ благости, подкрадываясь подъ святость высочайшихъ повелѣній. И такъ, ежели не возможно, чтобы я, по моему всепокорнѣйшему прошенію, былъ произведенъ въ Академіи для пресѣченія коварныхъ предпріятій; то всеуниженно ваше превосходительство прошу, чтобы вашимъ отеческимъ предстательствомъ переведенъ я былъ въ другой корпусъ, а лучше всего въ иностранную коллегію, гдѣ не меньше могу принести пользы и чести отечеству, а особливо имѣя случай употреблять (во) вспоможеніе архивы къ продолженію Россійской исторіи. Я прошу Всевышняго Господа Бога, дабы онъ воздвигъ и ободрилъ ваше великодушное сердце въ мою помощь и чрезъ васъ бы сотворилъ со мною знаменіе во благо: да видятъ ненавидящіи мя и постыдятся, яко Господь помоглъ ми и утѣшилъ мя есть, изъ двухъ единымъ: дабы или всѣ сказали: Камень, его же небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла, отъ Господа бысть сей; или бы въ мое отбытіе изъ Академіи ясно оказалось, что она лишилась, потерявъ такого человѣка, который чрезъ толь много лѣтъ украшалъ оную и всегда съ гонительми наукъ боролся, не смотря на свои опасности. Ожидая

---

* Шуваловъ противъ обѣихъ строкъ подписалъ: *и Геральдика.*

Всѣ три примѣчанія принадлежатъ первому издателю письма.

того или другаго въ твердомъ на милостивѣйшее ваше ходатайство уповании, съ усердымъ глубокопочитаніемъ пребываю и проч.

(30 дек. 1754 г.)

XVI.

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

По приказанію вашего высокопревосходительства сыскалъ такого человѣка, который въ состояніи васъ удовольствовать историческими переводами и экстрактами съ Россійскаго языка на Французскій. Модрахъ, профессоръ исторіи, надѣюсь, вамъ извѣстенъ, который по-французски искусенъ и Россійскій языкъ основательно знаетъ, весьма желаетъ услужить симъ трудомъ вашему высокопревосходительству и уже началъ дѣлать экстрактъ изъ Камчатской исторіи, въ чемъ могу ему спомоществовать моимъ совѣтомъ и для переписки набѣло употребить студентовъ. Мои манускрипты могутъ нынѣ больше служить, нежели я самъ, не имѣя отъ моихъ недоброжелателей покоя. Сверхъ сего, не продолжая времени, долженъ я при первомъ случаѣ объявить въ ученомъ свѣтѣ всѣ новыя мои изобрѣтенія ради славы отечества, дабы не воспослѣдовало съ ними того же, что съ ночезрительною трубою * случилось. Сей ущербъ чести отъ моихъ трудовъ сталъ мнѣ вдвое горестенъ для того, что тѣ, которые сіе дѣло невозможнымъ почитали, еще и понынѣ жестоко съ досадительными словами спорятъ, такъ что видя не видятъ и слыша не слышатъ. Не взирая на то, стараюсь произвести въ дѣйствіе еще новый оптическій инструментъ, которымъ бы много глубже видѣть можно было дно въ рѣкахъ и въ морѣ, нежели какъ видимъ просто. Сколь сіе въ жизни человѣческой полезно, всякъ удобно разсудить можетъ. При семъ не могу преминуть, чтобы не показать явнаго безсовѣстія моихъ недоброхотовъ. Въ «трудолюбивой,» такъ называемой «Пчелѣ» ** напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тредіаковскій совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство; здѣсь видѣть можно цѣлый комплотъ. Тредіаковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ «Пчелу»,

* Изобрѣтенною Ломоносовымъ.

** Журналъ, издававшійся Сумароковымъ. См. примѣч. на стр. 93-й.

Тредіаковскій далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ обстоятельствамъ ясно видѣть, ваше высокопревосходительство, можете, сколько сіи люди даютъ мнѣ покою, не престая повреждать мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ! Смилосердитесь надо мною, милостивый государь, свободите меня отъ такихъ нападковъ, которыя, меня огорчая, не даютъ мнѣ простираться далѣе въ полезныхъ и славныхъ моихъ отечеству упражненіяхъ. Никакого не желаю мщенія, но токмо всеуниженно прошу оправданъ быть предъ свѣтомъ высочайшею конфирмаціею доклада отъ Правительствующаго сената объ украшеніи Петропавловской церкви, чего цѣлый годъ ожидая, претерпѣваю, сверхъ моего разоренія, посмѣяніе и ругательство. Ваше сильное ходатайство можетъ меня отъ всего скоро избавить и увѣрить меня о непремѣнной милости, которую за особливое счастіе и честь въ жизни моей почитаю и проч.

(8 іюля 1759 г.)

XVII.

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! то есть, сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ и вы сами не рады. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другаго не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ, и бѣдное свое риѳмичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ. Тауберта и Миллера * для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія и мстить не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружиться и обходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе,

---

* Таубертъ — совѣтникъ академической канцеляріи, Миллеръ — академикъ.

только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, несмотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ жизнь защитникъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ Нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай дѣлаетъ пользу отечеству: я по моему таланту также готовъ стараться. А съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позоритъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у Самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Господинъ Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякаго вздору наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станетъ, и радъ, что его Богъ отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома и не желаютъ съ комедіантами обхожденія. Я пустой болтовни и самохвальства не люблю слышать. И по сіе время ужились мы въ единодушіи. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить въ новую дурную атмосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи, ежели мое къ вамъ усердіе не изчезло въ памяти, постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте. Ожидая отъ васъ справедливаго отвѣта, съ древнимъ высокопочитаніемъ пребываю и проч.

(19 янв. 1761 г.)

Письмо къ неизвѣстному †.

Милостивый Государь!

По желанію вашему, все, что въ моей силѣ состоитъ, готовъ исполнить и токмо одного избавленъ быть прошу, чтобы мнѣ не вступать ни въ какіе критическіе споры. Въ присланномъ Елагина письмѣ къ Сумарокову онъ употребленную риѳму: *Россія*, *Индія*, на смѣхъ въ примѣръ поставилъ. Я подлинно знаю, что сія риѳма такъ же не хороша, какъ извѣстная вамъ у Расина, а для того Елагинъ лжетъ, что онъ ею любовался. Много бы я могъ показать бѣдности его мелкаго знанія и скуднаго таланта, однако напрасно будетъ потеряно время на исправленіе такого человѣка, который уже больше десяти лѣтъ стихи кропать началъ и понынѣ, какъ изъ прилагаемыхъ строчекъ видно, стихотворческой мѣры и стопъ не знаетъ, не упоминая чистыхъ мыслей, справедливости изображеній и надлежащимъ образомъ употребленія похвалъ и примѣровъ. Сіе особливо сожалительно объ Александрѣ Петровичѣ (Сумароковѣ), что онъ, хотя его похвалить, но не зная толку, весьма нелѣпо выбранилъ. Въ первой строчкѣ почитаетъ Елагинъ за таинство, какъ дѣлать любовныя пѣсни, чего себѣ Александръ Петровичъ, какъ священнотайнику, приписать не позволитъ и Паномъ * пѣсеннымъ назвать себя не допуститъ. *Семира́* ** *пышная*, т. е. надутая, ему непріятное имя, да и неправда, затѣмъ, что она больше нѣжная. *Рожденнымъ изъ мозгу богини сыномъ*, т. е. мозговымъ внукомъ, не чаю, чтобъ Александръ Петровичъ хотѣлъ назваться, особливо, что нѣтъ къ тому никакой дороги. Минерва трагедій и любовныхъ пѣсенъ никогда не сочиняла, она богиня философіи, математики и художествъ, въ которыя Александръ Петровичъ, какъ человѣкъ справедливый, никогда нс вклеплется, и думаю, когда онъ услышитъ, что Перфильевичъ на него взводитъ, то истинно у нихъ до войны дойдетъ. не смотря на панегирикъ. *Наперсникомъ* Буаловымъ *** назвать Александра Петровича несправедливое дѣло. Кто бы Расина назвалъ Буаловымъ наперсникомъ, то есть его любимымъ прислужникомъ, то бы онъ едва вытерпѣлъ; дивно, что Алек-

---

† Писано вѣроятно въ 1754 году, по поводу сочиненной И. П. Елагинымъ сатиры на петиметровъ, см. прим. на стр.

* Богъ пастушеской жизни.

** Героиня одной изъ трагедій Сумарокова.

*** Буало и Расинъ знаменитые французскіе писатели XVII вѣка.

сандръ Петровичъ сноситъ. Кажется, сверстать его съ Александромъ Петровичемъ истинная обида. *Россійскимъ Расиномъ* Александръ Петровичъ по справедливости названъ, затѣмъ что онъ его не токмо половину перевелъ въ своихъ трагедіяхъ порусски, но и самъ себя Расиномъ называть не гнушается. Что не ложь, то правда. Однако и Перфильевичъ, называя его защитникомъ истины, даетъ ему титулъ больше, нежели короля англійскаго: онъ пишется защитникомъ вѣры, но право или нѣтъ, о томъ сомнѣваться позволено. Александръ Петровичъ защитникъ истины? Великъ человѣкъ, ежели Перфильевичъ про него не такъ солгалъ, какъ о риѳмѣ: *Россія—Индія*, будто онъ ею любуется. Дважды поноситъ онъ своего учителя явно, въ третій ругательски хвалитъ: поноситъ первое, что учитъ, но якобы скрытно, не показывая, откуда беретъ риѳмы и будто бы отъ него хочетъ посуловъ; второе, якобы все стихотворческое искусство Александра Петровича состояло въ пріисканіи скоромъ риѳмъ, не смотря на мысли, въ чемъ я самъ спорю и подтверждаю его же, Елагина, словомъ, что Александръ Петровичъ, ищучи риѳмъ, самъ не ломается, но, какъ человѣкъ осторожный, лучше вмѣсто себя ломаетъ языкъ Россійскій, правда, хотя не вездѣ, однако не рѣдко. Наконецъ ругательскій титулъ: *благій учитель*! *Благій*, пославянски *добрый* знаменуетъ и по точному разумѣнію писаться надлежитъ до Божества, какъ оное свидѣтельствуетъ: *никто же благъ токмо единъ Богъ*. Я не сомнѣваюсь, что Александръ Петровичъ боготворить такимъ образомъ себя не позволитъ. И такъ, одно нынѣшнее Россійское осталось знаменованіе: *благой* или *блаженный*,—нестерпимая обида! Однако еще несноснѣе, что онъ, Аполлона столкавъ съ Парнасса, хочетъ музъ отдать въ послушаніе Александра Петровича, или по его мнѣнію, безстыдному мщенію уже отдалъ, думая, что музы безъ Сумарокова никому ничего дать не могутъ.

КОПІЯ †

съ письма г. Теплову, писаннаго на Украйну въ 1761 году.

Неоднократно писалъ я къ его сіятельству и къ вашему высокородію отъ истиннаго усердія къ расширенію наукъ въ отечествѣ, въ

† Такъ озаглавленъ собственноручный черновой оригиналъ Ломоносова, со многими помарками.

Москву и на Украйну, и представляясь здѣсь, словесно и письменно о исправленіи застарѣлыхъ непорядковъ. Однако не по мѣрѣ Монаршей къ наукамъ щедроты, воспослѣдовали рѣшенія и успѣхи, затѣмъ, что не отнято прежнее самовольство недоброхотамъ приращенію наукъ въ Россіи; а когда злодѣи ободрятся, а добрые унижаются, то всегда добру вредъ чинится. Кромѣ многихъ, недавнѣйшій примѣръ сами довольно помните и въ совѣсти своей представить можете; что вы осердясь на меня по безсовѣстнымъ и ложнымъ жалобамъ двухъ студентовъ *, кои отнюдь требовали быть адьюнктами по недостоинству, а сами отъ университета вовсе отстали, и изъ коихъ, какъ я послѣ увѣдомился, одинъ вамъ сватъ, сдѣлали неправое дѣло. Не спрося отъ меня отвѣта и оправданія, присовѣтовали, да и по штилю видно, сами сочинили мнѣ публичный выговоръ, человѣку, который больше достоинствъ и услугъ имѣетъ, нежели за такую мелочь передъ командою былъ обруганъ. И того еще вамъ было мало; въ досаду мнѣ, прибавили Миллеру жалованья, чтобъ онъ отправлялъ три дѣла исправно. А именно, за то, что онъ, будучи профессоръ тридцать лѣтъ, никогда лекцій не читывалъ и не сочинялъ ничего, что бъ профессора было достойно. 2) Что онъ, будучи конференцъ-секретаремъ, задерживаетъ намъ меморіи неисправностію въ сочиненіи сокращеній, ведетъ тайную непозволительную и подозрительную съ иностранцами переписку. 3) Что въ «Ежемѣсячныя сочиненія» вноситъ не только вещи, какія студентъ можетъ, и кадеты съ похвалою исправляютъ; но и вездѣ, гдѣ только можно, предосудительныя нашему отечеству мысли вноситъ.

Все сіе показалось вамъ заслугами; а мое представленіе, что черезъ шестнадцать лѣтъ одами, рѣчьми, химіею, физикою, исторіею дѣлаю честь отечеству, и всегда о добрѣ Академіи и о праведной, а не подложной чести его сіятельства усердствую, вы пріяли за погрѣшность, для того, что я не удовольствовалъ безстыдныхъ требованій вашего свата. Повѣрьте, ваше высокородіе, я пишу не изъ запальчивости, но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣданное слезными опытами академическое несчастіе. Я спрашивалъ и испыталъ свою совѣсть; она мнѣ ни въ чемъ не зазритъ сказать вамъ нынѣ всю истинную правду. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ

* Студенты Лобысевичъ и Дѣвовичъ были малороссы; имъ покровительствовалъ гр. К. Г. Разумовскій.

покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже.

Нѣкогда отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу, писали вы къ нему: L'academie sans academiciens, la chancelerie sans membres, l'université sans étudiens, les regles sans autorité et au reste une confusion jusque à present sans rèmède. Кто въ томъ виноватъ, кромѣ васъ и вашего непостоянства? Сколько разъ вы были другъ и недругъ Шумахеру, Тауберту, Миллеру, и, что удивительно мнѣ,—въ томъ больше вы слѣдовали стремленію своей страсти, нежели общей академической пользы; и чрезъ таковыя повседневныя перемѣны колебали, какъ трость, все академическое зданіе. Тотъ сегодня въ чести и въ милости, завтра въ позорѣ и въ упадкѣ. Тотъ, кто высланъ съ безчестіемъ, съ честію назадъ призванъ. Изъ многихъ примѣровъ нѣтъ Миллерова чуднѣе. Для него положили вы въ регламентѣ быть всегда ректоромъ въ университетѣ исторіографу, сирѣчь Миллеру. Послѣ, осердясь на него, сдѣлали ректоромъ Крашенникова; послѣ примиренія опять произвели надъ нимъ коммиссію за слово academie phanatique; потомъ не столько за дурную диссертацію *, какъ за свою обиду низвергнули вы его въ адъюнкты и тотчасъ возвели опять въ секретари конференціи съ прибавкой вдругъ великаго жалованья; представили его въ коллежскіе совѣтники, въ канцелярскіе члены; и опять мнѣніе отмѣнили; потомъ прибавили 200 рублевъ жалованья и еще съ похвалами,—въ ту самую пору, когда его должно было послать на соболиную ловлю. Все сіе производили вы по большей части подъ именемъ охраненія президентской чести, которая однако не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать вышеупомянутые перевороты, но чтобъ производить дѣло Божіе и Государево постоянно и непревратно, приносить обществу безпрепятственную, истинную пользу, и содержать порученное правленіе въ непоколебимомъ состояніи и въ неразвратномъ и безпрерывномъ теченіи. Представьте себѣ, что знающіе думаютъ, а знаютъ всѣ; представьте,

---

* Миллерова диссертація „О происхожденіи народа и имени Руссовъ" не была одобрена Ломоносовымъ потому, что Миллеръ производилъ русскихъ князей отъ скандинавовъ.

что говорятъ? Миллеръ, штрафованный за вздорную диссертацію о Россійскомъ народѣ и оному предосудительную, и за то въ опредѣленіи подозрительнымъ признанный, имѣетъ уже позволеніе писать и печатать на Нѣмецкомъ языкѣ Россійскія извѣстія безъ всякой опасности. Изобличенный въ непозволенной перепискѣ и за то арестованный, учиненъ секретаремъ конференціи и пишетъ, что хочетъ, безъ ея вѣдома! Всѣватель недоброхотныхъ и занозливыхъ мыслей въ мѣсячныя сочиненія получаетъ за то похвалы и награжденія. Все сіе происходитъ чьимъ стараніемъ? Вашего высокородія. Надѣясь на васъ, не хочетъ и не думаетъ отстать отъ своихъ наглыхъ глупостей и презираетъ указы, посылаемые изъ канцеляріи.

Обратитесь на прошедшее время и вспомните, сколько разъ вы мнѣ на Шумахера и на Миллера жаловались. Вспомните его самохвальное и Россійскому народу предосудительное Сибирской исторіи предисловіе, которое вы сами опровергли; представьте его споры о коммиссіяхъ съ Шумахеромъ, со всѣми профессорами, съ вами, съ президентомъ; вспомните, съ другой стороны, ваши споры съ Шумахеромъ, между тѣмъ письма о моемъ уничтоженіи къ Эйлеру, и отвѣтъ, что вы мнѣ сообщили. Вспомните сто рублевъ передъ вашею первою свадьбою, и между множествомъ подобныхъ дѣлъ, вспомните, что вамъ благоразумный мужъ, вашъ благодѣтель князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій говаривалъ о сапожникѣ: не бывать де добру, пока онъ... А нынѣ его наслѣдникъ и подражатель то жъ и еще дерзновеннѣе дѣлаетъ. Вспомните и то, что многими таковыми дурными переворотами обезславленную Академію вывесть изъ нареканія отпущенъ былъ Бургавъ въ чужіе краи и нарочный пунктъ о томъ написанъ въ его инструкціи.

На все не смотря, еще есть вамъ время обратиться на правую сторону. Я пишу нынѣ къ вамъ въ послѣдній разъ, и только въ той надеждѣ, что иногда примѣчалъ въ васъ и добрыя о пользѣ Россійскихъ наукъ мнѣнія. Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять недоброхотовъ Россійскимъ ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я симъ ничего инаго не ищу, какъ только чтобъ закоренѣлое несчастіе Академіи пресѣклось. Буде жъ еще такъ все останется и мои праведныя представленія уничтожены отъ васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали. За нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и

противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю. И такъ, нынѣ изберите любое. Или одобряйте явныхъ недоброхотовъ не токмо учащемуся Россійскому юношеству, но и тѣмъ сынамъ отечества, кои уже имѣютъ знатныя въ наукахъ и всему свѣту извѣстныя заслуги. Одобряйте, чтобъ Академіи чрезъ ихъ противоборство никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи и за то ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей и роптанія и презрѣнія; или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ Академіи, откиньте льщенія опасныхъ противоборниковъ наукъ Россійскихъ, не употребляйте Божіяго дѣла для своихъ пристрастій, дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго. Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу, что вы могли себя принудить къ полезному наукамъ постоянству.

Что жъ до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину.

Письмо къ гр. Г. Орлову †.

Милостивый Государь,
Григорій Григорьевичъ!

Обрадуй Всевышній Господь ваше превосходительство, сколько я милостивымъ вашимъ присыланіемъ обрадованъ сегодня. Подай вамъ въ весь вѣкъ столько чувствовать удовольствія, какъ я нынѣ! Но оно безконечно умножится, когда совершеніе вашего благодѣянія истинно отеческаго воспослѣдуетъ, ибо онымъ всѣ истинные сыны отечества отъ унынія возстановлены или, лучше сказать, воскрешены будутъ. Напротивъ того, злые недоброхоты россійскіе, въ коварныхъ своихъ проискахъ ослабясь, не такъ станутъ насягать на насъ дерзостно. Нынѣ время златой знатнымъ наукамъ вѣкъ возставить и отъ презрѣнія (въ которое я было самъ первый попалъ) избавить возлюбленный Россійскій родъ. Не укосни, милостивый государь, въ отчаяніи и дряхлости сѣтующее, учащееся здѣсь юношество оживить отрадою и показать, что ваше превосходительство Богъ возвысилъ истиннымъ сыномъ

† Писано въ отвѣтъ на выраженное гр. Орловымъ намѣреніе ходатайствовать передъ Имп. Екатериной II о подписаніи привилегіи (грамоты) Петербургскаго университета и о назначеніи Ломоносова вице-президентомъ Академіи наукъ.

отечества, на защищеніе вѣрныхъ природныхъ подданныхъ ея Величества. Въ надеждѣ несомнѣннаго отеческаго вашего покровительства съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю...

(27 іюля 1762 года.)

Письмо къ сестрѣ.

Государыня моя сестрица, Марья Васильевна!

Здравствуй на множество лѣтъ съ мужемъ и съ дѣтьми! Весьма пріятно мнѣ, что Мишенька пріѣхалъ въ Санктпетербургъ въ добромъ здоровьѣ и что умѣетъ очень хорошо читать и исправно, также и пишетъ для ребенка нарочито. Съ самаго пріѣзда сдѣлано ему новое французское платье, сшиты рубашки и совсѣмъ одѣтъ съ головы и до ногъ, и волосы убираетъ по нашему, такъ чтобы его на Матигорахъ не узнали. Мнѣ всего удивительнѣе, что онъ не застѣнчивъ и тотчасъ къ намъ и къ нашему кушанью привыкъ, какъ бы вѣкъ у насъ жилъ. Не показалъ никакого виду, чтобы тосковалъ или плакалъ. Третьяго дня послалъ я его въ школы здѣшней Академіи наукъ, состоящія подъ моею командою, гдѣ сорокъ человѣкъ дворянскихъ дѣтей и разночинцевъ обучаются и гдѣ онъ жить будетъ и учиться подъ добрымъ смотрѣніемъ, а по праздникамъ и по воскреснымъ днямъ будетъ у меня обѣдать, ужинать и ночевать въ домѣ. Учить его приказано отъ меня Латинскому языку, ариѳметикѣ, чисто и хорошенько писать и танцовать. Вчера много вечера былъ я въ школахъ нарочно осмотрѣть, какъ онъ въ общежитіи со школьниками ужинаетъ, и съ кѣмъ живетъ въ одной камерѣ. Повѣрь, сестрица, что я объ немъ стараюсь, какъ долженъ добрый дядя и отецъ крестный. Такъ же хозяйка моя и дочь его любятъ и всѣмъ довольствуютъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ чрезъ ученіе счастливъ будетъ, и съ истиннымъ любленіемъ пребываю братъ твой

Михайло Ломоносовъ.

Марта 2 дня 1765 года, изъ Санктпетербурга.

Я часто видаюсь здѣсь съ вашимъ губернаторомъ, и просилъ его по старой своей дружбѣ, чтобы васъ не оставилъ. Въ случаѣ нужды, или еще и безъ нужды можете его превосходительству поклониться, Евсей Ѳедоровичъ или ты сама. Жена и дочь моя вамъ кланяются.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА.

Опечатки.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано*:	*Должно быть*:
21	9 снизу	отвещаегъ	отвѣщаетъ
100	1 —	Deorbium	De orbium
101	1 сверху	Въ безмерномъ углу я	Въ безмѣрномъ углубя
111	11 снизу	Angustae	Augustae
117	12 --	поданныхъ	подданныхъ
128	2 —	en	an
159	2 сверху	de Cesare	de Caesare
231	6 —	во мнѣ	ко мнѣ
250	4 снизу	на стр.	на стр. 238.

